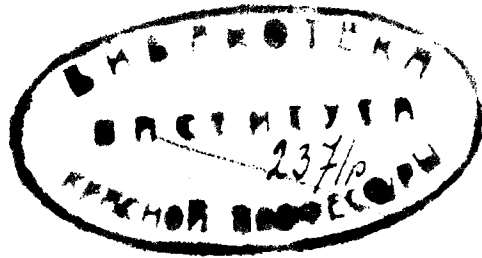

37 1113

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОРЬБА КЛАССОВ

1932 г.

1

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ПРИ КОМАКАДЕМИИ ЦИК СССР

Л. МЕХЛИС

К новым победам

Закончилась XVII всесоюзная партийная конференция.

Она подвела итоги работы промышленности за 1931 г., наметила программу ее работы в завершающем году первой пятилетки и директивы к составлению второго пятилетнего плана социалистического строительства.

С какими итогами мы пришли к партийной конференции?

Какова международная обстановка, в которой протекала наша работа в истекшем году?

Принципиально противоположный характер двух социально-экономических систем нашел свое выражение в том, что хозяйство Советского союза переживает подлинный социалистический подъем, хозяйство капиталистических стран — жесточайший экономический кризис, поднявший все противоречия капитализма на необычайную высоту.

Два с лишним года тянется мировой экономический кризис. Он охватывает все капиталистические страны, все отрасли промышленности, за исключением военной, которая продолжает расти, ибо империалисты готовятся к новой мировой войне.

Кризисом охвачены и промышленность и сельское хозяйство во всех странах. В этом хаосе выгодно выделяется цветущий социалистический оазис — Советский союз, хозяйство которого продвигается вперед темпами, неслыханными в истории человечества. Уже один тот факт, что на 1/6 части мира — в Советском союзе — нет кризиса, имеет всемирно-историческое значение. Он свидетельствует, что наше хозяйство настолько окрепло и выросло, что оно не подвержено влиянию стихийных законов капитализма.

Еще на XV партийном съезде т. Сталин предсказал нарастание экономического кризиса и ту глубину, которую он примет. Из фактов временной, неустойчивой стабилизации в странах капитализма т. Сталин сделал прогноз о нарастании самого острого, самого глубокого кризиса.

«Из самой стабилизации, из того, что производство растет, из того, что торговля растет, из того, что технический прогресс и производственные возможности возрастают в то время, как мировой рынок, пределы этого рынка и сферы влияния отдельных империалистических групп остаются более или менее стабильными,—именно из этого вырастает самый глубо-

кий и самый острый кризис мирового капитализма, чреватый новыми войнами и угрожающий существованию какой бы то ни было стабилизации».

Такова диалектика развития капитализма, вскрытая тов. Сталиным еще задолго до начала мирового экономического кризиса. Этот марксистско-ленинский прогноз полностью оправдался.

Экономический кризис протекает в обстановке всеобщего кризиса капитализма как общественно-экономической формации. В ряде стран — Германия, Польша и т. д. — он все больше перерастает в кризис политический.

Чтобы судить, насколько кризис парализовал капиталистическое хозяйство, приведем некоторые показатели.

За период с 1929 г. индекс промышленной продукции в С А С Ш пал до 59,5 проц.; в Германии — до 59,5 проц.; в Англии — 78,6 проц.; во Франции — 81,3 проц.; в Японии — 89,7 проц.

Внешняя торговля резко сократилась. В САСШ экспорт упал на 60 проц., импорт — на 45 проц. В Англии соответственно — 30 проц. и 20 проц.

Кредитный кризис достиг исключительных размеров, отражая процессы в капиталистическом производстве.

Банкротятся крупнейшие банки и предприятия. Фунт стерлингов — эта гордость английской буржуазии, фунт стерлингов, который десятками лет хранился в капиталистических банках в качестве золотого обеспечения, перестал обмениваться на золото. Валютный кризис охватил 34 страны.

Германия накануне государственного банкротства. — она не в состоянии платить по плану Юнга. Между Францией и САСШ идет война золотыми пулями. Только в этих странах сохранились большие запасы золота, но вкладчики все больше их расхватывают. Франк и доллар стоят в очереди и несомненно будут втянуты в водоворот падения валют.

Все капиталистические государства усиливают таможенные барьеры, чтобы преградить другим возможность ввозить товары. Англия — прежде сторонница свободной торговли — с приходом консерваторов к власти стала на путь открытого протекционизма.

Усиление противоречий в лагере империализма нашло отражение в таможенной войне, в военной оккупации Манчжурии, в вооруженном нападении японских империалистов на Китай. Усилилась угроза нападения на СССР как на Востоке — со стороны Японии, так и на Западе.

Безработица приняла неслыханные размеры. Не считая колоний, в капиталистических странах полных безработных 42 млн. человек. Идет наступление на заработную плату. Сокращается или полностью отменяется страхование от безработицы. Оставшиеся на производстве рабочие не уверены в завтрашнем дне.

Голод и нищета царят в рабочих кварталах. Квартиры в крупнейших капиталистических городах пустуют, а сотни тысяч рабочих семейств ютятся в «отелях Гувера», как выражаются в Америке, т. е. под открытым небом.

Даже социал-фашисты, эти лекари капитализма, вынуждены признать сейчас глубину кризиса. Отто Бауэр, теоретик социал-фашистского Интернационала, пишет: «Никто сегодня не может предсказать, что принесут нам ближайшие недели, ближайшие месяцы. Одно несомненно, что мы находимся в периоде полного, глубокого переворота всего здания капиталистической мировой экономики».

Этот лакей капитализма, понятно, не призывает рабочих к свержению капитализма. Он обманывает и размагничивает рабочих в борьбе. «Я не думаю, — говорит он, — чтобы сейчас революционная диктатура в

Австрии могла продержаться хотя четырнадцать дней в окружении враждебного капиталистического мира».

Социал-фашисты делают сейчас все, чтобы спасти капитализм, удержать рабочие массы от борьбы за революционный выход из кризиса, чтобы ослабить растущее влияние наших братских компартий.

Революционное движение в капиталистических странах находится на под'еме. В Китае клоочет гражданская война. Советские районы Китая охватывают территорию с населением свыше 50 млн. человек, представляя собой единственную силу, мобилизующую, под руководством киткомпартии, массы на борьбу с империалистами и контрреволюционным Гоминданом.

Капиталистический мир закончил год под знаком роста кризиса, роста противоречий, нищеты трудящихся, под'ема революционной волны. Фундамент капитализма трещит по всем швам.

Такова международная обстановка к XVII партийной конференции.

Все острее стоит вопрос — чья возьмет на мировой арене. Наши силы растут гигантски быстрыми шагами. Но капитализм еще силен и упорно, настойчиво подготавливает войну против отечества мирового пролетариата. Ход конференции по «разоружению» все больше вскрывает и перед широкими массами трудящихся, что империалисты не думают разоружаться, а готовятся к новой империалистической войне, к нападению на Советский союз.

Отсюда задача, диктуемая всей международной обстановкой,—еще упорнее бороться за большевистские темпы социалистического строительства, за укрепление обороноспособности страны, за усиление мощи Красной армии.

Еще на XIV партийном с'езде тов. Сталин поставил перед партией задачу: «Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование — вот в чем суть, основа нашей генеральной линии». Этот лозунг превращения нашей страны из аграрной в индустриальную проводился партией с большевистской настойчивостью.

В результате мощно выросла наша промышленность. Программа пятилетнего плана ежегодно перевыполняется: в 1929 г.—на 6 проц., в 1930 г. — на 7 проц., в 1931 г. — на 13 проц. Первая пятилетка будет выполнена в четыре года.

Особенно быстрыми темпами растет за последние годы тяжелая индустрия — основная база социализма. Если валовая продукция всей промышленности давала ежегодный прирост от 21 до 24 проц., то валовая продукция тяжелой индустрии ежегодно увеличивалась от 21 до 40 проц.

Вступили и вступают в строй сотни новых предприятий, десятки гигантов тяжелой индустрии. Реконструируется наша промышленность. Советский союз превратился в индустриальную страну и овладевает производством самых сложных машин, которые прежде ввозились из-за границы. «За истекший период наша тяжелая промышленность поставлена твердо на ноги и тем самым создана собственная база для завершения реконструкции всего народного хозяйства, база социалистической крупной машинной индустрии» (из резолюции XVII партконференции).

В области сельского хозяйства наши успехи не менее грандиозны.

Из страны мелкотоварного крестьянского хозяйства Советский союз превратился в страну самого крупного земледелия. Стратегический план совхозного и колхозного строительства, разработанный т. Сталиным, про-

водится партией с исключительной настойчивостью. В колхозах объединено сейчас свыше 60 проц. крестьянских хозяйств, колхозные поля занимают около 80 проц. крестьянских посевных площадей.

Социалистический сектор абсолютно преобладает не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Самая важная и самая трудная задача — переделки мелко-кулацкого крестьянского хозяйства на социалистический лад и ликвидации кулачества как класса — разрешается успешно пролетариатом нашей страны под руководством ленинской партии.

Одержанные нами победы в социалистическом переустройстве сельского хозяйства имеют всемирно-историческое значение. Построен фундамент социалистической экономики. Вопрос «кто кого» решен в нашей стране в пользу социализма.

«Партия добилась этих успехов в борьбе с буржуазной теорией троцкизма о невозможности построения социализма в одной стране и неизбежности реставрации капитализма, — троцкизма, превратившегося теперь в передовой отряд буржуазной контрреволюции.

Партия добилась этих успехов в борьбе с правым оппортунизмом, линия которого заключалась не только в срыве политики социалистического наступления, но и в прямой капитуляции перед кулачеством и буржуазными элементами.

Только в решительной борьбе как с «левым», так и с правым оппортунизмом и с примиренчеством к ним, за генеральную линию нашей партии ВКП(б) обеспечила создание предпосылок для выполнения первой пятилетки в четыре года, разгром классового врага и победу социализма в СССР».

Директивы партийной конференции по второй пятилетке — практическая программа построения полного социалистического общества в нашей стране. Социализм — не музыка будущего. Вторая пятилетка — величайшая историческая дата, дата завершения построения социалистического общества.

Во второй пятилетке будут окончательно ликвидированы классы в нашей стране. Но только правые оппортунисты и гнилые либералы думают, что мы вступили в период плавного хода развития. Теория о плавном ходе развития, а равно «философски»-пренебрежительное отношение к борьбе с оппортунизмом на данном этапе ничего общего с ленинизмом не имеют.

Только правые оппортунисты и гнилые либералы думают, что мы будем плыть по течению, плавно и спокойно построим социализм.

Расширенное воспроизводство социалистических отношений идет и пойдет у нас по формуле всеобщего наступления социализма по всему фронту. Борьба, жесточайшая борьба между старым и новым, — основа развития нашего хозяйства, основа победоносного движения вперед. «Теоретиков» плавного хода развития разоблачил в свое время т. Сталин. «Уничтожение классов путем потухания классовой борьбы и вставания кулаков в социализм, — такова формула т. Бухарина». Но это — формула антиленинская, антимарксистская. Она играет наруку классовым врагам и питает иллюзии, что можно ослабить борьбу с оппортунизмом, что правая опасность не является главной.

XVII всесоюзная партконференция поступила совершенно правильно, подчеркнув, что «... и в дальнейшем еще неизбежно обострение классовой борьбы в отдельные моменты и особенно в отдельных районах и на отдельных участках социалистической стройки, что вместе с тем подчер-

живает неизбежность сохранения, а в некоторых случаях и усиления буржуазных влияний на отдельные слои и группы трудящихся, неизбежность еще в течение длительного времени проникновения чуждых пролетариату классовых влияний в среду рабочих и даже в партию. Ввиду этого перед партией стоит задача укрепления пролетарской диктатуры и дальнейшего развертывания борьбы с оппортунизмом, и особенно с правым уклоном, как главной опасностью на данном этапе».

Не понимать этого — значит делать ставку на самотек, не видеть трудностей социалистического строительства, не видеть, что наше продвижение вперед протекает в порядке борьбы и преодоления трудностей.

Линия нашей партии не имеет ничего общего с оппортунистическим самотеком. «Наша сила — полная ясность и трезвость учета всех наличных классовых величин, и русских, и международных, а затем и истекающие отсюда железная энергия, твердость, решительность и беззаветность борьбы» (Ленин).

Классы в нашей стране не ликвидированы. Ликвидация капиталистических элементов и классов вообще — задача, поставленная партией во второй пятилетке. Для ее осуществления требуется упорная борьба.

Во второй пятилетке перед нами стоит задача переделки психологии десятков миллионов трудящихся. Идеологический участок будет занимать центральное место в нашей борьбе за социализм.

Развернутое наступление социализма по всему фронту нашло свое отражение и на участке теоретического фронта. Разоблачение рублинщины, переверзевщины, литфронтонщины, меньшевистствующего идеализма, рязановщины, троцкистской контрабанды и т. д. — показатель побед ленинской партии на важнейшем участке социалистического строительства.

Письмо т. Сталина в журнал «Пролетарская революция» сыграло и сыграет исключительную роль в деле усиления классовой бдительности, усиления борьбы с гнилым либерализмом, с троцкистской контрабандой.

Троцкисты пытались путем извращения истории нашей партии повлиять на воспитание новых кадров партийцев и комсомольцев. Благодаря гнилому либерализму в четырехтомнике под редакцией т. Ярославского немало поработала «школка» троцкистских контрабандистов — Эльвов, Кин, Минц и др. В ряде глав четырехтомника мы имеем троцкистскую клевету на Ленина, на партийное руководство. В четырехтомнике сознательно замазывается и искажается роль т. Сталина в нашей партии и на мировой арене.

Все это говорит о необходимости дальнейшей мобилизации партии на борьбу с правым и «левым» оппортунизмом, с контрреволюционным троцкизмом и гнилым либерализмом.

Мы одержали победу всемирно-исторического значения. Вопрос «кто кого» внутри страны решен. Но теперь стоит задача — закрепить и развить эту победу.

Чтобы построить социалистическое общество, надо одержать новые победы над проклятым наследием капиталистического прошлого: мелкобуржуазным эгоизмом, косностью, распушенностью, пренебрежительным отношением к народному добру, социалистическому накоплению и т. д. Надо двинуть вперед семимильными шагами дело социалистического соревнования и ударничества. Надо умножать наши победы на этом решающем участке борьбы.

Какое большое значение Ленин придавал борьбе за новую дисциплину труда, против рваческих настроений отдельных групп рабочих и тру-

лящихся, можно заключить из следующего. В статье «Великий по-
чин» он говорит, что победа в деле коммунистического отношения к
труду — начало переворота, более трудного, более суще-
ственного, более коренного, более решающего, чем
свержение буржуазии».

И это так, ибо идет состязание двух систем. Без решительного по-
вышения производительности труда победа новой общественно-экономиче-
ской формации не может быть обеспечена. Производительность труда, —
неоднократно говорил Ленин, — это самое главное для победы нового
общественного строя.

Во второй пятилетке, как и сейчас, нам придется вести борьбу про-
тив «левацкой» мелкобуржуазной уравниловки. Распределение будет по
количеству и качеству труда. Уровень производительных сил потребует
строжайшего контроля над мерой труда и мерой потребления. Этот кон-
троль будет осуществлять пролетарское государство.

Всекие оппортунистические, классово-враждебные пролетариату раз-
говоры о необходимости ослабления диктатуры пролетариата ввиду лик-
видации классов, отмирания государства и т. д. должны быть разоблачены.

Пролетариат нашей страны вовсе не собирается сдавать позиций
классовым врагам, он не пойдет на удочку «певцов» потухающей кривой
классового развития. Для полного отмирания государства нужен полный
коммунизм. Диалектика нашего развития заключается в том, что мы идем
к отмиранию государства путем укрепления дикта-
туры пролетариата.

Оппортунисты, герои самотека, думающие, что нам уже море по
колено, забывают «мелочь» — международную обетановку. «Мы живем не
только в государстве, но и в системе государств, и существование Совет-
ской республики рядом с империалистическими государствами продолжи-
тельное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит.
А пока это наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской
республикой и буржуазными государствами неизбежен» (Ленин, изд. 1,
т. XVI, стр. 102).

Сейчас, как никогда, это следует напомнить тем товарищам, у кото-
рых лоявляется головокружение от успехов. Мы действительно
окрепли и движемся вперед большевистскими темпами. Во второй пяти-
летке новые десятки миллионов втянутся в активную борьбу за социа-
лизм. Но проблема «кто кого» на мировой арене далеко не разрешена.
Социал-фашисты продолжают обманывать миллионы трудящихся и удер-
живать их под своим влиянием «левой» фразой, социальной демагогией.
Пока эта агентура буржуазии в рядах рабочего класса не разбита окон-
чательно. И тот факт, что «Троцкий, — по свидетельству «Социалисти-
ческого вестника», — со всею решительностью выступает за
единый фронт с социал-демократией», липный раз подтверж-
дает, что огонь братских компартий должен быть сосредоточен по социал-
фашистам.

В борьбе с социал-фашизмом, с оппортунизмом в соб-
ственных рядах лежит путь братских компартий к ме-
ждународному Октябрю!

В борьбе с оппортунизмом и гнилым либерализ-
мом, с правым уклоном как главной опасностью на
данном этапе лежит путь к бесклассовому обществу
в нашей стране!

Ленинская партия ведет рабочий класс к новым
победам.

В. И. Ленин и И. В. Сталин в Горках в июле 1922 года

Письмо тов. Сталина Ленину из сольвычегодской ссылки (1910 г.)

Печатаемое ниже письмо тов. Сталина относится к тому периоду в истории нашей партии, когда в связи с глухой реакцией после поражения первой русской революции, в связи с упадком массовой борьбы, развалом организации, ренегатством, бегством интеллигенции из партии Ленину (большевикам) пришлось вести жесточайшую борьбу на два фронта: против ликвидаторов справа, отрицавших необходимость существования нелегальной революционной партии и всячески оплевывавших ее, и против ликвидаторов слева — отзовистов (впередовцев), не понимавших необходимости использования легальных возможностей, а также и против примиренцев в своих собственных рядах (Каменев, Рыков, Ногин и др.). Эта борьба велась Лениным (большевиками) во имя сохранения и укрепления нелегальной партии, за сплочение вокруг партийного знамени всех действительно партийных элементов, за укрепление партийного единства. Для успешного проведения этой борьбы Ленин считал необходимым сближение в частности с меньшевиками-партийцами (плехановцами), за которыми в то время шла некоторая часть рабочих и которые вели борьбу с ликвидаторами. Но это сближение с плехановцами Ленин мыслил не в виде беспринципного блока, как это проделывал «герой примиренческой фразы», «присяжный адвокат ликвидаторов и отзовистов» Троцкий, сколачивавший свой собственный блок из самых разношерстных элементов под фальшивым лозунгом «единства во что бы то ни стало». Соглашение с плехановцами Ленин мыслил как «соглашение на основе борьбы за партию и за партийность против ликвидаторства, без всяких компромиссов, без всякого замазывания тактических и иных разногласий в пределах партийной линии» (т. XIV, стр. 208).

Яркую характеристику этого блока ленинцев с плехановцами, как и характеристику беспринципного троцкистского блока — «синтеза» — амальгамы, дает печатаемое письмо т. Сталина.

Троцкистско-зиновьевский антипартийный блок (1926 — 1928 гг.), явивший собой как раз также один из ярких примеров беспринципнейшего блока, пытался в свое время взвести клевету на Ленина, утверждая, что он якобы одобрял вообще блоки в партии. Тов. Сталин дал тогда же ответ на эту клевету Зиновьева:

«... Заявление тов. Зиновьева не имеет ничего общего с позицией Ленина. Ленин никогда не одобрял вообще блоки в партии. Ленин стоял лишь за принципиальные и революционные блоки против меньшевиков, ликвидаторов, отзовистов. Ленин всегда боролся против беспринципных и антипартийных блоков в партии. Кому неизвестно, что Ленин три года боролся против «Августовского блока» Троцкого, до полной победы над ним, как против антипартийного и беспринципного блока. Ильич никогда не стоял за всякие блоки.

Ильич стоял только за такие блоки в партии, которые являются принципиальными, во-первых, и, во-вторых, которые преследуют цель укрепления партии против ликвидаторов, против меньшевиков, против колеблющихся элементов. История нашей партии знает опыт такого блока ленинцев с плехановцами (это было в 1911 — 1912 гг.) против блока ликвидаторов, когда сформировался против партии «Августовский блок», куда входил Потресов и прочие ликвидаторы, Алексинский и другие отзовисты, и во главе которого стоял Троцкий. Был один блок, блок антипартийный, «Августовский блок», беспринципный, авантюристский, и был другой блок, блок ленинцев с плехановцами, т. е. революционными меньшевиками (тогда Плеханов был революционным меньшевиком). Вот такие блоки Ленин признавал, и мы все признаем такие блоки» (сб. «Об оппозиции», стр. 332).

Оригинал печатаемого письма не найден. Оно сохранилось в перлюстрационной копии в делах Вологодского губернского жандармского правления. Письмо предназначалось Ленину, жившему в то время в Париже, но адресовано было некоему Семену Вельтману, служившему здесь лишь передаточной инстанцией.

31 декабря 1910 г. (старого стиля).

Тов. Семен! Вчера я получил от товарищей ваше письмо. Прежде всего горячий привет Ленину, Каменеву и др. А потом по поводу вашего письма и вообще о «проклятых вопросах».

По моему мнению линия блока (Ленин — Плеханов) единственно нормальная: 1) она и только она отвечает действительным интересам работы в России, требующим сплочения всех действительно партийных элементов; 2) она и только она ускоряет процесс освобождения легальных организаций из-под гнета ликвидаторов, вырывая яму между рабочими-меками¹ и ликвидаторами, рассеивая и убивая последних. Борьба за влияние в легальных организациях является злобой дня, необходимым этапом на пути к возрождению партии, а блок составляет единственное средство для очищения таких организаций от мусора ликвидаторства. В плаще блока видна рука Ленина, — он мужик умный и знает, где раки зимуют. Но это еще не значит, что всякий блок хорош. Троцкий блок (он бы сказал — «синтез») — это тухлая беспринципность, маниловская амальгама разнородных принципов, беспомощная тоска беспринципного человека по «хорошему» принципу. Логика вещей строго принципиальна по своей природе, и она не потерпит амальгам. Блок Ленин — Плеханов потому и является жизненным, что он глубоко принципиален, основан на единстве взглядов по вопросу о путях возрождения партии. Но именно потому, что это блок, а не слияние, — именно потому бекам² нужна своя фракция. Очень может быть, что в ходе работы беки окончательно приручат плехановцев, но это

¹ Меки — меньшевики.—Ред.

² Беки — большевики.—Ред.

лишь может быть. Спать и надеяться на такой исход, хотя бы и очень вероятный, нам, во всяком случае, не следует. Чем сплоченнее будут действовать беки, чем организованнее будут выступать, тем больше шансов на возможность приручения. Мы должны поэтому неустанно ковать на всех наковальнях. О впередовцах ничего не говорю, так как теперь они менее интересны, чем ликвидаторы и плехановцы. Если когда-нибудь очухаются — хорошо, конечно, а нет — бог с ними, пусть варятся в своем собственном соку.

Так я думаю о загранице. Но это не все и не главное даже. Главное — организация работы в России. История нашей партии показывает, что вопросы разногласий разрешаются не в прениях, а главным образом в ходе работы, в ходе применения принципов. Поэтому задача дня — организация русской работы вокруг строго определенного принципа. Ликвидаторы сразу поняли дело (нюх у них очень развит) и начали примащиваться (уже примостились) в легальных рабочих организациях, при чем имеют, оказывается, свой нелегальный русский центр, направляющий и т. д. работу. А мы все «готовимся», пребываем в стадии репетиций. По-моему, для нас очередной задачей, не терпящей отлагательства, является организация центральной (русской) группы, объединяющей нелегальную, полуполегалную и легальную работу на первых порах в главных центрах (Питер, Москва, Урал, Юг). Назовите ее как хотите — «русской частью Цека» или «вспомогательной группой при Цека» — это безразлично. Но такая группа нужна как воздух, как хлеб. Теперь на местах среди работников царит неизвестность, одиночество, оторванность, у всех руки опускаются. Группа же эта могла бы оживить работу, внести связность и ясность. А это расчистило бы путь к действительному использованию легальных возможностей. С этого, по-моему, и пойдет дело возрождения партийности. Не мешало бы организовать предварительно совещание работников, признающих решения пленума¹, конечно, под руководством Цека. Все это после «реформы» центральных учреждений² и при условии согласия со стороны плехановцев.

¹ Имеется в виду пленум ЦК в январе 1910 г., принявший решение о «необходимости уничтожения фракционности, уничтожения всех более или менее организованных фракций и превращения их в течения, не шарушающие единства партийного действия». По настоянию Ленина пленум принял осуждение идей ликвидаторства и отзовизма, однако благодаря чрезмерным уступкам, сделанным бывшими на пленуме большевиками-примиренцами, пошедшими на «соглашение с людьми и группами без разбору, без соответствия их обещаний («резолюцию подписали») и их дел» (Ленин), лишь затормозил дело борьбы с ликвидаторами, которые, как известно, решений пленума и не подумали выполнять. — *Ред.*

² Реформа центральных учреждений, т. е. ЦК, русской коллегии ЦК, Заграничного бюро ЦК и редакции ЦО. Январский пленум ЦК 1910 г. принял ряд решений по этому вопросу, которые должны были обеспечить проведение партийной линии. Решения эти были однако сорваны ликвидаторами. — *Ред.*

Очень может быть, что это совещание и даст подходящих людей для выше-названной центральной группы. Польза такого совещания ясна, по-моему, и во многих других отношениях. А действовать придется неуклонно и беспощадно, не боясь нареканий со стороны ликвидаторов, троцкистов, впереводцев: если плехановцы и ленинцы сплотятся на почве работы в России, они могут не обращать внимания на какие бы то ни было нарекания. Так я думаю о работе в России.

Теперь о себе. Мне остается шесть месяцев ¹. По окончании срока я весь к услугам. Если нужда в работниках в самом деле острая, то я могу сняться немедленно ². «Мысль» ³ № 1 читал. Воображаю, сколько ясности и бодрости внесет среди рабочих даже один только факт совместного выступления вчерашних противников, сколько смуты и хаоса посеет в рядах ликвидаторов. И всякий порядочный человек скажет, что это будет недурно.

В ссылке имеется порядочная публика и было бы очень хорошо снабжать ее периодическими нелегальными изданиями. Пришлите «Социал-Демократ» ⁴ № 17 и дальше, а также «Приложение» к «Социал-Демократу». У нас нет «Рабочей Газеты» ⁵ ни № 1, ни № 2, нет и «Голоса Социал-Демократа» ⁶. «Звезду» ⁷ должно быть получим. Адреса для посылок: 1) Сольвычегодск, Вологодской губ., Ивану Исааковичу Богомолу; 2) Сольвычегодск, Вол. губ., Петру Михайловичу Серафимову. Адрес для переписки со мной: Сольвычегодск, Вологодской губ., дом Григорова, Николай Александрович Вознесенский.

С товарищеским приветом К. С.

Заказным не надо посылать. Пишите о делах у вас, очень прошу.

¹ Т.-е. шесть месяцев до окончания срока ссылки. В Сольвычегодск (Вологодской губ.) Сталин был сослан в 1908 г., бежал в 1909 г. и после ареста в Баку в марте 1910 г. и нескольких месяцев сидки в тюрьме вновь был отправлен в Сольвычегодск. — *Ред.*

² «Снялся» Сталин через месяц после этого. — *Ред.*

³ «Мысль» — легальный большевистский журнал, издававшийся в Москве с декабря 1910 г. по апрель 1911 г. Кроме большевиков в журнале принимали участие Плеханов и др. меньшевики-партийцы. — *Ред.*

⁴ «Социал-Демократ» — центральный орган РСДРП, выходивший с 1908 г. по 1917 г. Состав редакции его несколько раз менялся, однако руководящую роль в нем всегда играли большевики-ленинцы. После январского пленума ЦК 1910 г. в состав редакции входили 2 большевика (Ленин, Зиновьев), 2 меньшевика (Дан и Мартов) и один от поляков (Варский, потом Ледер). После ухода из редакции в связи с конфликтами между большевиками и меньшевиками Дана и Мартова, а затем в декабре 1911 г. и Ледера «Социал-Демократ» стал чисто большевистским органом. — *Ред.*

⁵ «Рабочая Газета» — популярная большевистская газета, выходившая в Париже с ноября 1910 г. по август 1912 г. В газете принимали участие также Плеханов и др. меньшевики-партийцы. — *Ред.*

⁶ «Голос Социал-Демократа» — заграничный орган меньшевиков-ликвидаторов, выходивший с февраля 1908 г. по декабрь 1911 г. — *Ред.*

⁷ «Звезда» — легальная с.-д. газета, выходившая в Петербурге с декабря 1910 г. по апрель 1912 г., боровшаяся с ликвидаторством и отзовизмом. До середины 1911 г. в редакцию «Звезды» входили В. Бонч-Бруевич (большевик), Н. Иорданский (плехановец) и И. Покровский (сочувствующий большевикам); участие в газете принимал также Плеханов. С осени 1911 г. «Звезда» стала выходить как чисто большевистский орган. После закрытия «Звезды» выходила (до октября 1912 г.) «Невская Звезда». — *Ред.*

От редакции «Борьбы классов»: публикуемое нами письмо тов. Сталина Ленину с примечаниями и предисловием помещено в № 1—2 «Большевика» за 1932 г.

Речь на десятилетии Института красной профессуры *

Товарищи, наши институты существуют только десять лет, и тем не менее так люди горят у нас на работе, что целый ряд и организационных работников, участвовавших в создании института, и даже студентов уже не присутствует среди нас. Среди этих отошедших особенно, конечно, нужно упомянуть А. Я. Троицкого. Это был один из создателей института. По отношению к подготовительному отделению он является создателем в буквальном смысле слова.

Подготовительное отделение (мне об этом придется говорить в моем докладе) было создано постановлением XIII съезда партии, но осуществил и претворил в жизнь это постановление Александр Яковлевич, и до сих пор студенты («подготовишки», как их называли в старое время) вспоминают Александра Яковлевича.

И целый ряд других товарищей тоже скончались, не дожив до этого маленького юбилея. Товарищи, я предлагаю почтить вставанием память всех этих умерших. (Оркестр исполняет похоронный марш.)

А теперь, товарищи, разрешите на некоторое время занять вас историей нашего учреждения, ибо, я думаю, далеко не всем здесь присутствующим, даже икапистам, она знакома, но, конечно, не историей в конкретном смысле—это было бы очень скучно, да это и не нужно, поскольку мы скоро издаем сборник, где будут помещены все исторические данные, которые кого-либо интересуют.

Я же думаю занять ваше внимание тем, что мы можем назвать философией истории нашего института, смыслом этой истории.

Возникновение ИКП было чрезвычайно логичным, чрезвычайно последовательным шагом нашего партийного строительства. Буржуазные революции не имели своей теории революции, они имели свои теории, но это были теории главным обра-

зом юридические, и суть их заключалась главным образом в том, чтоб более или менее искусно и незаметным образом загнать обратно в клетку того зверя, который был оттуда выпущен на старый порядок и роль которого, раз этот старый порядок был растерзан, считалась законченной. Мавр сделал свое дело, мавр должен удалиться. Но как? Просто такие массы, только что победившие, не разгонишь. Поэтому на помощь приходили более или менее изощренные проекты конституции, которые устраивали дело так, чтобы фактически власть оказывалась в руках собственников, а массы несобственников, массы эксплоатируемые оказывались вне этой конституции, формально или неформально оказывались в подчиненном положении. Это была главная задача старых буржуазных революционеров.

Некоторые историки революции с этой точки зрения рассматривали все буржуазные революции. Например, известный историк июльской монархии Гильдебрандт (вы, вероятно, не знаете его имени, а это очень талантливый черносотенец, он как раз сводит кульминационный пункт всей истории июльской революции во Франции, которую недавно вспоминали по случаю ее столетия, сводит этот кульминационный пункт к министерству Казимира Перье, человека с кулаком, человека с твердой рукой, который забрал в руки взбунтовавшуюся «чернь», произвел соответствующее количество расстрелов и загнал зверя обратно. Конечно, Гильдебрандт прямо этого не говорил,—стиль, которым я говорю, абсолютно не приличествует их кафедре,—но смысл заключается именно в этом. При таком отношении к массам, само собой разумеется, теории революции быть не могло, ибо революция—это не было что-то естественное и нормальное, это было нарушение порядка природы. Иногда бывают землетрясения, иногда бывают наводнения, иногда бывают революции. Можно воспользоваться плодами всего

* Печатается впервые (Ред.).

этого, даже землетрясением и наводнением пользуются умные люди.

Очень любопытно, как эту точку зрения себе усвоили меньшевики. Меньшевики в крайнем случае согласны на революцию, но только на миг, на короткое время, чтобы отнюдь не затягивалось; несколько дней, несколько недель в крайнем случае, но чтобы борьба на десятки лет, классовая борьба, как говорил Ленин, готовя еще в 1905 г. классовую борьбу за социализм, на десятки лет, десятки лет диктатуры пролетариата—это такой ужас, ни один «цивилизованный» человек ничего подобного себе представить не может. Отсюда та теория «производительных сил», над которой так остроумно смеялся т. Сталин, теория, которая, употребляя выражение Ленина, подавала бы социализм готовым на блюде. Капитализм должен был подготовить социализм целиком, до последней тютельки, а затем приходил рабочий класс, брал в руки шесть крупнейших банков в Германии, и готово дело: социализм! На это нужно только несколько часов, даже дней не нужно, при хорошей организации для этой операции нескольких часов за глаза достаточно. Вот вам меньшевистская теория, как вы видите, представляющая собой просто осколок буржуазной теории, только буржуазия откровенно загоняла зверя в клетку, иногда даже прямо об этом говорила, а меньшевики говорят от «марксизма».

Конечно, в действительности ничего, подобного меньшевистской теории, быть не может. Как говорил Ленин, на самом деле борьба за социализм это есть длительная классовая борьба, борьба, повторяю, длящаяся десятилетиями. Мы уже сами боремся первую половину второго десятилетия. В Западной Европе будут тоже бороться и, может быть, еще дольше и ожесточеннее, чем у нас.

Само собой разумеется, что когда массы борются десятилетиями и когда суть дела заключается не в том, чтобы при помощи масс ловко сесть им на спину, а в том, чтобы дать власть в руки этим массам, чтобы эти массы сами строили новый порядок,—то без теории обойтись невозможно. Нельзя драться десятилетиями, не сознавая, за что дерешься, и в особенности нельзя строить новый порядок (а его должны

строить массы), не понимая, что это за порядок, откуда он взялся. Вот почему в нашей пролетарской революции теория была совершенно необходима, и вот почему, в противоположность буржуазным революциям, которые имели только юридическую теорию о том, как построить власть на другой день после революции, у нас есть теория самой революции. Эта теория, как вы прекрасно знаете, всегда играла у нас огромную роль. И даже меньшевики, старавшиеся свести эту теорию к наименьшему злу, временами это признавали.

Я никогда не забуду, как в день получения телеграммы о германской революции я встретил на улице одного из будущих героев меньшевистского процесса и как он мне сказал, сверкая глазами (так человека забрало): «Какой великолепный триумф теории!» Он только позабыл прибавить, что это триумф не его теории, а ленинской теории. Но что это триумф теории, он признавал. Теория помогает нам глядеть в будущее так, как никогда не будет глядеть в будущее ни один буржуазный революционер. Вот почему теоретическое обоснование нашей работы— вещь абсолютно для нас необходимая.

Подавляющее большинство присутствующих, конечно, читало «Что делать?», так что нет надобности затруднять вас цитатами. Я скажу вам только, что мы начали подготовку теоретиков даже еще в полуподпольи. Я не могу назвать этот период совсем подпольным потому, что в революции 1905—6—7 годов мы подполье взорвали и в значительной степени вылезли наружу. Но все-таки первые собрания наших пропагандистских кружков (не кружков пропаганды среди рабочих—это предки Свердловского университета, а кружков пропагандистов, кружков тех, кто готовился быть пропагандистами среди рабочих), эти собрания происходили в конспиративных условиях, с явками, с паролем и всякими такими штуками. Но несмотря на такую внешнюю форму это было нечто вроде семинаров наших Институтов красной профессуры. Читались доклады, происходили прения и т. д. Конечно, это все было менее регулярно, чем теперь, потому что очень часто во время такого заседания на квартиру являлся окологалочный и начинал удивляться изобилию галоч: «Почему столько галоч?» Мы го-

ворили: «Много народу живет в этой квартире, а, как известно, всякий россиянин ходит зимой в галошах. Много галош по этой причине». Иногда околоточный удовлетворялся, а иногда все же не удовлетворялся, иногда мы поспешно разбегались с такого рода «семинаров» через заднюю дверь и т. д. Но все-таки первая попытка была сделана.

В этих первых семинарах, которые являлись до известной степени предшественниками семинаров ИКП, был только один недостаток: они сплошь, по-моему, состояли из интеллигенции, рабочих там не помню. Это сплошь были студенты, курсистки, иногда гимназисты, гимназистки старших классов, иногда преподаватели, но, во всяком случае, это была интеллигенция.

Несколько лет спустя, в 1908—1910 гг. была сделана попытка продвинуться в этом направлении дальше и были организованы уже школы для рабочих, для того, чтобы подготовить пропагандистов из рядов рабочего класса. Это проводилось, как вы знаете, за границей. Вы слышали, вероятно, также, что две первые школы попали в руки тогдашней оппозиции, фракционеров «впередовцев», и в значительной степени были этим исковерканы и превратились из партийных школ во впередовские загоны, где готовили не партийных организаторов и пропагандистов, а готовили агитаторов группы «Вперед». Между прочим, и место этих школ (Италия—сначала на Капри, а потом в Болонье) — оно очень характерно, когда посмотришь теперь с высоты двадцатилетнего периода. Для чего люди собирались в Италии? Это курьезная вещь. Приводились различные аргументы, вроде того, что там жизнь дешевле, а на самом деле она была дороже, чем в Париже. Говорили, что там полиции труднее наблюдать—это в Болонье-то, где русских, кроме учеников школы и преподавателей, не было, так что они, как светляки, сияли на весь город, и весь город знал, что здесь живут русские школьники. Тогда как в Париже мы имели такое положение, что 20—30 учеников, как иголка в сене, терялись среди 20—30 тыс. политических эмигрантов. Это было сделано не случайно, а сделано для того, чтобы изолировать эти школы от Ленина, так как Ленин жил в Париже и не всегда мог

бросить текущую партийную работу и поехать на Капри или в Болонью. Владимир Ильич от этого отказывался и совершенно резонно. Но, наконец, удалось организовать настоящую партийную, ленинскую школу под Парижем, в Лонжюмо, где окончил свою подготовку целый ряд выдающихся работников нашей партии во главе с т. Орджоникидзе. Но затем стало так быстро развиваться движение в России, что некогда уже было заниматься этой работой; ею можно было заниматься только на досуге. Теперь люди слишком нужны на месте. Школы прекратились. Нужно было ожидать, что тотчас же после Октябрьской революции эта попытка готовить пропагандистов будет возобновлена. Это, вероятно, так и было бы, но этому помешала гражданская война. Гражданская война сорвала на фронт всю нашу молодежь, ученую и неученую, готовую стать профессорами и не готовую,—вся она была на фронте. Недаром у нас можно было очень часто, в особенности на наших первых семинарах, видеть ордена Красного знамени. Краснознаменцев у нас было достаточно.

Основание института не случайно совпало с демобилизацией Красной армии. Это освободило первую массу людей, и большая часть—почти все, даже женщины,—пришла к нам из ПУР или прямо с фронта, из рядов армии. Окончилась гражданская война, и началась вновь та подготовка теоретиков, которая всегда стояла в центре внимания партии. О результатах этой подготовки вам, вероятно, скажут те, кто будет приветствовать нас по случаю десятилетия ИКП. ибо я убежден, что нас будут не только приветствовать, но и давать известную оценку нашей деятельности, и нас будут гладить не только по шерстке, но и против шерстки, и это будет очень хорошо. Позвольте это удовольствие оставить вам, когда вы будете слушать ораторов. Я на этом останавливаться не буду, скажу только одно.

По отзывам наших врагов мы часто можем судить о той объективной ценности работы, которую мы производим. И когда меньшевик Троцкий называет этих красных профессоров красными профессорами сталинской формации, то это чрезвычайно почетное название, которым каждый должен гордиться. (Аплодисменты). Так что

Институт красной профессуры кое-что партии, несомненно, дал, вступил на ту дорогу, по которой мы должны идти. Об этом я еще скажу в конце своего доклада.

А теперь позвольте не останавливаться на комплиментах икапистам (повторяю: об этом будут, вероятно, говорить другие), а немного заняться самокритикой и поглядеть на историю института с этой стороны.

Что, у нас дело все шло гладко в течение этих десяти лет? Далеко шло не гладко, дорогие товарищи! Поскольку эта негладкость объяснялась объективными причинами, я об этом говорить не буду, об объективных причинах у нас говорить не принято. Но я должен сказать, что когда смотришь с высоты хотя бы десяти лет, начинаешь понимать, что объективные причины играли чрезвычайно второстепенную роль. А вот работа самого института, его руководителей?

Кто основал его? Основала его, конечно, партия. До такой степени партия, товарищи, что не могу с вами не поделиться одним анекдотическим фактом. На четвертом году существования института обнаружилось, что ректор оного не утвержден в советском порядке нигде и никак. (Смех). Ректору пришлось подписывать контракт на постройку общежития. Нотариус спрашивает документ, удостоверяющий, что этот человек ректор. Тогда происходит такая картина. По телефону спешно звонят в НКПрос (тогда ИКП был в НКПросе); опросом коллегии НКПроса утверждают этого ректора, потому что неловко перед нотариусом обнаружить такую вещь, что он до сих пор не утвержден. Так вот до какой степени это было партийное учреждение, что существовало четыре года без ректора, утвержденного в советском порядке.

Характерна еще одна подробность, которую нельзя не упомянуть. Это было редкое учебное заведение, которое создано организационно на три четверти руками тех, кто должен был в нем учиться. Будущие студенты принимали необыкновенно энергичное участие в организации института. Они же нашли и первое помещение этому институту. Это был б. Страстной монастырь. Я никогда не забуду этих маленьких келий, где раньше жили монашки, а теперь сидели красные профессора. И, представьте себе, в этих ма-

леньких кельях не было тесно. Наоборот, впечатление, которое у меня осталось об этой поре института, это впечатление некоторой пустоты, каких-то пустых помещений — так нас было мало. 80 чел. было принято в первый прием, а сейчас 2 400 чел. Увеличение, с вашего позволения, в тридцать раз за десять лет. Желал бы я знать, где профессура росла такими темпами, чтобы за десять лет увеличиться в тридцать раз. А вот у нас росла. Это одна из тех неожиданностей большевизма, которые ставят в тупик наших западных наблюдателей.

Повторяю, это было учреждение партийное и проникнутое, конечно, не антипартийным духом, хотя, чего греха таить, кое-какие антипартийные тенденции там обнаружались в период дискуссии с троцкизмом, и достаточные. Но все-таки, в общем, учреждение было партийное.

Но кто, собственно, заведывал учебной частью, кто был закоперщиком всех этих семинаров, программ и т. д.? Это были преимущественно старые профессора-коммунисты. Мы очень хотели завербовать в состав ИКП (в состав преподавателей) несколько крупных партийных работников. Большая часть откровенно и честно отказалась, очень немногие хотя и приходили, посещали обыкновенно организационные заседания своего семинара, произносили там более или менее красноречивое вступительное слово, а затем происходило то, что произойдет со мной: я сделаю вступительное слово, а заключительное будет делать другой товарищ, ибо кремлевская больница не разрешила мне на такой большой срок здесь присутствовать. И вот эти товарищи уходили, правда, по другим причинам, с самого же начала, и об этих товарищах никто никогда больше не слышал, они исчезали. Кажется, один из таких работников случайно провел четыре занятия. Об этом долго говорили. Это была своего рода легенда. И я очень боюсь, не легенда ли это в самом деле: действительно ли был такой случай, что крупный ответственный партийный работник провел четыре занятия?

И увы и ах, вместо крупных партийных работников нам пришлось привлечь некоторое количество беспартийных профессоров. Это была, конечно, брешь в нашем составе. Нечего этого скрывать. Но дол-

жен сказать, что и наши профессора-коммунисты, в силу того, что они были хотя и коммунисты и отчасти старые большевики, но все-таки профессора—преподаватели высшей школы, внесли кое-какие особенности, которые отразились на институте не вполне благоприятно. Прежде всего они страдали тем, что можно назвать фетишизмом академической иерархии. Им казалось, что студентом ИКП может быть только человек, который прошел высшую школу. Надо сказать, что наши первые семинары этому требованию в значительной степени удовлетворяли: там действительно подавляющее большинство было или окончивших высшую школу или, по крайней мере, побывавших в высшей школе, а в небольшом числе были там и лучшие, наиболее подготовленные свердловцы, окончившие Свердловский университет. Это привело к таким условиям приема, которые незаметно для этих профессоров-коммунистов закрывали дорогу для наиболее ценного элемента студенчества—для рабочих. Я вам приведу пример. Для поступления на историческое отделение нужно было проработать восемь тысяч страниц. Представьте себе это наглядно: восемь тысяч страниц—это книжная полка, на которой стоит сорок томов. Это целая библиотека. И естественно, что кроме интеллигента никто эту штуку взять не мог. И естественно, что к великой скорби этих профессоров-коммунистов поток, сначала бурно понесшийся в стены ИКП, стал иссякать. На первый прием было подано заявлений гораздо больше двухсот, а на четвертый прием уже меньше ста. Мы скорбели и плакали. Я теперь уже говорю «мы», потому что я плоть от плоти, кровь от крови коммунистических профессоров; мы сокрушались: иссякает, так сказать, красный профессор, не родит больше земля красного профессора! (Смех.) Как быть, что делать?

XIII партийный съезд сказал им, что делать. Он взял легонько за шиворот и ткнул носом: «Рабочий у тебя есть?» — «Нет, какие рабочие: на первом курсе было там еще десять процентов, а теперь, почитай-что никого нет, совсем нет!» — «Так вот, нужно устроить тебе подготовительное отделение для рабочих, чтобы рабочих готовить в ИКП».

Постановлением XII съезда такое подготовительное отделение для рабочих, готовящихся в институты, было открыто. Я уже сказал, что его организатором был покойный А. Я. Троицкий, и поскольку через эту дверь к нам вошел пролетариат, то заслуга А. Я. здесь колоссальная. Число рабочих стало у нас увеличиваться в значительной степени, а вместе с тем мы пришли к такому упрощению вступительных требований, которые может оценить только икапист; я ввиду оторванности своей в последнее время не в состоянии этого сделать. Но по своим семинарам, превосходным семинарам в смысле качества учащихся, я могу сказать, что эти семинары несравненно лучше старых семинаров не по академической подготовленности,—академически, я чувствую, во тысячу страниц они не прочли, ни в какой мере не прочли, гораздо меньше этого читали, — но студенты ИКП они не хуже прежних, а лучше.

Другая черта, которая проистекала из той же самой академической ограниченности первооснователей нашего института, понимая под основателями тех, кто организовал самые семинары, учебную работу,—это почтение к специальностям. Товарищи, это очень серьезная вещь, из почтения к специальностям вышли рубинщина и деборинщина. Стоявший во главе института по своей профессии историк, и так как он старый профессор истории, то, видите, у него такая заклепка в мозгу—в чужие специальности вмещаться нельзя. И хотя он давно признавал (я это говорил на заседании в память сорокалетия смерти Маркса), что у нас на экономическом отделении творится неладное, что там учат не тому, чему нужно, и не так, как нужно, но вмещаться (власть-то у меня была, я был ректором), как же вмещаться? Они — специалисты, они лучше знают. И они вдобавок, эти самые специалисты, выдумали себе такой язык, что сразу действительно не поймешь, ошарашивали. (Смех.) Это не моя личная жалоба. С год назад я говорил с одним товарищем, работающим за границей. Он жаловался. Приехал, говорит, ваш красный профессор, прочитал лекцию по теории политической экономии. Никто не понял ни одного слова. (Смех.) А ведь заметьте, товарищи, в заграничных полпредствах уровень, пожалуй, немножко

выше среднего наших внутренних ячеек: туда подбирают наиболее толковых людей. Этот товарищ, который со мной говорил,— старая большевичка с тридцатилетним стажем, великолепно понимает Ленина и не поняла этого молодого икаписта, который к ним приехал. Скажите мне пожалуйста, по какой причине Ленин мог излагать совершенно ясно всякие экономические сюжеты, Сталин может излагать совершенно ясно, так что нельзя не понять, всякие сюжеты, а почему этого не могут делать ученые специалисты с экономического отделения, почему они должны говорить, употребляя старое герценовское выражение, птичьим языком, которого ни один человек не понимает? Это не спроста. Бойтесь людей, которые говорят непонятным языком. Они говорят непонятным языком не для того, как чеховский герой, чтобы показать свою образованность, а чтобы скрыть свою неленинскую ушность, — вот для чего это им нужно! (Аплодисменты).

Когда открылась рубинщина, то для меня в сущности это не было неожиданностью. Я понимал, что под покровом этой словесности что-то прячется. Но вот власти своей, как ректор, не употребил. Почему? Не специалист по политэкономии, как я буду вмешиваться? Та же история повторилась с философией. Что опять-таки у А. М. Деборина неладно и что у него мировоззрение готовилось примерно так, как готовится паштет в известном анекдоте: из конины и из рябчика пополам, одна лошадь и один рябчик, при чем роль лошади играло гегельянство, а роль рябчика марксизм, — это я чувствовал с самого начала. Мало того, я пошел дальше; к политэкономии я не решился прикоснуться, а тут, у себя дома, я проштудировал Энгельса и Ленина. Вижу — не то, что у Энгельса и Ленина, а другое. И опять-таки то же самое почтение к специальности помешало мне вмешаться: как это я, историк, буду вмешиваться в философские дела?—да меня засмеют. Прилично это поведение большевику? Неприлично, несомненно. Но приходится каяться перед вами, что действительно так дело было.

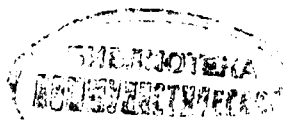
Вы догадываетесь, что кое-что крылось под этим нашим академизмом. Крылись остатки веры в объективную науку по су-

ществу, науку самое по себе. Наука понималась не как мощное оружие в руках рабочего класса в борьбе за социалистическую революцию, а как некая специальность сама по себе. Вот перед этой специальной наукой всякий буржуазный профессор останавливается в почтении.

Почему буржуазный профессор останавливается, это понятно. Все буржуазные теоретики отличаются тем, что они никогда не договаривают до конца. Если они договорят до конца, то им придется договориться до социализма. Этого они не могут и потому останавливаются за порядочное количество километров. Благодаря этому они не сходятся в одном пункте. Они все остаются раздельно на порядочном расстоянии километров друг от друга и через это порядочное количество километров почтительно друг с другом расклинаются: «Ваша специальность!»

Это надо было изжить, и я констатирую, что это мы теперь изживаем и что изживаем это мы, дорогие товарищи, снизу. Рубинщина была разоблачена снизу, недостатки деборинского учения были разоблачены снизу. Не очень почтенно для нас, для тех, кто организовал институт и кто им руководил в первые годы, но это очень почтенно для той массы, которая становится все в большей и большей степени пролетарской. Сейчас у нас дело идет до того, что по некоторым институтам 90% приема рабочие, даже 97%. И вот именно заслуга этой массы и состоит в том, что она, будучи к ее величайшему счастью свободна от всяких академических предрассудков, прямо подошла к сути и двинула это дело. «Чему нас учат?— Не тому, чему нужно». В результате и получилось то очищение Института красной профессуры, которое мы имели за последние годы его существования и которое мы имеем теперь. И мой завет вам: не идти «академическим» путем, каким шли мы, ибо «академизм» включает в себя как неременное условие признание этой самой объективной науки, каковой не существует.

Наука большевистская должна быть большевистской. Наука тоже классовая— наука буржуазии—отличается от нашей тем, что буржуазные ученые не договаривают до конца. Мы же делаем все выводы и должны делать, потому что мы идем

смело к нашей конечной цели — социалистической революции во всем мире.

Но, товарищи, из этого вовсе не следует и не следует меня так понимать, что нужно с кондачка, так сказать, подходить ко всякой, хотя бы и буржуазной, научной теории. Я сейчас вам сказал о том, что составляет вашу заслугу, но позвольте вам сказать, товарищи икаписты, что на вас лежит тяжелая обязанность. Прежде всего обязанность относительно усвоения самой теории. Позвольте сказать с откровенностью и этим, может быть, предвосхитить тех, которые будут вас гладить против шерсти, что с теорией Маркса у нас неладно, неладно с теорией Маркса и Ленина. Я похвалил состав тех семинаров, с которыми мне приходилось иметь дело в последнее время. Это действительно великолепные семинары по качеству материала. Но когда люди путают капиталистическое накопление и первоначальное накопление, то, простите меня, это все-таки не есть знание теории. Когда приходится такие вещи разъяснять не в партшколе первой ступени, а в Институте красной профессуры, это не хорошо. Прежде всего нужно работать над теорией. Нужно над ней много работать, гораздо больше работать, чем мы работаем.

Я с большим удовлетворением прочитал в одной из статей по поводу юбилея института, что теперь первый курс занят изучением этой теории всецело, занят усвоением начал марксизма-ленинизма. Очень хорошо! Очень хорошо, потому что по части теории нужно быть подкованным очень прочно именно для того, чтобы вести ту работу, которую нам сейчас приходится вести. Недавно была отмечена т. Сталиным троцкистская контрабанда на участке истории, и его указания, конечно, сейчас же подхватили и неисторики, ибо такая контрабанда, несомненно, существует на всех участках, не на одном только историческом. Мало того—она существует не только у нас, но она существует в мировом масштабе. Германские социал-фашисты систематически занимаются искажением марксизма. У них существует целых три сборника цитат из Маркса и Энгельса, подобранных так, чтобы оправдать тактику социал-фашизма. Это, таким образом, явление мировое, и оно чрезвычайно характерно.

Всегда перед решающими моментами революции происходят ожесточенные теоретические бои, бои за теорию. Вот почему теоретические работы Ленина раннего периода как раз приходятся перед 1905 г., как раз перед первой нашей революцией. Не случайно именно тогда Ленину пришлось выдерживать схватки с экономистами и меньшевиками, которые пытались подсушить рабочему классу свою теорию; какую теорию, я уже вам говорил. Это совершенно не случайное явление. Не случайно и то, что другой ряд теоретических работ Ленина относится к кануну 1917 г.—периоду империалистической войны.

Теперь мы переживаем благодаря революционному кризису, назревающему в Западной Европе, в сущности во всем мире. Мы переживаем период времени, до известной степени аналогичный тому, что был перед 1917 г. Вот почему мы должны вступить в бой во всеоружии. Вы думаете, что контрабандиста очень легко ловить? Извините, он очень ловкий, на то он—контрабандист, и лезет во все щели. Обыкновенно контрабандист этот сам говорит от Ленина и этим сбивает с толку людей. Что ни слово, то Ленин. Нужно очень хорошо знать Ленина, нужно очень хорошо знать Маркса и Энгельса, чтобы все это расшифровать. Ведь контрабандист, как он действует? Обыкновенно контрабандист несет чемодан с двойным дном. В верхнем этаже у него лежит вся худиба — рубашка, башмаки и т. д., а внизу брюссельские кружева, которые он хочет протащить. Нужно быть опытным человеком, чтобы все это вскрыть. Человек, который не знает теории как следует, не будет в состоянии вскрыть эту контрабанду. Вот почему твердое усвоение теории входит в то понимание воинствующего большевизма, боевой партийности, которое нам ставит партия как задание. Мы не можем быть хорошими борцами на этом фронте, когда мы не будем знать своей теории «наять», что называется, и мы ее должны знать. Это первое.

И второе: ведь эта контрабанда проявляется во всяких специальностях, то в истории, то в других местах. Как вы думаете, если вы конкретного материала данной специальности не знаете, как вы сможете разоблачать этого контрабанди-

ста? Он вам скажет чепуху насчет отношения Ленина к центризму и II интернационалу, а вы не знаете, что там, во II интернационале, происходило. Вот вторая задача, которая вытекает для вас: это задача овладения той специальностью, которую вы себе выбрали. По этой части дело также обстоит не так хорошо, как бы следовало, хотя, надеюсь, обстоит лучше, чем раньше.

Прежде бывали случаи, что люди кончали Институт красной профессуры с одним докладом. Просидел человек три года, написал один доклад, а от остального отвертелся под тем или иным предлогом. Что он знает в области конкретных знаний? Он знает немножко тот вопрос, которым он занимался. Приезжает он в какой-нибудь провинциальный вуз. Там ему приходится сталкиваться с этими самыми контрабандистами. Он ничего не знает, кроме того вопроса, по которому он писал доклад. Что он может ответить? Не только ничего не может ответить, но он начинает петь под их дудку, повторять то, что они говорят, потому что контрабандисты народ очень опытный, они-то иногда знают теорию не очень хорошо, но знают ее достаточно, чтобы ее исказить перед публикой буржуазной или мелкобуржуазной, ибо правильно было сказано, что все уклоны нашей партии отражают борьбу против пролетариата тех или иных буржуазных группировок. А конкретную науку они часто знают и совсем недурно. Так что, товарищи икаписты, не думайте, что путь ваш усыпан розами и вам придется только радоваться, что вы внесли свежий, бодрый, хороший дух в Институт (или в институты, потому что теперь их много) и что вы покончили, помогли покончить в значительной степени с тем академизмом, который называется еще также гнилым либерализмом, потому что академизм и гнилой либерализм—это не просто родные братья, это одно и то же. Это большая ваша заслуга.

Но еще больше будет вашей заслугой, когда вы покажете на практике, как бить этих самых контрабандистов, которые лезут к нам с теоретического фронта, и как замещать ту буржуазную профессуру, которая у нас в значительной степени еще все-таки монополизировала кафедры, так как она владеет конкретным знанием.

Я вам приведу примеры, не называя имен. Нам приходится до сих пор в ответственных изданиях, в роде БСЭ, поручать старую русскую историю (а старым, по-теперешнему, называется все до эпохи буржуазных реформ шестидесятых годов) беспартийным людям. Почему? Потому что ни один партийный не владеет конкретным материалом в этой области. Нужно овладеть, товарищи. Нельзя избрать себе один только какой-нибудь участок и только над этим участком работать. Я понимаю, что тут у нас отношение должно быть иное, чем у буржуазной науки — в том смысле, что практика новейшей истории, та борьба, которая сейчас происходит, классовая борьба у нас, и в особенности та борьба, которая происходит в Западной Европе, должны быть освещены в первую очередь. Это я понимаю совершенно отчетливо. Однако это не избавляет вас от знакомства, скажем, с историей во всем ее объеме. Простите, что я, как историк, держусь этого примера. Иначе получится чудовищная картина. Ведь вы знаете, что на семинарах по самой новейшей истории вам приходится встречаться с вопросами очень древними. На семинаре по современной Англии (это было, кажется, чуть ли не в Свердловском университете, а может быть, и не в нем) спросили руководителя семинара по поводу английского парламента, когда был основан этот парламент. Руководитель обещал найти справку или что-то в этом роде. Так нельзя, товарищи: на это нужно иметь готовый ответ.

Я вам приведу другой курьезный пример. Ко мне на-днях в палату в больнице приходил маленький пионер и спрашивает, когда построен Кремль. Каково было бы мое положение со всем моим авторитетом историка, если бы я не сумел этому маленькому пионеру ответить на вопрос, который его интересует, когда построен Кремль. Нужно уметь отвечать на все вопросы, и поэтому нужно овладеть каждому своей наукой (историю я привел как пример) в полном объеме.

Я все время говорил, имея в виду, что красные профессора суть красные профессора; я не люблю этого слова; может быть, это не хорошо, что я не люблю; может быть, это невежливо по отношению к нашим специалистам, которые работают в

наших рядах, но так как я однажды на заседании ЦИК от этого звания отрекся, то что же делать — истории не изгладить. Но вы очень хорошо знаете, что хотя икаписты называются профессорами, большинство из них идет не в профессию в буквальном смысле слова: большинство из них идет в практическую работу того или иного типа. Из девяноста шести красных профессоров, работающих сейчас в Москве, если не ошибаюсь, только сорок три занимаются преподавательской деятельностью, а остальные пятьдесят три работают в разных наркоматах, работают в партийных учреждениях и т. д.

Мы с нашей старой академической ограниченной точки зрения рассматривали это долгое время как чистую потерю, и опять нужно было, чтобы партия (это было на одном из заседаний ЦК) нам сказала, что это совсем не беда: очень хорошо, что вы готовите высококвалифицированных специалистов для партийных и для советских учреждений. Таким образом, ИКП является не только рассадником профессоров, но он является рассадником вообще высококвалифицированных специалистов. И вот о работе этих специалистов мне бы хотелось сказать два слова.

Тут у нас имеется тоже весьма нежелательное явление. Сплошь и рядом человек, окончивший Институт красной профессуры, придя в какой-нибудь наркомат или придя на партийную работу, затем забывает все, чему его учили, и через некоторое время совершенно деквалифицируется. Когда его спрашивают, в чем дело, он с важным видом отвечает: я член коллегии такого-то наркомата, я занят, у меня заседание и т. д.

Дорогие товарищи, когда икапист учится в одном из институтов, то на него затрачивается большое количество партийных усилий. Я уже не буду говорить о чисто материальных затратах, но партия уделяет большое количество усилий на то, чтобы сделать его специалистом в той или другой области. Что же вы думаете, эти силы партии должны пропадать даром?

Извините пожалуйста, всякий, кто может работать теоретически, где бы он ни сидел, обязан работать. Тов. Сталин, на котором больше работ, нежели на любом члене коллегии или замнаркоме, однако, работает теоретически и дал нам

целый ряд ценнейших теоретических работ, по которым мы учимся, по которым вы учитесь ленинизму. Мог же человек это сделать? Почему не могут сделать икаписты, сидящие на разных организационных должностях, сидящие на партийной работе? «Времени мало». Что же делать? А как же в старое время создавалась наша литература? Ведь она создавалась людьми, которые работали в подпольи, которые не имели в своем распоряжении ни автомобиля, ни вертушки, ничего подобного и которые должны были подчас удирать от полиции. Однако же учились люди, литература создавалась, теоретическая борьба велась — и велась борьба ожесточенная и отчаянная, которая положила основной фундамент нашей теперешней теории. Вот в каких условиях она создавалась. Что же вы думаете, отказывались ли люди от текущей работы? Ленин, который создал первоклассные теоретические труды, что он — не писал в газетах, не откликался на каждое текущее событие? А теоретические труды создавались, и, как вы знаете теперь, он находил время внимательно изучать Гегеля и других философов, все это выписывать и размечать так, как у нас у многих академических людей не было терпения делать.

Всякий окончивший икапист обязан использовать на все сто процентов ту теоретическую подготовку, те специальные знания, которые он в Институте приобрел, чем бы он ни занимался. Нас, товарищи, немного, нас гораздо меньше, чем кажется. Не надо забывать, что по мере строения социалистического хозяйства потребность в научных силах колоссально растет. Когда я заведывал когда-то отделом высших учебных заведений и научных учреждений, мы насчитывали всего от пяти до шести тысяч научных специалистов. Сейчас считают больше двадцати тысяч, если не ошибаюсь, в одной РСФСР. Ведь не забывайте, что теперешняя наука есть массовая наука, и это признают буржуазные ученые. Это мне пришлось услышать, как это ни курьезно, на всемирном конгрессе в Осло из уст... кого бы вы думали? Представителя Лиги наций! Представитель Лиги наций заявил на заседании, что сейчас не может быть в области истории другой работы кроме коллективной, не может быть другой работы кроме работы,

которая ведется массами людей. Я был очень рад, что я мог представителю Лиги наций указать на правильность его рассуждений и, в частности, указать на СССР как на пример, где такая работа ведется. Представитель Лиги наций был крайне смущен и считал нужным пуститься со мною в кулуарах в объяснения, что он, собственно говоря, не имел в виду большевиков. (Смех). И если уже Лига наций признает, что научная работа может быть только коллективной, требует массу рук и массу мозгов, то и мы должны это осознать. Ни одна научная сила, которую мы выпустили, не должна быть потеряна, и на какую бы работу она ни была поставлена, эта научная сила должна найти время для теоретической работы, иначе я ей предрекаю, что она закиснет как теоретик, что она разленится, размагнитится в смысле ленинизма. Ведь вместе с социалистическим строительством все больше и больше углубляется и заостряется наша теория, настолько, что мы сейчас не можем уже перепечатывать наших книжек, напечатанных в начале двадцатых годов, так как там очень многое смазано. И сейчас с этим выступать так элементарно, как мы выступали тогда, уже невозможно.

Товарищи, я говорю гораздо дольше, чем собирался говорить, и мне кажется больше, чем выдерживает ваше внимание. Поэтому я кончаю — и кончаю тем, товарищи, что в лице икапистов мы, все здесь присутствующие, и, в первую очередь, товарищи, пришедшие сюда от фабрик и заводов, мы все надеемся видеть прочный оплот — прежде всего в борьбе со всякими попытками исказить ленинскую теорию, потому что все попытки исказить ленинскую теорию фактически есть атака враждебных классов, атака буржуазией социалистической революции. Социалистическая революция без теории — невысказана. И каждая порча теории Маркса и Ленина означает в то же самое время огромный ущерб, выбивание камня из фундамента социалистической революции, подрыв ее основ. Поэтому, если вы будете хорошими теоретиками, настоящими большевистскими теоретиками, представителями большевистской науки, как хорошо было сказано недавно, вы должны явиться твердым оплотом. прежде всего в этом

отношении. Вместе с тем вы должны в массовой, коллективной работе показать буржуазным ученым пример, как нужно строить науку, не объективную науку, о которой мечтают буржуазные ученые по изложенным выше причинам, а как нужно строить нашу большевистскую науку, гораздо более действительную, гораздо более сильную. И вы должны это воплотить в большое количество настоящих, проникнутых чисто ленинским духом, конкретных достижений.

Количество печатных работ, выпущенных ИКП, уже сейчас громадно. По последнему подсчету оно близится к пяти тысячам, в том числе значительно больше тысячи книг. Но эта продукция, в силу указанных мною условий, качественно далеко не такова, как нужно было бы. Позвольте выразить надежду, что впрямь эта продукция по количеству возрастет так же, как возросло количество красных профессоров, т.е. в тридцать раз в течение десяти лет (может быть, теперь можно даже пойти более быстрыми темпами и расти в тридцать раз за пятилетку), и что это будет литература, проникнутая боевым ленинским, боевым сталинским духом, что это не будет та промежуточная литература между марксизмом и еще чем-то, которая часто появлялась из-под пера людей, окончивших ИКП, и которая значит в числе тех многих тысяч статей и больше чем тысячи книжек, которые выпущены ИКП. К сожалению, качество работ не всегда стоит на должной высоте, а вы знаете, что качество работы — один из наших основных лозунгов.

Вот как оплот боевого большевизма, как оплот боевой научной партийности и как создателя настоящей большевистской науки в СССР позвольте мне приветствовать икапистов и прошлых, которые окончили институты, но, надо надеяться, не закончили своей научной деятельности, и, как мы, старые академики, найдут способы омолодиться, и в особенности настоящих и будущих икапистов.

Товарищи, поздравляю вас с таким будущим, какого нам, старикам, конечно, никогда не увидеть. Да здравствует ИКП и да здравствует та партия, которая его создала! (Бурные аплодисменты. «Интернационал»).

За большевистскую партийность в исторической науке*

ЗНАЧЕНИЕ ПИСЬМА Т. СТАЛИНА ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Товарищи! Всего полгода назад закончилась дискуссия по вопросам истории Запада. Основной целью этой дискуссии было добиться поворота историков-марксистов к проблемам международного рабочего движения, к обслуживанию непосредственных нужд классовой борьбы пролетариата, что вместе с тем должно было означать усиление борьбы против с.-д. пережитков и уклонов от генеральной линии партии, усиление борьбы за партийность науки, за ленинизм как основу исследовательской работы. В этой дискуссии было указано, что важнейшей задачей историков является усвоить и целиком и полностью включить в свой железный инвентарь ленинские установки в исторических вопросах и вести за эти установки непримиримую борьбу против с.-д., троцкистской и брандлерианской историографии, против всех оппортунистических, полуменьшевистских и полутроцкистских установок в наших собственных рядах.

В этой дискуссии были достигнуты значительные успехи. Однако она как по своей цели, так и по своему предмету не могла захватить и не захватила всех проблем всего исторического фронта. Кроме того и в той области, которой она специально занималась, она далеко не раскрыла всех оппортунистических антипартийных установок.

Ее уроки до сих пор в совершенно недостаточной мере усвоены историками-марксистами. Основной политический дефект дискуссии по вопросам истории Запада заключался, однако, в том, что она в совершенно недостаточной мере связывала вопросы истории западноевропейского рабоче-

го движения с вопросами истории большевизма и вопросами истории русской революции вообще. Она недостаточно подчеркнула тот факт, что все коренные вопросы русской революции вместе с тем являются коренными вопросами и международной классовой борьбы и мировой пролетарской революции.

Смысл обсуждения на фракции Общества историков-марксистов письма т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции» заключается в том, чтобы добиться полного усвоения указаний т. Сталина, а также в проработке ряда проблем истории большевизма в применении как к русской, так и к западной истории и в доведении до конца разоблачения оппортунистических, замаскированных троцкистских, полутроцкистских и полуменьшевистских установок в области истории, в усилении борьбы за поднятие на большую высоту партийного характера исторической науки вообще.

Хотя это обсуждение в этом смысле, может быть, и является историческим, но оно, однако, затрагивает далеко не только вопросы исторической науки. Само то обстоятельство, что обсуждение исторических вопросов начато на основе письма т. Сталина, показывает, что вопросы исторической науки являются вместе с тем злободневными политическими вопросами. Обсуждая здесь вопросы, относящиеся к 1905—1912 гг. и являющиеся предметом истории, мы, однако, по сути дела обсуждаем острейшие политические проблемы сегодняшнего дня. Это является чрезвычайно ярким показателем того, как вопросы истории и теории вообще, как любой вопрос теоретической работы на историческом фронте являются злободневными вопросами сегодняшнего дня, как задачи исторической науки связаны с политическими задачами нашей партии.

* Стенограмма заключительного слова при обсуждении письма т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции» на заседании комфракции Общества историков-марксистов 18 ноября 1931 г.

В этом основные уроки обсуждения письма т. Сталина.

Письмо т. Сталина, конечно, является одним из важнейших теоретических документов нашей партии, но оно прежде всего является политическим документом. Оно дает чрезвычайно много указаний для историков-марксистов в их исследовательской работе, но прежде всего оно дает яркое освещение задач историков-марксистов (как политических работников) на современном этапе и яркое освещение важнейших политических проблем настоящего момента. Письмо т. Сталина направлено, конечно, не только против Слуцких и Волосевичей: со Слуцкими и Волосевичами дискутировать нечего, и т. Сталин из-за Слуцкого и Волосевича не стал бы писать письма в редакцию «Пролетарской революции». Оно направлено в первую очередь против гнилого либерализма и примиренчества, которыми страдает ряд историков-марксистов. Оно ставит своей целью поднять партийно-политический большевистский уровень нашей теоретической работы, добиться более тесной увязки теории с практикой и направить историков-марксистов на разрешение в своей теоретической работе основных проблем современного политического момента, т.е. оно требует от теоретических работников, чтобы они были настоящими марксистами-большевиками.

БЕСПОЩАДНЫЙ ОГОНЬ ПО ТРОЦКИЗМУ И ГНИЛОМУ ЛИБЕРАЛИЗМУ

Редакция «Пролетарской революции», поместившая статью Слуцкого, совершила в своей редакционной и научной работе ошибку. Эта ошибка есть политическая и принципиальная, но безнаказанность Слуцкого и Волосевича, которые в течение ряда лет имели возможность пропагандировать свои взгляды без того, чтобы кто-либо из историков дал им политический и теоретический отпор, показывает, что дело далеко не в одной только редакции «Пролетарской революции», что дело гораздо глубже. Как могли быть допущены такие грубейшие политические и теоретические ошибки историками-марксистами, стоящими на генеральной линии партии, историками-марксистами,

часть которых является активными работниками партии,—этот вопрос сегодня является основным.

На этот вопрос нужно дать ответ.

Во-первых, когда мы говорим о Слуцком и Волосевиче, нельзя говорить об ошибках. Просмотрите всю их продукцию и вы увидите, что это одно неразрывное целое. Просмотрите речи Слуцкого, которые он произносил на различных дискуссиях в Обществе историков-марксистов, и станет ясным, что во всей своей научной работе он проводил свою, отличную от линии партии, линию, свои антибольшевистские концепции. Ему и Волосевичу, и не только им двоим, но и Миронову и ряду других, это удавалось как на страницах «Пролетарской революции» и «Историка-марксиста», так и в теоретических дискуссиях в Обществе историков-марксистов, где их взгляды не получали ни теоретического, ни политического отпора. Это означает, что замаскированным троцкистским, полутроцкистским и полуменьшевистским элементам удавалось пользоваться трибуной наших научных учреждений и под флагом науки свободно протаскивать оппортунистические, антипартийные, антиленинские, полутроцкистские и полуменьшевистские взгляды и концепции. Это означает, что в Обществе историков-марксистов и в наших марксистских журналах не было достаточной большевистской бдительности, не было достаточной воинствующей партийности.

Во-вторых, для всех нас ясно, что большевистская наука есть партийная наука, что она тесно связана с задачами революционной классовой борьбы сегодняшнего дня, с задачами социалистического строительства в нашей стране и с задачами мировой пролетарской революции. Ошибка товарищей из редакции «Пролетарской революции» и тех, которые читали статью Слуцкого, знали его взгляды и не выступали против них, заключается в том, что они не заметили того факта, что статья Слуцкого направлена против партии большевиков и против нашей революции вообще. Это показывает, что в некоторых звеньях исторического фронта ослабела большевистская бдительность, произошел разрыв между теоретической рабо-

той и политическими задачами партии. В эту образовавшуюся щель между теоретической работой и политическими задачами партии пролезли Слуцкий и Волосевич. Это произошло потому, что у нас образовался кадр научных работников, которые, будучи коммунистами, отрывают свою научную работу от партийной работы, которые стали к а т е д е р - « к о м м у н и с т а м и ».

Даже и во время нынешней дискуссии эти настроения дали себя чувствовать, когда некоторые товарищи заявляли, что их ошибки объясняются тем, что они «хотели быть объективными», но не заметили, как разошлись с тем, что является политически целесообразным. Они еще здесь говорили так, как будто бы существует какая-то особая «объективность», расходящаяся с политической целесообразностью рабочего класса. (Аплодисменты). Единственная объективная наука есть большевистская, марксистская наука; никакой другой объективности кроме политически целесообразной марксистски-ленинской объективности не существует и не может существовать. Всякая попытка сконструировать другую объективность есть сползание с классово-партийной линии к позиции другого класса. Эти взгляды катедер-«коммунистов» открыто развивают те, которые здесь даже после письма т. Сталина говорят, что основное — это вопросы методологии. Типичным представителем таких катедер-«коммунистов» является Альтер, который здесь заявил, что основным вопросом является вопрос о методологии, что здесь вместо того, чтобы обсуждать политические вопросы, нужно ставить вопросы о методологии научной работы. Подобное противопоставление не имеет ничего общего с большевизмом. Ленинская методология определяется партийностью, партийным, революционным подходом к историческим вопросам. Вне такого партийного подхода нет и не может быть большевистской методологии. Противопоставление «методологии» «политике» чисто меньшевистская идея, идея катедер-социалистов. Партийность науки вместе с тем определяет марксистско-ленинскую методологию научной работы.

В-третьих, ряд историков-марксистов скатился к недооценке и к непониманию

роли партии большевиков во всей истории русской и международной революции. Иначе не могли бы иметь места такие ошибки, как, например, ошибки Кина, по которому выходит, что в начале 1917 г. партии большевиков не было. Установка Кина по истории ВКП(б) в 1917 г. является не большевистской. Он отрицает непрерывность и последовательность большевистской линии нашей партии за все время ее исторического развития. Установка Кина может послужить оружием для троцкистов и полутроцкистов в их борьбе против партии большевиков. Этим же непониманием и недооценкой роли партии большевиков объясняется целый ряд других ошибок тех «историков», которые утверждают, что до войны большевики не были большевиками, что до войны большевики ошибались в оценке расстановки сил германской с.д. (Миронов, Альтер и др.). Этим же объясняются установки, что большевизм на международной арене появился лишь после победы русской революции или же в начале войны. Вопрос о партийности исторической науки в нынешних условиях является важнейшим и решающим вопросом.

Партийность науки вместе с тем означает готовность бороться оружием научного исследования за линию партии в сегодняшний день. Выступления Слуцкого доказывают, что троцкисты пытаются использовать наши научно-исследовательские учреждения как трибуну, чтобы протаскивать свои антибольшевистские взгляды. Троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, главной задачей которой является борьба против социалистического строительства в СССР и против мировой революции. Троцкисты и полутроцкисты, опираясь на чуждые пролетариату элементы, пытаются использовать трудности социалистического строительства в нашей стране, недостаточную бдительность большевиков, чтобы распространять свои взгляды и влиять на отдельных неустойчивых работников и политически еще неопытную молодежь. С троцкистами наша партия разошлась по основным вопросам революции (вопрос о перспективах социалистического строительства, о возможности построения социализма в нашей стране, вопрос о роли партии, вопрос о крестьянстве и т. д.). Троцкизм — это прежде всего теория о невозможности

построения социализма в нашей стране и неизбежности гибели нашей революции. Каждое выступление Троцкого и его агентов, под каким бы флагом оно ни происходило, направлено против социалистического строительства в СССР и Октябрьской революции. Каждое выступление полутроцкистов и полуменьшевиков является попыткой помешать успехам социалистического строительства и дезорганизовать наши ряды. Поэтому необходима самая решительная и беспощадная борьба со всякими троцкистскими и полутроцкистскими взглядами и концепциями, со всякого рода троцкистской контрабандой. В нынешнее время, когда основные вопросы социалистического строительства широко разъяснены трудящимся массам, троцкистские контрабандисты особенно пытаются использовать теоретический фронт, пользуясь наличием среди работников этого фронта все еще значительной прослойки выходцев из мелкобуржуазной среды,— поэтому особая бдительность требуется от работников теоретического фронта. Вопрос о борьбе против троцкистской контрабанды есть вопрос о мобилизации всей нашей партии на выполнение задач социалистического строительства. Эта задача стоит как перед теоретическим фронтом вообще, так и перед историками-марксистами в частности. Эта задача стоит перед историками во всей их научной работе, в том числе и в той, которая посвящена изучению и исследованию отдаленных периодов.

Оценка троцкизма, данная т. Сталиным, является оценкой партии, установленной в основном с XV съезда ВКП(б), принятой и записанной в целом ряде решений руководящих партийных органов. На XV съезде мы называли троцкизм меньшевизмом. Но каждый большевик и тогда и сейчас понимает, что меньшевизм был тогда и является теперь контрреволюционным течением. В начале 1928 года Троцкий был выслан из Москвы как контрреволюционер, который борется против партии большевиков и диктатуры пролетариата. VI конгрессу Коминтерна Троцкий, Сапронов, Радек и др. подали апелляцию на их исключение из ВКП(б), но конгресс Коминтерна отказался рассмотреть эту апелляцию, мотивируя тем, что «конгресс не считает нужным дискус-

сировать с врагами Коминтерна о контрреволюционном политическом содержании троцкистской платформы после того, как все компартии в целом неоднократно осудили их позиции». На XVI съезде ВКП(б) т. Сталин дал следующую характеристику троцкизма: «Теперь троцкистская группа представляет антипролетарскую и антисоветскую контрреволюционную группу, старательно осведомляющую буржуазию о делах нашей партии». XVI съезд ВКП(б) по докладу т. Сталина принял резолюцию, в которой сказано: «Только борьба на два фронта привела к полному разоблачению троцкизма, целиком скатившегося на контрреволюционные меньшевистские позиции».

Таким образом, партия большевиков давно уже охарактеризовала троцкизм не только как центризм и как разновидность меньшевизма, но и как меньшевизм. И после начала открытой борьбы Троцкого против диктатуры пролетариата наша партия во всех своих решениях и во всех выступлениях руководителей партии характеризовала троцкизм как контрреволюционное течение, старательно осведомляющее буржуазию о делах нашей партии. Формула, данная в нынешней статье т. Сталина, является дальнейшим развитием формул нашей партии и Коминтерна. Если сейчас находятся товарищи, которые считают формулу т. Сталина о том, что «троцкизм является не фракцией коммунизма, а фракцией контрреволюционной буржуазии и передовым отрядом контрреволюционной буржуазии», абсолютно новой оценкой троцкизма, то они тем самым хотят оправдать свой гнилой либерализм в прошлом как по отношению к полутроцкистам типа Слуцкого, так и по отношению к троцкизму вообще.

Год назад партия вынесла решение о право-«левацком» блоке Сырцова—Ломинадзе—Шацкина. Характеристика этого блока имеет также значение и для сегодняшней дискуссии и для оценки того гнилого либерализма по отношению к троцкизму, который мы могли наблюдать у ряда историков.

Необходимо мобилизовать внимание всех историков-марксистов против всех полутроцкистских, полуменьшевиетских взглядов и установок и против гнилого либерализма по отношению к этим взглядам, который является не чем иным, как примиренчеством к прямым врагам революции.

ЗА БОЛЬШЕВИСТСКУЮ ИСТОРИЮ НАШЕЙ ПАРТИИ И КОМИНТЕРНА

Какой вопрос является основным при обсуждении статьи т. Сталина? Является ли основным вопрос о левом радикализме? Нет. О люксембургизме? И это не является основным вопросом. Основной вопрос — это вопрос об истории нашей партии, о большевистской истории большевизма, которая бы ясно показала ту неоспоримую истину, что большевики всегда были большевиками как в России, так и на международной арене.

Теперь по вопросу, который у историков принято называть теорией о «двухкоренности».

Что означает эта «теория» в национальных республиках? Она оправдывает местный национализм и сепаратизм и является фундаментом для уклонов от линии партии в сторону местного национализма, преподносит массам нацреспублик большевизм как великорусское явление, не пригодное в его чистом виде для нацреспублик. Эта «теория» выступает против ленинизма в национальном вопросе, следовательно против ленинизма в целом, за примирение с национальной буржуазией. Следовательно теория о «двухкоренности» является теорией капитуляции перед национал-демократами, т.-е. буржуазными реставраторами в национальных республиках СССР.

Что означает теория о «двухкоренности» в международном масштабе? Она означает борьбу против большевизации компартий, борьбу против руководящей роли ВКП(б) в Коминтерне, поддержку централизма и капитуляцию перед с.-д. и буржуазией на международной арене. Что означает в этой связи выступление Слуцкого? Слуцкий доказывает, что большевизм не был большевизмом до войны, что большевики «не поняли» расстановки сил на международной арене, — тем самым он — Слуцкий — борется против большевиза-

ции компартий, против торжества ленинизма на международной арене, т.-е. за капитуляцию перед с.-д. Следовательно, установки Слуцкого являются троцкистско-меньшевиетскими установками. Слуцкий доказывает, что большевизм «переворужился» при помощи Троцкого. Теория о «переворужении», так же, как и теория о «двухкоренности», есть теория для борьбы против большевизма, за капитуляцию Коминтерна и СССР перед буржуазией. Эта теория смыкается с другой «теорией», вводящей в определение ленинизма понятие об отсталости России (Зиновьев), чтобы превратить, как говорит т. Сталин, «ленинизм из интернационального учения в продукт русской самобытности», играя таким образом «на руку Бауэру и Каутскому, отрицающим пригодность ленинизма для других стран, капиталистически более развитых». Следовательно, теория о «двухкоренности» и перевооружении прежде всего означает борьбу против большевизма в международном масштабе, против ленинизма и против большевизации Коминтерна.

Что означает теория «двухкоренности» и «переворужения» в наших условиях, в нашей Советской стране? Она означает борьбу против генеральной линии партии, против диктатуры пролетариата и социалистического строительства.

ЗА РЕШИТЕЛЬНУЮ, ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНУЮ БОРЬБУ С ЛЮКСЕМБУРГИАНСТВОМ!

В этой связи я должен сказать несколько слов по вопросу о левых радикалах. До сегодняшнего дня ошибки в вопросе об оценке левых радикалов шли по линии переоценки левых радикалов. Отсюда вытекало уравнение некоторыми историками левых радикалов с большевиками, отсюда вытекало, например, заявление Альтера в его брошюре о Розе Люксембург, что Роза Люксембург в течение двадцати лет боролась за большевизм во II интернационале. Тов. Радек здесь в своей первой речи сказал, что люксембургизм для многих рабочих еще ныне является мостом к большевизму. Он сегодня исправил эту свою политическую ошибку. Тем не менее это первое его выступление дает мне повод остановиться еще раз на некоторых частях этого вопро-

са. Тов. Сталин перечислил некоторые ошибки Розы Люксембург и левых радикалов вообще, которые не позволяли большевикам поддерживать их без серьезных оговорок. Не говоря о всей истории теоретических и политических расхождений Розы Люксембург с большевиками, возьмем письма Розы из тюрьмы: там формулируются основные ее разногласия с большевиками в 1918 г. Они—в крестьянском вопросе, в национальном вопросе, в вопросе об отношении к с.-д. и в вопросе о роли партии, т.-е. по всем основным проблемам революции. Следовательно, Роза разошлась с нами в Октябре (и летом 1918 г.) далеко не только по организационным вопросам, как пытается доказать Альтер.

Ошибки лета 1918 г. были самыми глубокими ошибками революционерки Люксембург, и неправоту свою в оценке Октябрьской революции она признала. Эти ошибки 1918 г., прежде всего в оценке русской революции, вытекали из ряда крупных политических, теоретических и тактических ошибок в течение всей политической деятельности Розы Люксембург. Они не были случайными. Эти ошибки нужно вскрыть, чтобы на падении орла революции учиться. Признав эти ошибки, Роза Люксембург начала в конце 1918 г. подниматься вновь ввысь. Несмотря на эти ошибки, Роза Люксембург во главе союза «Спартак» вместе с рабочими массами, приведенными самой империалистической войной в плотную к пролетарской революции, вошла в компартию (хотя и еще в конце 1918 г. возражала против ее организации), согласилась на создание Коминтерна. Это было самым крупным политическим шагом Розы, которым она признала прежде всего диктатуру пролетариата в данной в России конкретной ее форме. «Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа» (Ленин).

Но в 1919 г. именно требовалось признать эту конкретную, существующую диктатуру пролетариата в СССР, осуществленную под руководством большевиков, а не говорить об отвлеченной теоретической

еще диктатуре пролетариата. Сделавши этот шаг, Роза Люксембург должна была пойти по пути критики своих прежних теоретических установок. Но она этого не успела сделать до конца. Она в борьбе с с.-д. была убита руками с.-д. Германский рабочий класс чтит теперь не лево-радикальную Розу, а Розу, которая разорвала с с.-д., была убита с.-д. Когда Роза, не исправивши еще своих теоретических ошибок, однако, исправивши свои основные политические ошибки, умерла как коммунистка в открытой борьбе против с.-д. за коммунизм, за пролетарскую революцию, это было полным, хотя и запоздалым, признанием всей правоты большевиков. Поэтому Роза Люксембург—наша, поэтому каждый большевик идет на могилу Розы Люксембург и Карла Либкнехта, поэтому на Фридрихсфельде она лежит не в одном ряду с Фольмаром, Зингером, Ауэром, а в братской коммунистической могиле.

Но то, что она не исправила еще своих важнейших теоретических ошибок, которые привели ее, революционерку, к позору лета 1918 г., ее лево-радикальная теоретическая работа, ее прежняя лево-радикальная политическая позиция тянут назад ее бывших учеников. Многие из них остановились на том месте, до которого дошла Роза, а остановившись, потоптавшись некоторое время, пошли назад. То же самое произошло с представителями других левых групп. Леви, Брандлер, Тальгеймер ушли от нас, стали ренегатами, врагами пролетарской революции. Лучшие из союза «Спартак», как Эрнест Майер, оказались примиренцами. Только немногие из спартаковцев поднялись до большевизма. Возьмите голландских трибунистов. Никого из трибунистов в наших рядах не осталось, за исключением Вайнкопа, который уходил от нас, политически разошелся с нами, но год назад вернулся в Коминтерн. Он должен был убедиться в том, что нет другого пути, как возврат к нам. Возьмите шведских левых во главе с Хеглундом, он также давно от нас ушел к с.-д. Возьмите лучших из люксембургянцев, наиболее близких к большевикам, например, т. Варского, который здесь сидит, и он оказался в оппозиции в польской партии к польскому руководству. Почему? Потому что т. Варский по ряду вопросов еще не разошелся

со старыми установками люксембургизма.

Товарищи, все это не случайно, и если в центре вашего внимания стал т. Радек, то именно потому, что вопрос о значении пережитков люксембургизма в образовании оппортунистических уклонов в ВКП(б) и Коминтерне, о роли люксембургизма как ступеньки или моста для отходящих от большевизма, должен быть выяснен до конца. Неясность в этом вопросе препятствует переходу рабочих на сторону Коминтерна и сплоченности их вокруг компартии. Тов. Радек должен внести полную ясность в вопрос о его позиции еще по некоторым вопросам. Падение Розы Люксембург летом 1918 г. должно показать всю опасность недооценки ошибок люксембургианцев. В предисловии т. Радека к книге т. Ленца по истории II интернационала имеется такое место: «Он (Третий интернационал) представляет собой объединение левых пролетарских течений, существовавших во II интернационале, объединение на почве теории Маркса и Энгельса, обогащенной опытом революционной борьбы эпохи империализма и социалистической революции, и нашедших свое выражение в ленинизме». Я думаю, что вы со мной согласитесь, что т. Радек должен признать эту формулировку совершенно ошибочной.

Радек. Да, мы можем говорить здесь не о слиянии, а о внутреннем подчинении Ленину.

Кнорин. Вы хотите сказать, что в Коммунистический интернационал все эти группы вошли со своими теориями, со своими традициями?

Радек. Они вошли, но должны были их оставить.

Кнорин. Но если бы они эти свои теории не оставили, они должны были бы уйти из Коминтерна.

Радек. Правильно.

Кнорин. Следовательно, нельзя говорить о ручейках.

Радек. Правильно.

Кнорин. Нельзя говорить о слиянии.

Мне кажется, что т. Радек должен был подчеркнуть и то обстоятельство, что люксембургизм было полуменьшевизмом, полуцентризмом в германских условиях. Этот полуцентризм должен быть полностью

изжит. Если товарищи, изживая его, быстро идут к ленинизму, то, не изживая остатков его, они в русских условиях должны были прийти к Троцкому. Тов. Радек проделал путь от полуцентризма, от левого радикализма к центрризму Троцкого, который стал передовым отрядом контрреволюционной буржуазии. Его позорное падение еще глубже, чем падение Розы Люксембург в 1918 г. Дойдя до контрреволюционных позиций буржуазии, т. Радек продумал свой путь и повернул назад, к партии, к большевизму. Перед ним должен встать вопрос о всей опасности сохранения чего-нибудь из этих лево-радикальных пережитков, которые его от левого радикализма привели к контрреволюционному троцкизму. Пересмотр лево-радикальных установок должен быть доведен до конца.

В этой связи еще одно замечание. Наша дискуссия в основном шла по вопросам борьбы с пережитками люксембургизма. Кое-кто начинает расценивать нашу дискуссию так: некоторые бывшие бундовцы, например, говорят: «значит, Бунд был не так уж плох, ибо о нем не говорят.» (Смех). Некоторые польские товарищи, бывшие левицовцы, говорят: «о ППС-левице не говорят, следовательно, с.-д. КПЛ-овцы были прохвосты, а мы люди хорошие.» (Смех).

Конечно, дело не так обстоит. Мы не говорим о Бунде и ППС-левице, потому что они не могут быть какой бы то ни было силой, «ступенькой» или «мостиком»; их история не может никого запутать и обмануть. Ибо бундизм был самым ярким, самым крайним оппортунизмом в довоенной социал-демократии. ППС-левица не была лево-радикальной группой, ППС-левицовцы были настоящими меньшевиками, доподлинными меньшевиками. Поэтому о них нечего говорить в этой связи.

ПРОТИВ ТРОЦКИСТСКОЙ ТРАКТОВКИ ИСТОРИИ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Теперь к вопросу о центрризме. Конечно, смешно было бы, если бы я стал говорить о том, боролись ли большевики в 1905—1912 гг. против центризма. Всякий большевик будет смеяться над теми катедер-«коммунистами», которые будут искать резолюций, где большевики ставили вопрос о борьбе против центризма, чтобы

«провергать басни Слуцкого, Миронова, Альтера, что большевики якобы не боролись против Каутского или якобы переоценивали Каутского. Возьмите ленинскую постановку вопроса 1914 г.,—когда он говорит о Каутском уже как «о жалком контрреволюционном болтуне» или говорит, что Каутский «гораздо хуже ренегата». Ясно, что у Ленина эти формулы выражают не что другое, как завершение развития Каутского от центризма к открытому ренегатству, к контрреволюции.

Если не подлежит также никакому сомнению, что каутскианство было основной формой центризма в Германии, то в нашей партии основным видом центризма был троцкизм. После войны троцкизм играет роль своеобразного типа центризма в международном движении. Как мы победили троцкизм в международном масштабе? Мы разбили троцкистов у себя, и это послужило предпосылкой для разгрома троцкистов в мировом масштабе. Как мы разбили установки правых в мировом масштабе? Мы разгромили правый оппортунизм у себя, и это послужило основой, чтобы он был разгромлен в мировом масштабе. Без этого ни троцкисты, ни правые в международном движении не могли бы быть разбиты. Наша борьба над разоблачением оппортунизма в нашей стране была и есть борьбой против оппортунизма во всем Коммунистическом интернационале.

Теперь о центризме в связи с выступлением Альтера.

Я уже сказал, что Альтер является типичным представителем катедер-«коммунистов», футлярных людей, которые не хотят понять, о чем идет здесь речь. Он говорит об «ошибках» Слуцкого. О каких «ошибках» Слуцкого может идти речь — может быть, он ошибся тем, что дал статью «Пролетарской революции»? Но и это сделал Слуцкий не по ошибке, ибо его задачей было протащить троцкистскую контрабанду. Но больше того, Альтер прямо выступает против всех основных положений письма т. Сталина. Альтер говорит о «методе», он говорит об «ошибках» Слуцкого и Волосевича. В этих вопросах он расходится с письмом т. Сталина. Альтер говорит, что необходимо «к р и т и к о в а т ь» Слуцкого, Волосевича, Миронова и др., конечно, критиковать их «методологию», но мы думаем, что нужно не только критиковать, что не в

критике дело. Дальше он замазывает ошибки Розы Люксембург, находя у нее только две ошибки: в крестьянском и организационном вопросах. Но для чего он замазывает ее ошибки? Для того, чтобы защищать Каутского. От примиренчества к ошибкам Розы Люксембург Альтер приходит к примиренчеству, к Каутскому. Вот политический смысл его выступления. Я не знаю, член партии он или не член партии, но центризмом, меньшевизмом так и отдает от всего его выступления. Он предлагает нам не отдавать Розы Люксембург меньшевикам, но не человеку с такими установками, не меньшевику рекомендовать нам не отдавать Розы Люксембург меньшевизму. Будучи примиренцем к открытому центризму, будучи примиренчески настроенным к ошибкам Розы Люксембург, именно он отдает Розу Люксембург центристам и меньшевикам. Только критикуя и вскрывая до конца ошибки Розы Люксембург, только так мы можем завоевать Розу, революционерку, для нас. Кто смазывает, прикрывает ошибки Розы, тот отдает Розу брандлеровцам, тот отдает Розу меньшевикам. (Голоса с места: Правильно, правильно!) Защищать Каутского — безнадежное дело. Разве мы говорим, что Каутский со дня своего рождения до сегодняшнего дня был совершенно тем же самым контрреволюционером и лакеем буржуазии? Конечно, нет. Но Альтер сейчас, когда у нас так остро стоит вопрос о борьбе против контрреволюционной с.-д. на Западе и против пережитков центризма и левого радикализма как у нас, так и на Западе,—ставя вопрос о реабилитации Каутского 1905—1909—1912 гг., впадает сам в каутскианство. Человек, специально изучающий Розу Люксембург и Каутского, мог бы знать, например, такое место из письма Розы к Тышке, где она передает свой разговор с Бебелем и Каутским, в котором Каутский поддакивал Бебелю: «Август обвинил меня (но по-приятельски) в ультрарадикализме и сказал: «Имейте в виду: когда придет революция в Германии, тогда Роза будет стоять на левой стороне, а я на правой». При этом прибавил шутливо: «Но мы ее повесим. Мы не позволим ей нам пересолить суп». На это я спокойно: «Вы, однако, еще не знаете, кто кого повесит». Характерно.

Бebelь предвидел, что в грядущих революционных битвах реформисты и рево-

людионеры будут драться друг с другом с оружием в руках. Но если в этих битвах была убита Роза, это случилось в значительной мере и благодаря ее ошибкам, и благодаря тому, что она не могла и не хотела понять даже этого предупреждения Бебеля и Каутского.

И вот после этого находится человек, имя ему Альтер, который защищает центристские ошибки Розы от критики большевиков, чтобы ее сблизить с Каутским. И это называется бороться, чтобы Розу Люксембург не отдали меньшевикам. Если бы Альтер был большевиком, он не брал бы на себя задачи защищать Каутского 1905—1912 годов в 1931 г. Если большевик это делает сейчас, то нужно сказать, что у него чего-то не хватает в голове (смех); я сказал: если б о д ь ш е в и к это делает.

О ПОЛИТИЧЕСКИХ ОШИБКАХ В «ИСТОРИИ ВКП(б)» ПОД РЕДАКЦИЕЙ т. ЯРОСЛАВСКОГО

Теперь я подхожу к последней группе вопросов, к политическим ошибкам в книгах под ред. т. Ярославского. Тов. Ярославский сделал крупную политическую ошибку, не проявивши достаточной бдительности по отношению к работам своих сотрудников. Эти ошибки, связанные между собой, имеют тем более крупное значение, что именно благодаря тому, что книги вышли под редакцией т. Ярославского, что они имеют фирму т. Ярославского, а не только гг. Кина, Минца и др.,—что именно поэтому они получают широчайшее распространение.

Среди ряда ошибок т. Минцем здесь было указано на отсутствие разработки вопросов о роли большевиков на международной арене и истории революционного движения в национальных областях. Первый вопрос нами уже разобрал. Теперь по нацвопросу.

Национальный вопрос в ленинизме занимает видное место. Но национальная проблема в Советском союзе остается по сегодняшний день одной из острых проблем. Недаром на XVI съезде приняли решение о необходимости борьбы с уклонами в национальном вопросе. Что означает упущение национального вопроса? Это означает не подготавливать партию для выполнения задач, поставленных съез-

дом нашей партии, не подготавливать партию для борьбы за линию партии в этом вопросе, открывать двери как для великодержавного шовинизма, так и для местного национализма. Люди, которые читают и изучают историю партии, должны в ней получить подготовку для выполнения актуальных задач нашей партии и для борьбы против уклонов—и против правого оппортунизма, и против троцкизма, и против «левых» загибов.

То же самое в вопросе о «перерастании». Я не буду вдаваться сейчас в анализ этих ошибок. Они ясны. Здесь товарищи много говорили по этому вопросу. По соответствующим авторам выходит так, что Ленин в 1905 г. не ставил вопроса о перерастании, но всем ясно, что это клевета. По ним выходит так, что революция 1905 г. была обречена оставаться буржуазно-демократической революцией, что перспектив перерастания ее в социалистическую революцию не было и ввиду отсталости России не могло быть. Но с 1905 г. по 1917 г. прошло двенадцать лет. Так ли сильно изменилась экономика России за двенадцать лет? Не есть ли в этих постановках зацепочка не только для теории о «перевооружении», но и для людей, которые доказывают, что успешное социалистическое строительство и победа социализма в СССР невозможны. Так или не так? Тов. Минц, т. Кин, т. Пионтковский, мне кажется, так? Так дается зацепочка троцкистам, меньшевикам. Теперь по вопросу о 1917 г. Я не стану приводить здесь цитат по поводу того, как товарищи, касаясь 1917 г., ставят вопрос о позиции партии в 1917 г. Но основное в том, что они забывают, что большевизм имеет одну непрерывную и большевистскую историю, что нельзя разрывать историю большевизма. Попытка такого разрыва есть злонамеренная клевета на большевизм, на нашу партию. Нужно добиться, чтобы никогда в дальнейшем нигде такие ошибки не повторялись.

Тов. Минц говорил об объективности, он говорил, что нужно объективность поставить на службу политической целесообразности. По нему выходит, что как будто бы в истории большевизма объективные факты находятся или могут стать в противоречие с политической целесообразностью для большевиков сегодня. На самом

деле таких противоречий не бывает и не может быть, это грубая клевета на партию. на большевиков.

Я заканчиваю. Необходимо развернуть нашу самокритику. Нужна самокритика, непримиримая, постоянная. Если бы мы ограничивались только той самокритикой, какая была до сих пор, этого недостаточно. Сегодня на эту трибуну выходили товарищи и говорили: я сделал такую-то ошибку, я—такую-то, и т. д. Очень хорошо, что товарищи признают свои ошибки. Но не только в этом дело. На этом еще вопрос не решается. Суть вопроса заключается в основных политических установках. Необходимо постоянная и тесная увязка теоретической работы с задачами сегодняшнего

дня, необходима увязка исторических проблем, которые разрабатываются, с задачами социалистического строительства в нашей стране сейчас, в 1931 г., и с задачами мировой революции сейчас, в 1931 г. Вопрос заключается не в том, чтобы историкам брать материал сегодняшнего дня и заниматься вопросами текущей политики. Но вы должны, занимаясь вопросами истории, уметь связать проблемы истории с проблемами сегодняшнего дня. История только тогда имеет смысл, когда она работает для вопросов сегодняшнего дня, для социалистического строительства, для революции.

„Нужно по-большевистски, по-ленински подойти к истории прошлого, к истории вчерашнего дня, и подойти так, чтобы историю этого вчерашнего дня увязать с генеральной линией партии, с теми грандиозными новыми задачами, которые стоят перед нами сегодня и которые будут еще стоять завтра.

В этом—суть партийности в учебе, в этом—смысл марксо-ленинского воспитания, за это нужно по-большевистски бороться“.

Л. М. Каганович

ВИЛЬГЕЛЬМ ПИК

Образование Германской компартии

ВОСПОМИНАНИЯ

1. ИЗДАНИЕ «РОТЕ ФАНЕ»

9 ноября спартаковцы с помощью революционных рабочих и солдат захватили типографию и редакцию ура-патриотической, верной генштабу газеты «Берлинер локаль анцейгер» и в тот же вечер выпустили газету под названием «Роте фане». На следующее утро вышел второй номер. У владельца этого крупнейшего предприятия со страху душа ушла в пятки, так что в первый момент он не оказал никакого сопротивления.

Но уже на следующий день он нажал все рычаги, чтобы выкинуть спартаковцев из своего помещения. С.-д. народный уполномоченный Эберт был проникнут таким уважением к капиталистической собственности, что тотчас же распорядился выставить спартаковцев. По нашей жалобе исполком совета рабочих и солдатских депутатов распорядился предоставить в наше распоряжение типографию «Локаль анцейгер» для дальнейшего печатания газеты. Однако Эберт, по всей видимости, не собирался отменять своего распоряжения, несмотря на то, что правительство было подчинено исполкому.

Когда 11 ноября Роза Люксембург и Карл Либкнехт хотели приступить к выпуску «Роте фане» в помещении «Берлинер локаль анцейгер», ссылаясь при этом на постановление исполкома, наборщики и печатники устроили собрание, на котором вынесли постановление о недопущении их в типографию, при чем по адресу наших товарищей раздавались самые возмутительные ругательства. Не дремал и владелец, вызвавший военную охрану, и не-

многого нехватало для того, чтобы уже на третий день революции Розу Люксембург и Карла Либкнехта вновь не посадили в тюрьму. Незвзирая на повторное постановление исполкома, владелец не допустил печатания «Роте фане» в его типографии, так что прошло около недели, пока удалось найти для «Роте фане» другую буржуазную типографию, и наша газета вышла лишь 18 ноября.

2. СПАРТАКОВЦЫ СНОВА ВМЕСТЕ

Поздно вечером 10 ноября собралась в помещении редакции «Локаль анцейгер» группа спартаковцев, которые вели решительную борьбу против политики с.-д. и против самой войны и были брошены за это в тюрьмы, отправлены на фронт или находились в изгнании за границей. Карла Либкнехта правительство выпустило 21 октября из каторжной тюрьмы, а Лео Йогихеса освободили товарищи 9 ноября из тюрьмы Моабит. Я вернулся 27 октября из Голландии, где жил в эмиграции, а 10 ноября в 10 ч. веч. приехала из Бреславля Роза Люксембург, где ее тоже освободила революция от долголетнего тюремного заключения. Кроме упомянутых собрался еще ряд товарищей, женщин и мужчин. Радость от того, что все снова вместе, что снова спартаковцы смогут возобновить свою деятельность, что вожди вернулись снова к ним, была все же омрачена. Слова Карла Либкнехта, сказанные им несколько часов назад в цирке Буша рабочим и солдатам: «Контрреволюция находится среди вас», были слишком справедливы. Хотя монархия и была низвергнута, а война

окончена, однако все же не хватало сил, чтобы превратить половину революции в целую, разбить с.-д. изменников делу пролетариата и установить подлинную власть рабочих и крестьян. Спартаковцы много сделали для свержения монархии и окончания войны, но они не представляли собой массовой большевистской партии, которая могла бы и в Берлине и во всей стране двинуть рабочих и солдат на штурм капитала и создание республики советов. Поэтому деятельность спартаковцев ограничивалась лишь агитацией среди рабочих. Спартаковцы предостерегали их против предательства с.-д.

3. ОСНОВАНИЕ ЦЕНТРА СПАРТАКОВЦЕВ

В понедельник 11 ноября состоялось заседание спартаковцев, на котором был избран их центральный орган. Спартаковское движение достигло во время войны таких размеров, что Лео Йогихес предложил заменить название «Группа Интернационал» (группа «Спартак») на союз «Спартак». Однако союз все же не был партийной организацией: его члены принадлежали организационно к Независимой с.-д. партии Германии. Но внутри этой партии союз являлся замкнутой пропагандистской группой. Спартаковцы имели особые членские

билеты, хотя членских взносов не платили. Само собою разумеется, что в условиях свободы деятельности, наступивших после свержения военной диктатуры, подобное положение вещей не могло не привести к конфликтам с независимыми.

Однако Роза Люксембург (и в этом очень ярко и с весьма губительными последствиями сказался меньшевистский груз в теории и политике Розы) считала целесообразным оставаться возможно дольше в рядах Независимой с.-д. партии. Она хотела избежать создания новой самостоятельной организации спартаковцев. Между тем поднятие революционной активности рабочих и солдат могло происходить только при условии полного высвобождения рабочей массы и рядовых членов Независимой партии из-под влияния ее вождей.

Однако осуществление этих задач было несовместимо с пребыванием в одних рядах с независимцами, ибо без абсолютно самостоятельного аппарата спартаковцы не могли проводить своей политики.

Центральный комитет спартаковцев был избран из 13 товарищей во главе с Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом, Францем Мерингом и Лео Йогихесом. Кроме них в ЦК вошли еще: Эрнст Мейер, Герман и Кете Дункер, Вильгельм Пик, Гуго Эберлейн, Август Тальгеймер, Пауль Леви и Пауль Ланге. Каждый из них взял опре-

Патруль революционных рабочих, солдат и матросов на улицах Берлина 9 января 1918 г.

деленный участок работы. В редакцию «Роте фане» были выделены Люксембург и Либкнехт. Йогихес взял агитацию во всегерманском масштабе, Пик — в Берлинском районе, Эберлейн — управление делами, оба Дункеры — агитацию среди женщин, молодежи и солдат. Далее Роза Люксембург представила длинный список наших ближайших задач: издание газеты в качестве центрального органа, издание научного еженедельника «Интернационал», издание газет для молодежи, для женщины, листка для солдат и создание газетного корреспондентского бюро. Далее было решено организовать центральное бюро с различными секретариатами.

Был создан также отдел для агитации среди солдат — «Красный союз солдат», руководство которым было возложено на Будиха, а позднее передано Карлу Шульцу. Для агитации в Берлинском районе был выделен еще Отто Франке.

4. АГИТАЦИЯ В БЕРЛИНСКОМ РАЙОНЕ

14 ноября состоялось совещание товарищей, работавших еще во время войны в Берлинском районе.

Пригласительная повестка на это собрание попала случайно в редакцию одной из буржуазных газет, напечатавшей заметку, что союз «Спартак» устраивает открытое собрание.

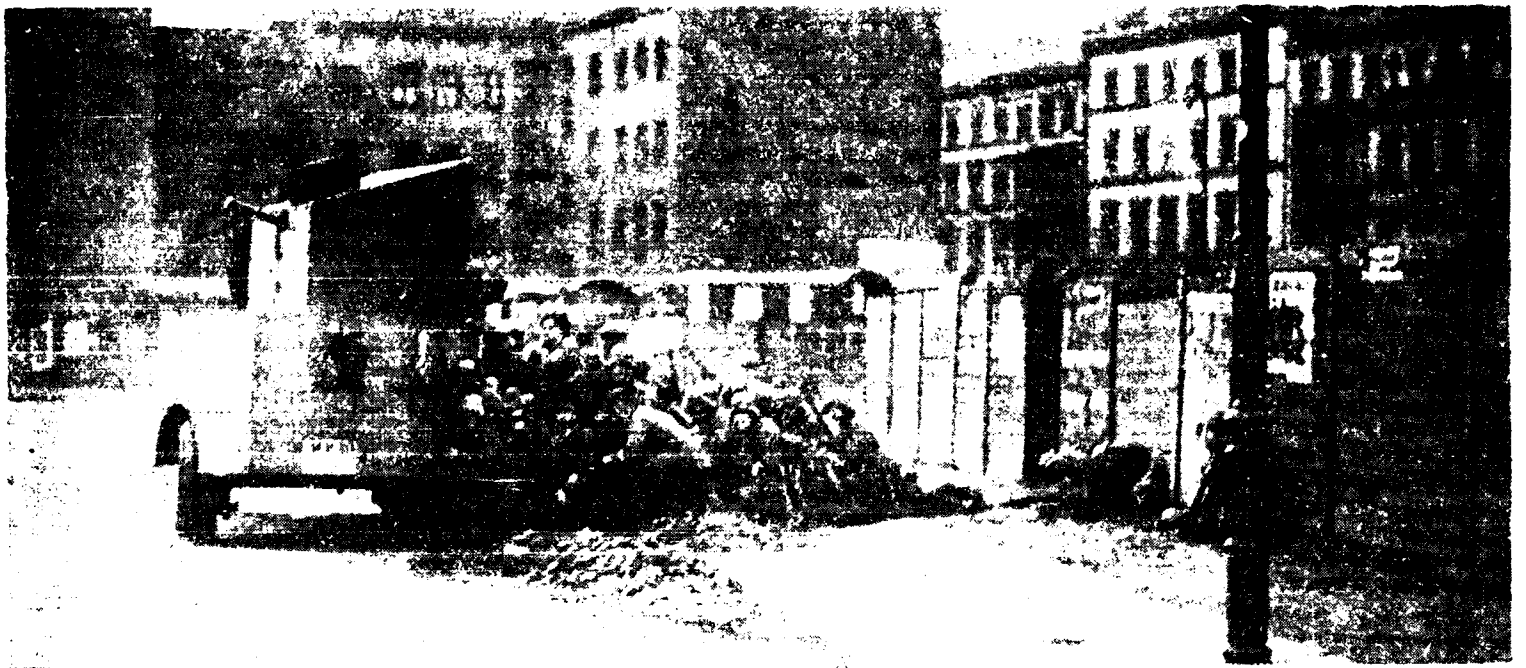
Так как и другие буржуазные газеты перепечатали эту заметку и подняли трав-

лю против созыва этого собрания. в результате этого явилось то, что не только помещение для собрания, но и двор и прилегающая улица были переполнены рабочими, которых не мог вместить зал. Пришлось открыть митинг в переполненном доотказа помещении, при чем все речи докладчиков встречали шумное одобрение собравшихся. Это первое наше выступление в Берлине было колоссальным успехом спартаковцев. Берлин был тотчас же разбит на районы, были предприняты организационные мероприятия для развертывания нашей агитационной деятельности, для которой во всех районах нашлись способные товарищи.

На 21 ноября были объявлены три открытых собрания о задачах революции. Все залы были до того битком набиты народом, что пришлось устроить параллельные собрания на улице. Из помещения, где говорил Либкнехт, отправилась демонстрация в полицей-президиум, так как стало известно, что там находятся еще политические заключенные. Когда демонстранты подошли к полицей-президиуму и отправили депутацию к полицей-президенту Эйхгорну, на демонстрантов напали солдаты, привезенные на грузовике, и открыли по ним огонь. Это нападение было устроено по распоряжению коменданта города с.-д. Вельса, который развернул среди солдат беспощадную травлю против «Спартака».

В дни спартаковского восстания. Баррикады из газетных кип перед зданием издательства Моссе

Войска Носке готовятся к выступлению против спартаковцев.

25 ноября появилось в «Роте фане» от имени союза «Спартак» воззвание «К пролетариям всех стран», написанное Розой Люксембург, в котором пролетарии всех стран призывались к совершению мировой революции. Воззвание это было подписано Розой Люксембург, Кларой Цеткин, Карлом Либкнехтом и Францем Мерингом.

6 декабря «Красным союзом солдат» было созвано собрание фронтовиков, отпускников и дезертиров, закончившееся уличной демонстрацией под лозунгом признания их представителей в совете солдатских депутатов. И по этой демонстрации был открыт огонь солдатами «Майксфера», в результате чего было убито 14 чел. и много раненых, в том числе руководитель «Совета красных солдат» т. Будих.

5. КОНСОЛИДАЦИЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Контрреволюция нагнала все сильнее и сильнее. В Западном (буржуазном) квартале Берлина контрреволюционное офицерство занималось вербовкой за пять марок в отряды, которые должны были арестовать на следующий день исполком и провозгласить Эберта президентом республики. В самую последнюю минуту удалось помешать аресту исполкома в помещении ландтага, и Эберт считал пока что более благоразумным отказаться от предложенного ему поста. Один из завербованных

отрядов вторгся в ночную редакцию «Роте фане», в которую еще не успели притти ни Люксембург, ни Либкнехт. Вожаки этой банды тщетно искали несгораемый шкаф, где должны были лежать «русские миллионы». Лишь с трудом удалось добиться удаления солдат, и газета успела еще выйти во-время.

По поводу этой попытки контрреволюционного переворота мы распространили на следующее утро, 7 декабря, на предприятиях листовку, в которой призывали рабочих на демонстрацию в Зигесалее к 12 час. дня. Это было первым массовым выступлением, к которому союз «Спартак» призвал берлинский пролетариат. С речами в Зигесалее выступили Либкнехт и Пик, требовавшие свержения правительства, на котором лежала ответственность за усиление контрреволюции. От Зигесалее демонстранты направились к зданию советского полпредства с требованием его возвращения. Около Оперы демонстрантов встретил отряд республиканских войск с 10 пулеметами, готовый пустить их в ход. Но рабочие их быстро прогнали, и Либкнехт произнес из помещения комендатуры речь против с.-д. коменданта города Вельса и правительства Эберта.

На 8 декабря, в 2 час. дня, мы призвали рабочих на демонстрацию в Трептове под следующими лозунгами: «Вся власть советам рабочих и солдат!», «Долой правительство Эберта—Шейдемана, виновни-

ков кровопролития!», «Немедленное разоружение офицеров и активных унтер-офицеров!», «Немедленное образование вооруженных рабочих отрядов и красной гвардии!», «Долой Вельса!», «Да здравствует Интернационал, да здравствует Российская социалистическая советская республика!»

Хотя правительственные социалисты устроили в тот же день тринадцать собраний, а независимые — три, на наш призыв откликнулись огромные массы рабочих. Наши ораторы говорили с десяти трибун. Затем толпа устроила мощное шествие к центру города, где республиканские отряды обороны начали браться с демонстрантами. Когда подошли к комендатуре, с которой говорил Либкнехт, группа солдат ворвалась в комендатуру, чтобы выгнать Вельса, который, однако, скрылся. Охрана комендатуры также солидаризировалась с нашей демонстрацией. У русского полпредства были устроены митинги солидарности с советской властью. Затем демонстрация направилась по Вильгельмштрассе, где у дворца рейхсканцлера была устроена грандиозная манифестация против правительства. Дойдя до Зигесаллее, демонстрация разошлась. Это была одна из самых больших демонстраций того времени.

9 декабря, в 4 ч. дня, наша редакция была занята военным отрядом под предлогом поисков оружия, при чем все присутствовавшие подверглись самому грубому обращению. Потребовался энергичный протест перед правительством для того, чтобы последнее приказало Вельсу снять осаду.

Контрреволюция стремилась особенно увеличить свои военные силы. К Берлину стягивались в большом количестве войска под предводительством ген. Леквис, главная квартира которого находилась в Штеглице. Это делалось под тем предлогом, чтобы дать возможность возвращающимся с фронта войскам вместе вступить в Берлин. Среди этих стянутых с фронта частей правительственные социалисты развернули гнуснейшую кампанию клеветы против «Спартак», Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Солдатам внушили мысль, что стоит только обезвредить спартаковцев — и в Берлине наступят мир и покой; о них сеяли слухи, будто спартаковцы действуют, как бандиты, что Либкнехт свирепствует, как атаман шайки разбойников, и т. п.

6. ПРОГРАММА «СПАРТАКА»

14 декабря в «Роте фане» появилась составленная в основном Розой Люксембург программа союза «Спартак» под заглавием: «Чего хочет союз «Спартак»?» В ней давалась характеристика политического положения, излагались задачи рабочего класса по отношению к буржуазии, цели коммунистов и национальные и интернациональные требования для обеспечения распространения революции, равно как и ряд отдельных требований.

Эта программа и ее заключительная часть отражали собою непонимание Розой роли партии в пролетарской революции, непонимание большевистского, подлинно революционно-марксистского учения о диктатуре пролетариата. Роза утверждала, что союз «Спартак» — сознательная часть пролетариата, но не партия, не понимая, что, только будучи организованным, имея большевистскую партию как передовую, сознательную часть класса, авангард его и руководитель, пролетариат может победить и победоносно завершить социалистическую революцию.

В заключительной части программы говорилось:

«Союз «Спартак» — отнюдь не партия, которая стремилась бы к власти над рабочей массой или через посредство рабочей массы.

Союз «Спартак» является лишь сознательной частью пролетариата, указывающей широким массам рабочих на каждом шагу их исторические задачи на каждой стадии революции — социалистическую конечную цель, — и представляющей во всех национальных вопросах интересы пролетарской мировой революции.

Союз «Спартак» отказывается делить власть с Шейдеманами — Эбертами, приспешниками буржуазии, ибо в этом сотрудничестве он видит измену основным принципам социализма, усиление контрреволюции и задержку развития революции...

Победа союза «Спартак» не начинается, но завершает революцию; она равнозначна победе миллионов масс социалистического пролетариата. Вперед, пролетарии! На борьбу! Вам предстоит завоевать целый мир и бороться с целым миром. В этой последней в мировой истории классовой схватке во имя высших идеалов челове-

ства нужно вбить осинный кол в грудь врага».

7. ПЕРВЫЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ

16 декабря в Берлине собрался первый съезд советов. «Спартак» устроил накануне совещание с делегатами, стоявшими на левом крыле независимых, чтобы обсудить сообща с ними требования, которые нужно выставить, и тактику, которой следует придерживаться на съезде. Однако в процессе прений выяснилось, что между нами и большинством делегатов имеются серьезные разногласия по принципиальным и тактическим вопросам, особенно по вопросу о созыве Учредительного собрания. И хотя нам удалось в конце концов добиться видимости соглашения по целому ряду вопросов, но во время съезда независимые отказались поддерживать эти требования. Только товарищи Левине и Геккерт, бывшие делегатами на конгрессе, выступили энергично в защиту наших требований; однако левые независимые бросили их на произвол судьбы.

Мы сосредоточили наши усилия на том, чтобы мобилизовать под нашими лозунгами берлинских рабочих, которых мы призвали через «Роте фане» на массовую демонстрацию 16 декабря со следующими требованиями:

1) Германия — единая социалистическая республика;

2) вся власть советам рабочих и солдатских депутатов;

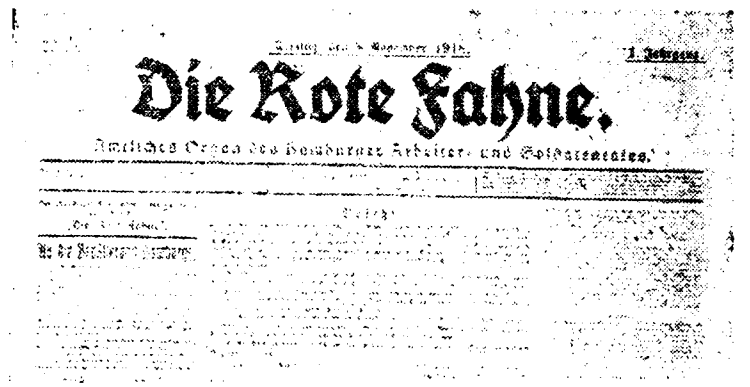
3) избранный центральным советом исполком является высшим законодательным и исполнительным органом;

4) удаление эбертова совета народных уполномоченных;

5) немедленное энергичное проведение центральным советом всех мероприятий, необходимых для защиты революции, в первую очередь: разоружение контрреволюции, вооружение рабочих, вооружение красной гвардии и

6) немедленное издание центральным советом воззвания к пролетариям всех стран с призывом организовать повсюду советы рабочих и солдатских депутатов ради осуществления задач мировой социалистической революции.

К 11 часам рабочие в значительном количестве собрались на Зигесаллее и двинулись к палате, где заседал съезд советов.

Первый номер гамбургской «Роте Фане» от 8 ноября 1918 г.

Там они делегировали на съезд депутацию из 10 чел., которая должна была выставить упомянутые требования. Хотя Лейнерт и запретил депутации доступ в помещение конгресса, депутация не успокоилась и передала через одного посредника свои требования, которые были встречены отчасти одобрением, отчасти сильными протестами. Тем временем Либкнехт говорил с балкона ландтага речь к собравшимся на улице массам. На следующий день перед съездом появился отряд берлинских гвардейских войск с требованием суверенитета совета солдатских депутатов.

Вечером 17 декабря мы созвали на совещание всех сторонников союза «Спартак» среди членов совета рабочих депутатов и с предприятий. Там была избрана депутация из 45 чел., которая должна была предъявить на следующий день на съезде советов выдвинутое совещанием требование: «Вся власть советам рабочих и солдатских депутатов и исполкому как высшей исполнительной силе». Лейнерт снова сделал попытку не допустить делегацию, однако на этот раз она добилась своего. Затем депутация добилась у берлинского магистрата, чтобы похороны убитых 6 декабря и 14 декабря состоялись 21 декабря на кладбище Фридрихсгайн за счет государства.

Похоронная процессия двинулась от Зигесаллее в сопровождении почетного эскорта в лице «Союза красных солдат».

8. КРИЗИС В СРЕДЕ НЕЗАВИСИМЫХ

Поведение представителей независимых в совете народных уполномоченных вызвало все большее недовольство среди членов их партии. Гаазе, Диттман и Барт по-

Arbeiter, Bürger!

Das Vaterland ist beim Untergang nahe.

Rettet es!

Es wird nicht bedroht von außen, sondern von innen.

Von der Spartakusgruppe.

Schlagt Ihre Führer tot!

Tötet Liebknecht!

Dann werdet ihr Frieden, Arbeit und Brot haben!

Die Freisoldaten

Плакаты, выпущенные Носке против спартаковцев в декабре 1918 г. в Берлине. Призывает к убийству Либкнехта

могли правительственным социалистам не только в деле полного восстановления старой военной силы и укрепления капиталистического господства, но также и тем, что они старались удержать рабочих от всякой серьезной борьбы с контрреволюцией. Барт превратился в странствующего оратора, раз'езжавшего по стране для борьбы с растущим стачечным движением. Реакционные постановления I с'езда советов были проведены при их соучастии, так же как и подготовка национального собрания, которое должно было целиком оттеснить советы рабочих и солдатских депутатов. Независимцы избегали всяких серьезных разговоров со «Спартак».

Особенно были возмущены революционные функционеры (функционеры на предприятиях, преимущественно металлисты) поведением Барта в правительстве. На заседании 18 декабря ему как председателю этой корпорации было выражено недоверие. Функционеры резко раскритиковали также политику независимых и приняли предложение Либкнехта о немедленном созыве партийного с'езда.

9. РОЖДЕСТВЕНСКОЕ НАПАДЕНИЕ НА МАТРОСОВ

Особенно обострились противоречия между словами независимых и их политическими действиями в правительстве, когда последнее предприняло 23 декабря попыт-

ку выгнать матросов из дворца и вывести их из Берлина, так как матросы представляли собою революционный элемент. Матросы не проявили никакого желания подчиниться распоряжениям правительства, и когда им была прекращена выдача жалования, они двинулись в комендатуру, где захватили Вельса как виновника этих мероприятий и его ад'ютантов и отвели их в манеж. Правительство стянуло в ночь с 23 на 24 декабря гвардейские части с пушками из Потсдама и предъявило 24 декабря в половине седьмого утра ультиматум немедленно сдать оружие, немедленно очистить дворец и манеж и освободить Вельса. Срок для исполнения требований был дан самый короткий.

Когда матросы отказались от принятия требований, правительство открыло огонь по дворцу и манежу, при чем оба здания сильно пострадали. После двухчасовой борьбы к дворцу подошли с предприятий, расположенных в северных кварталах, большие массы рабочих, и когда после короткой паузы потсдамские войска увидели перед собою рабочих, среди которых было много женщин и детей, они осознали, что зря пошли против матросов, и они прекратили обстрел. Тогда представители правительства вступили в переговоры с представителями матросов, в результате которых матросы были включены как составная часть в республиканскую армию и оставлены в Берлине, при чем они дали обязательство очистить дворец и не принимать больше участия в выступлениях против правительства. Если правительство и не достигло своей цели, то все же обязательство матросов не участвовать в выступлениях против правительства могло послужить основанием для того, чтобы в случае нужды использовать матросов против рабочих.

Союз «Спартак» тотчас же выпустил листовку к рабочим с призывом на массовую демонстрацию 25 декабря в Зигесаллее. Хотя в распоряжении организации было немного времени, демонстрация вышла исключительно многолюдной. Из Зигесаллее демонстранты направились ко дворцу и манежу, и здесь произошло массовое братание рабочих и матросов.

Часть демонстрантов направились на обратном пути к помещению «Форвертса», непрерывно ведшего гнуснейшую, бесстыд-

ную кампанию против «Спартака». Рабочие захватили редакцию и типографию, чтобы заткнуть глотку «собачьей брехне», как прозвали «Форвертс».

В переговорах, которые начались на следующий день с революционными функционерами в палате депутатов, независимые, возмущаясь захватом «Форвертса», пытались поднять кампанию против «Спартака». Деймиг требовал очищения «Форвертса», ибо захват его «не может рассматриваться как удачный предлог для начатия решительной борьбы против явной и скрытой контрреволюции».

Редакция «Форвертса» должна была напечатать на видном месте коротенькую, составленную Деймигом, резолюцию без всяких комментариев; в резолюции заключалось осуждение проводившейся до сих пор политики.

«Форвертс» напечатал эту резолюцию, но в следующем же номере компенсировал себя еще более злостными комментариями по адресу «Спартака».

Независимые ни в чем не высказали своего отношения к поведению правительства в деле с матросами и не обнаружили намерения выйти из состава правительства. «Спартак» признал необходимым порвать с этой партией. Правлению независимых было послано письмо с открытой критикой политики независимых и предложением созвать партийный съезд. Сроком для ответа было назначено 25 декабря.

10. ОСНОВАНИЕ КОМПАРТИИ ГЕРМАНИИ

За эти недели Иогихесу удалось завязать связи со всеми округами и подготовить таким образом предпосылки для создания всегерманской организации «Спартака». К числу наиболее сильных округов принадлежали, наряду с Берлином: Рурская область, Хемниц, Нижний Рейн, Приморский район, Северо-запад, Гессен-Франкфурт, Штутгарт, Брауншвейг, Верхняя Силезия, Лейпциг, Дрезден, Тюрингия, Восточная Пруссия, Магдебург, Бавария.

Все очевиднее становилась необходимость создания собственной партии, чтобы укрепить движение также и с организационной стороны. Однако ни Иогихес, ни Роза Люксембург не хотели мириться с этой мыслью. Они больше стремились к тому, чтобы отколоть рабочих внутри НСДП от руководства и повести их за

«Спартаком». Так как к 25 декабря независимые не прислали ответа на наше требование о созыве партийного съезда и так как 24 декабря они заявили на страницах «Фрайгайт», что созыв съезда невозможен из-за транспортных затруднений и предвыборной кампании, то на 29 декабря был назначен созыв общегерманской конференции спартаковцев, в порядке дня которой стоял вопрос о кризисе в НСДП и о создании собственной партии. Конференция была закрытой. После короткого обмена мнениями было решено создать свою партию. Только три голоса были против. По поводу названия новой партии были кое-какие разногласия, при чем Роза Люксембург и Иогихес стояли за название «Социалистическая рабочая партия», между тем как часть делегатов была за название «Коммунистическая партия Германии». Была выделена специальная комиссия, которая после продолжительной дискуссии приняла последнее название с добавлением в скобках: «Союз «Спартак».

Конференция была прервана похоронами убитых 24 и 25 декабря матросов.

30 декабря начались открытые заседания партийного съезда, в котором участвовало 83 представителя от 46 мест, 3 представителя «Союза красных солдат», 1 представитель молодежи и 16 иностранных гостей. Либкнехт сделал доклад о кризисе в Независимой партии и о создании компартии Германии, не вызвавший никаких возражений. По организационному вопросу было принято решение, что партия строится не по принципу избирательных объединений, как это принято в с.-д. организации, а по производственному признаку, и что на предприятиях должны быть организованы «коммунистические общины». Функционеры с предприятий образуют районный актив, который и выбирает свое районное руководство.

Значительные разногласия вызвал на съезде вопрос об участии в выборах в учредительное собрание. Центральный комитет «Спартака» был за участие в выборах, чтобы использовать их для мобилизации масс против правительства и против учредительного собрания. Однако доводы в пользу этой тактики не встретили сочувствия большинства делегатов съезда, настаивавших на том, что теперь не время для выборов, а нужно бороться против созыва

учредительного собрания посредством всеобщей стачки и пулеметов. Участие же в избирательной кампании только дезориентирует рабочих и отвлечет их от непосредственной борьбы. Голосование показало, что только 23 чел. были за и 62 против участия в избирательной кампании. Люксембург и Йогихес были крайне разочарованы таким исходом голосования, они видели в этом непонимание задач, стоящих перед партией, и опасались, что если подобные настроения возьмут верх, то развитие партии пойдет по опасному пути. Однако они не допустили до раскола среди участников съезда, так как были убеждены, что партийные массы быстро убедятся в ошибочности принятого решения.

Следующим пунктом порядка дня был вопрос о программе и политическом положении, докладчицей по которому выступала Роза Люксембург. Затем была принята резолюция об экономической борьбе и международной конференции в Берне. Доклад о программе, сделанный Розой, отражал всю меньшевистскую сущность люксембургизма, его полуцентристский, полуменьшевистский характер с его непониманием большевистского учения о диктатуре пролетариата, о роли партии и т. д. Однако вопрос о создании партии был решен.

В первый день партийного съезда, после того как был решен вопрос о создании партии, выступил с длинной приветственной речью от имени Российской коммунистической партии Карл Радек. Съезд ответил приветственной телеграммой советской республике.

Некоторое замешательство вызвало в конце съезда сообщение, что революционные функционеры под руководством Ледебура, Деймига, Мюллера и некоторых других товарищей повели агитацию за создание собственной партии, чтобы удержать функционеров от присоединения к компартии. Когда выяснилась полная безнадежность дальнейших переговоров, съезд принял резкий протест против политических махинаций этих мниморадикальных элементов, возглавляющих функционеров, и предложил последним вступить в ряды нашей партии.

Этим закончился учредительный съезд Коммунистической партии Германии. Предстояла работа по мобилизации трудящихся

масс для организации революции, по образованию массовой рабочей партии. Спартакоевское движение приобрело еще одного открытого врага — Независимую партию, которая принимала самое активное участие в травле коммунистов.

Учреждение коммунистической партии сигнализировало буржуазии и правительственным социалистам обострение борьбы со стороны пролетариата. Поэтому они сконцентрировали все свои стремления на уничтожении спартакоевского движения и его вождей. Совершенно открыто велась кампания за убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта. На улицах висели плакаты, призывавшие к их убийству. Среди солдат циркулировали сообщения о цене за голову обоих вождей «Спартака». Их обвиняли как источник всех зол, на их устранение указывали как на средство избавления от бед. По пятам Розы Люксембург и Карла Либкнехта шла свора шпионов и наемных убийц; требовалась неусыпная бдительность, чтобы охранять их от убийства из-за угла. Но оба отклоняли все предложения о том, чтобы спастись от этих преследований.

Они хотели оставаться в самой тесной связи с массами, чтобы не только помогать им в борьбе с контрреволюцией, но и самим вести всеми силами эту борьбу.

11. ЯНВАРСКИЕ БОИ

4 января контрреволюция предприняла новое наступление и потребовала от прусского с.-д. министра Гирша Эйхгорна сложения им звания берлинского полицей-президента. Это была в Берлине единственная позиция, которая не вполне находилась в руках правительственных социалистов. Народные уполномоченные из независимых вышли, наконец, 27 декабря из правительства, вследствие расстрела матросов. Также и независимцы министры прусского правительства подали 3 января в отставку, вследствие несогласия с назначением Рейнгардта военным министром. Таким образом, оставалось только «почистить» полицей-президиум. На этот пост выдвигался на место Эйхгорна правительственный социалист Эйген Эрнст.

Когда это постановление прусского правительства стало известно, «Роте фане» тотчас же повела усиленную кампанию, призывая к решительной борьбе против правительства, за разоружение контррево-

люди и вооружение пролетариата, за слияние всех верных революции воинских частей. Было совершенно очевидно, что контрреволюция делает в этом вопросе последнюю попытку утвердиться в Берлине, чтобы устроить кровавую баню берлинскому пролетариату и террором заставить его воздержаться от дальнейших выступлений. Естественно, что эта вылазка контрреволюции была направлена против спартаковского движения, как это впоследствии и подтвердил Эрнст.

4 января на заседании революционных функционеров, в котором приняли участие также я и Либкнехт, все единодушно считали, что Эйхгорн не должен ни в коем случае подавать в отставку и что необходимо бороться с этим вплоть до свержения правительства. У Деймига были на этот счет сомнения, ибо рабочие «недостаточно вооружены и неорганизованы по-военному» и поэтому, мол, легко потерпеть поражение, в результате которого буржуазия устроит массовое кровопускание пролетариату. Он был в то же время против того, чтобы Эйхгорн соглашался подавать в отставку, но не мог указать никакого выхода. Я же, наоборот, был того мнения, что либо нужно немедленно действовать, либо же идти на полную капитуляцию. Правительство пытается стянуть войска, и берлинский пролетариат может предупредить правительство лишь путем быстрых, решительных действий. В противном случае правительство не остановится ни перед чем, чтобы провести свое решение. Брюль заявил от имени центрального правления берлинских избирательных организаций, что последнее не только что закончившемся заседании единогласно постановило призвать рабочих к самым резким действиям против правительства, и заявил, что целиком согласен с моею точкой зрения. То же заявил и Ледебур. Либкнехт также высказался в том же духе, что и я. Было решено на следующий же день, 5 января, призвать рабочих на демонстрацию. Сборный пункт — Зигесалле. Организованные на предприятиях вооруженные отряды, названные «черными кошками» (в отличие от «белых кошек»), которые должны были нести службу связи, обязаны были явиться на демонстрацию с оружием на случай нападения правительственных войск. Демонстрация привела к захвату крупных газетных пред-

приятий, «Форвертса», Ульштен, Моссе, Шерль и телеграфного агентства Вольфа.

На заседании революционных функционеров вечером 5 января было постановлено обратиться к рабочим с призывом к массовой забастовке на следующий же день. Был избран также комитет действия, в котором были представлены все политические и военные организации, сочувствующие движению, в том числе и матросы и представители берлинского гарнизона.

6 января большинство рабочих покинуло предприятия и направилось в центр города. В манеже, в полицей-президиуме и других местах рабочим выдали оружие, так что демонстранты имели отчасти вооруженную охрану. Правительственные социалисты также начали вооружать своих сторонников и призывали к борьбе со спартаковцами. Комитет действия разослал часть товарищей по казармам, чтобы агитировать солдат за присоединение к демонстрации. В манеж явились многочисленные делегации от войсковых частей, заявлявшие о своей готовности примкнуть к восстанию, если им будет дана гарантия, что правительство, которому они присягали, уже больше не существует. При этих обстоятельствах мне пришлось составить на пишущей машинке следующий документ:

«Товарищи рабочие!

Правительство Эберта—Шейдемана стало немыслимым. Нижеподписавшиеся—революционный комитет, представители революционных с.-д. рабочих и солдат (Независимая с.-д. партия и Коммунистическая партия)—объявляют его низложенным. Нижеподписавшийся революционный комитет временно принял на себя правительственные дела.

Товарищи рабочие!

Присоединяйтесь к мероприятиям революционного комитета.

Берлин, 6 января 1919 г. Революционный комитет в лице:

Ледебур
Либкнехт
Шольце».

Делегация от солдат потребовала собственноручной подписи под документом. Его подписали Либкнехт и Шольце. За отсутствием Ледебура его подписал еще раз Либкнехт. Само собою разумеется, что этот документ был только средством к цели убедить колеблющихся солдат присоединить-

ся к восстанию рабочих и освободить их от угрызений совести по поводу нарушения присяги правительству Эберта — Шейдемана. Однако при общей нерешительности руководителей выступления эта попытка оказалась никчемной. Даже матросы, которым революционные рабочие пришли на помощь во время рождественского нападения правительства, предоставили рабочих самим себе, ссылаясь на данные обязательства не бороться против правительства.

Мы не имели возможности тотчас же поставить Центральный комитет компартии Германии в известность о принятых на этом заседании решениях. Но позже, при обсуждении этого вопроса в ЦК, оказалось, что ЦК согласен с борьбой против правительственных мероприятий, но не с целями, во имя которых ведется борьба, т.-е. с борьбой за власть. Отсюда возникли значительные разногласия по поводу моего и Либкнехта участия в совместных действиях с функционерами. Поводом к этому послужили неясность и нерешительность, проявленные руководством независимых и функционерами; вожди независимых уже с первых же дней вступили в переговоры с правительственными социалистами и поэтому, естественно, не имели ни малейшего желания развертывать движение. Тем не менее, ЦК всеми силами поддержал намеченные действия, и огромные массы откликнулись на его призывы к демонстрациям.

Однако движению в целом не хватало решительного руководства, которое уже с первого же дня было бы в состоянии прогнать правительство и передать политическую власть в руки пролетариата. У молодой коммунистической партии, не изжившей еще люксембургизма, не было достаточно сил в берлинской организации, а вожди независимых боялись последствий этих выступлений и сводили всю свою деятельность к переговорам с правительственными социалистами и к соглашательству с ними. Последние же шли на эти переговоры только ради того, чтобы выиграть время, которое они использовали для энергичного стягивания войск и мобилизации собственных вооруженных сил. Роза Люксембург выступила в «Роте фане» с очень резкой критикой этого образа действий вождей независимых, обвиняя их в том, что они зря болтались, в то время как вооруженные массы стояли на улицах, не полу-

чая никакого руководства, никаких директив.

Революционные функционеры, среди которых была значительная часть людей, готовых на любой революционный акт, не могли, однако, дать движению твердого руководства. Таким образом все выступление свелось к кружению больших масс рабочих по улицам Берлина, между тем как контрреволюция, получившая Носке в качестве вождя, готовилась к решительному удару.

8 января состоялось заседание ЦК КПГ, на котором Иогихес и Роза Люксембург подвергли в высшей степени резкой критике руководство этим выступлением и категорически потребовали от меня и от Либкнехта, чтобы мы вышли из комитета действия. Либкнехту было крайне тяжело подчиниться этому решению, так как слишком сильно был он связан с революционными рабочими, но он видел, что и его пребывание в комитете действия уже не спасет движения.

Нерешительность руководства движением привела к тому, что 8 января на собрании рабочих АЕД и Шварцкопфа было решено провести во что бы то ни стало объединение рабочих. Была образована комиссия из рабочих двух с.-д., двух независимых и двух членов КПГ, которая выставила требование единства рабочих в центральном правлении независимых и революционных функционеров. На заседании функционеров Либкнехт доказывал этой комиссии, что коммунисты стремятся именно к единству рабочих против буржуазии, но что политика правительственных социалистов, идущих с буржуазией, не допускает этого единства. Если рабочие осудят эту политику, если они освободятся от влияния правительственных социалистов и будут бороться за революцию, тогда единство станет возможным.

Случилось то, что предсказывали товарищи Иогихес и Роза Люксембург: функционеры также начали колебаться и в конце концов высказались за сдачу боевых позиций пролетариата и за переговоры с правительственными социалистами по поводу поста полицей-президента. Тогда ЦК КПГ обратился 10 января к функционерам с письменным заявлением, в котором сообщал, что оба представителя компартии отзываются из комитета действия и

впредь будут присутствовать на его заседаниях лишь с информационной целью. Независимо от всех разногласий коммунисты будут бороться рука об руку с революционными функционерами всякий раз, когда последние будут выступать с последовательно революционными действиями.

11 января правительственные войска, стянутые Носке, начали штурмовать центр города, в особенности помещение «Форвертса», захваченное революционными рабочими. С неслыханной жестокостью, под огнем тяжелых орудий они заставили рабочих пойти на капитуляцию. Семеро парламентариев подверглись жестокому издевательству и были расстреляны.

12. ПРЕДАТЕЛЬСКОЕ УБИЙСТВО РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ И КАРЛА ЛИБКНЕХТА

Несмотря на все преследования даже в эти дни белого террора удавалось выпускать «Роте фане», хотя типография, в которой она печаталась, подвергалась налету за налетом. Помещение Центрального комитета партии было захвачено военными властями. Партийное руководство оказалось в очень тяжелых условиях. Каждую минуту можно было ожидать ареста всех товарищей что в обстановке азг ла б г те у р .

С другой стороны, ни один товарищ не хотел оставлять боевых позиций, на которых значительная часть рабочих все еще продолжала борьбу с правительственными социалистами. Лишь после ареста троих руководящих товарищей удалось убедить Розу Люксембург и Карла Либкнехта в необходимости скрываться от преследователей. Однако оба ни за что не хотели отказаться от редактирования «Роте фане», чтобы до последней минуты вести этот боевой орган пролетариата.

Сперва их удалось устроить на частной квартире в Нейкельне. Однако редакционная работа была сопряжена с многочисленными посещениями, что бросалось в глаза. Пришлось перевести их на другую квартиру, на этот раз в Вильмерсдорфе. Там оба товарища немедленно возобновили свою редакционную деятельность. Роза написала свою статью «Порядок царствует в Берлине», которой суждено было стать последней. Статья эта была напечатана в «Роте фане». Карл Либкнехт написал 14 января статью «Несмотря ни на что», появившуюся в последнем номере «Роте фане» 15 января. Значительная часть тиража обоих номеров газеты была конфискована в типографии и на улице возе о ч т а п о е о с e и и с с е к ы ч е с т в .

Убийцы К р л и Р зы и р у ю н а б а к о т ч а с ж е л у б и й т а

Благодаря до сих пор еще не выясненному стечению обстоятельств местопребывание Розы Люксембург и Карла Либкнехта было открыто. Оба были арестованы вечером 15 января на своей нелегальной квартире и доставлены в гостиницу «Эден», где находилась главная квартира гвардейского кавалерийского дивизиона, переброшенного Носке в Берлин для подавления революционного движения. Оба были здесь убиты из-за угла офицерами и солдатами, подстрекаемыми травлей против спартаковцев. Карла Либкнехта убили в Тиргартене выстрелом в спину и выставили в морге как труп неизвестного мужчины; Розу Люксембург застрелили при перевозке в автомобиле, и труп ее бросили в канал. Труп ее был найден только 31 мая. На этой нелегальной квартире арестовали также и меня и тоже доставили в гостиницу «Эден». Мне удалось обмануть убийц относительно моей личности и через несколько дней спастись бегством.

13. КПГ ВСЕ-ТАКИ ОСТАЛАСЬ!

С убийством Либкнехта и Люксембург, ответственность за которое несут правительственные социалисты и в первую голову Шейдеман, коммунистическая партия Германии лишилась своих вождей. Но за короткое время своего существования партия пустила уже такие глубокие корни в пролетариате, что ни злейшим белым террором, ни объявлением осадного положения, ни запрещением партии и ее печатного органа с.-д. президентом республики Эбертом не удалось задавить революционное движение под руководством коммунистической партии. Руководство партией перешло к Йогихесу, но 10 марта и его настигла пуля наемного убийцы.

Неурядица, которую приходилось переживать КПГ в первые годы своего развития, в значительной части имеет причиной ряд теоретических и политических ошибок, которые были у Розы Люксембург и Карла Либкнехта в ряде основных вопросов марксизма и которые помешали им прорваться к последовательному и полному признанию марксизма-ленинизма. Серьезные ошибки Розы Люксембург в вопросах теории империализма, о роли партии, в национальном вопросе, в вопросе об отношении к крестьянству, в проф-

союзном вопросе, о колониальной политике и др. создали неправильную установку по этим вопросам среди партийных товарищей, при чем все затягиваемый Розой Люксембург организационный разрыв с реформистами мешал оформлению самостоятельной коммунистической партии, благодаря чему в первую очередь и удалось с.-д. разгромить ноябрьскую революцию 1918 г. Роза Люксембург предполагала, что путем такого затягивания организационного разрыва ей удастся добиться более сильного воздействия на членские массы внутри с.-д. и таким образом заставить партийное руководство проводить другую политику, нежели политику измены интересам рабочего класса. Ход вещей полностью доказал ошибочность этой ее установки. Отсутствие четкого, правильного ленинского представления о руководящей роли партии и организации партией боев, ошибочное воззрение на вопрос о стихийности и сознательности и пр. таким образом долгие годы мешали партии осознать и проводить свою революционную задачу, высвободить массы из-под влияния с.-д. и привести их в ряды революционного единого фронта. Только под влиянием победы Октябрьской революции в России, претворившей в дело учение Ленина, а впоследствии под влиянием примера ленинской партии с т. Сталиным во главе, КПГ, постепенно преодолевая пережитые от Розы Люксембург воззрения, преодолевая люксембургизм, вступила на путь своей большевизации. Продвигать дальше это развитие, чтобы сделать партию способной выполнить великую ее революционную задачу подготовки и победоносного проведения пролетарской революции — вот что является требованием момента для КПГ. Конечно, при всех своих ошибках и заблуждениях Роза Люксембург вместе с Карлом Либкнехтом имеют величайшую заслугу как борцы за дело мировой пролетарской революции.

Ленин ясно отметил это ее значение словами:

«Но несмотря на все эти ошибки она есть и остается орлом. Память о ней не только навсегда останется ценной для коммунистов всего мира, но и биография ее и полное издание ее трудов... окажутся полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира».

Как раз для того, чтобы полностью развить и довести рабочий класс до победы, чтобы осуществить то, что было целью Розы Люксембург, — именно для этого необходимо отметить ее ошибки и заблуждения, полностью преодолеть все люксембургские пережитки и последовательно проводить во всей борьбе учение Ленина и Сталина.

Можно с уверенностью предполагать, что Роза сама исправила бы свои ошибки и заблуждения, если бы не пала от руки белогвардейца, из-за угла убившего ее и Карла Либкнехта 15 января 1919 г.

Ленин в 1921 году, давая в «Письме к немецким коммунистам» общую характеристику развития революционного движения в 1918—19 гг. в Германии, писал:

«Международное положение Германии чрезвычайно быстро и резко обострило, начиная с конца 1918 г., ее внутренний революционный кризис, толкая авангард пролетариата на немедленное завоевание власти. В то же время и немецкая и вся международная буржуазия, великолепно вооруженные и организованные, обученные «русским опытом», обрушились на революционный пролетариат Германии с бешеной ненавистью. Десятки тысяч лучших людей Германии, ее революционных рабочих, перебиты и замучены буржуазией, ее героями—Носке и К-о, ее прямыми слугами—Шейдеманами и т. д., ее косвенными и

«тонкими» (и потому особенно для нее ценными) пособниками — рыцарями «II½ интернационала», с их подлой бесхарактерностью, колебаниями, неадаптивностью, мещанством. Вооруженная буржуазия ставила ловушки безоружным рабочим, убивала их массами, убивала их вождей, систематически подкарауливая одного за другим, великолепно используя при этом контрреволюционный вой из среды социал-демократов обоих оттенков, и шейдемановского и каутскианского. А действительно революционной партии у немецких рабочих ко времени кризиса не оказалось вследствие опоздания с расколом вследствие гнета проклятой традиции «единства» с продажной (Шейдеман, Легины, Давиды и К-о) и бесхарактерной (Каутские, Гильфердинги и К-о) бандой лакеев капитала».

И дальше: «Развитие революционного рабочего движения в Германии шло, начиная с конца 1918 г., особенно тяжелым и мучительным путем. Но оно шло и неуклонно идет вперед» (Ленин, изд. 1-е, т. XVIII, ч. 1, стр. 341).

Ленинизм приобщил немецких рабочих к последовательному учению о пролетарской революции и диктатуре пролетариата. Претворить это учение в дело—вот задача, стоящая перед немецким рабочим классом под руководством коммунистической партии Германии и всего Коммунистического интернационала.

Одни из многочисленных налетов полиции на здание редакции «Роте фане»

В. КАЮРОВ

Сормовичи в борьбе с самодержавием

В октябре 1931 г. нижегородский пролетариат во главе со своей парторганизацией подводил итоги тридцатилетней борьбы нижегородских и сормовских большевиков против самодержавия и буржуазии, борьбы за пролетарскую революцию, за создание социалистического хозяйства и общества.

Тридцатилетний путь, пройденный большевистской организацией одного из крупнейших индустриальных центров Советского союза, был путем величайших побед и тяжелых поражений рабочего класса. Но именно этот путь, пройденный пролетариатом под неизменным руководством большевистской партии, в жесточайшей борьбе с многочисленными врагами пролетариата, привел к нынешнему итогу—успешному строительству социализма и созданию ряда социалистических гигантов, каким являются Сормовский и другие заводы Нижнего-Новгорода.

Тридцатилетний юбилей сормовской и нижегородской большевистской организации превратился во встречу двух пролетарских поколений, подводивших итоги борьбы в условиях двух различных систем—капиталистической и социалистической. Старые большевики, прошедшие трудную школу борьбы с капиталистической эксплуатацией и с политическим режимом самодержавия, рассказывали о пережитых ими этапах тяжелой борьбы с предпринимателями и царизмом и борьбы на фронтах гражданской войны и социалистического строительства. Молодые рабочие-ленинцы рассказывали о пройденном ими пути в борьбе за завоевание и укрепление диктатуры пролетариата и осо-

Памятник В. И. Ленину в Сормове

бенно о достижениях и трудностях их борьбы за социализм.

Четырнадцать лет диктатуры пролетариата сделали Нижний-Новгород одним из важнейших промышленных центров, с двухсоттысячным составом индустриальных рабочих, с семидесятитысячной партийной и с такой же комсомольской организацией.

История Сормовского завода—один из самых ярких примеров истории рабочего движения и борьбы за социализм. При этом особенно интересны те страницы этой истории, которые рисуют классовый

рост пролетариата и его политическую эволюцию. Глухой рабочий поселок, каким было Сормово в XIX в., оторванный от городской культуры, сохранивший на всем строе глубокий отпечаток патриархальщины с безудержной эксплуатацией рабочих со стихийными и короткими взрывами рабочего недовольства, постепенно превращается под влиянием с.-д. пропаганды в 90-х годах в центр сознательной революционной борьбы рабочих.

История Сормовского завода представляет очень большой интерес для историка-исследователя. Настоящий очерк должен дать некоторый материал для той страницы этой истории, которая посвящена первым этапам политической борьбы рабочих с самодержавием. Эта страница целиком связана с историей большевизма, с его огромным организующим влиянием, начиная с самых первых шагов распространения с.-д. пропаганды в 90-х годах.

С развитием промышленности в конце прошлого столетия и начале 900-х годов в Сормове стало быстро расти число фабрично-заводских рабочих.

В 1895 г. в Нижнем-Новгороде насчитывалось около 25 тыс. рабочих, из которых 15 тыс. концентрировалось на Сормовском заводе, бывшем базой и опорой нижегородской партийной организации большевиков. Так создавалась база для пропаганды социалистических идей в Нижнем. Процесс восприятия рабочими социалистических идей облегчался значительной концентрацией рабочих на крупнейшем Сормовском заводе. Кадры сормовских рабочих формировались из крестьян прилегающих деревень и из тысяч пришлых рабочих, стекавшихся в Сормово со всех концов России. К концу 90-х годов между этими частями сормовских рабочих имелось глубокое различие. Рабочие из крестьян окружающих деревень находились еще под влиянием религиозных традиций, покорности начальству, неграмотности и суеверий. Эта часть жила мечтой сколотить деньги про «черный день», построить домишко и уйти с завода. Таких домишек вокруг завода было в то время не менее двух тысяч.

Другая часть рабочих была по составу более пролетарской. Это были преимущественно пришлые рабочие, не имевшие на месте собственности. Они были более подвижными и более независимыми, с бога-

тым классовым опытом и более широким кругозором. Своими требованиями они причиняли много хлопот заводскому начальству. Из их же среды вышли первые революционеры, приносившие в рабочую массу новые мысли и звавшие к борьбе за свои пролетарские интересы. Сначала это были одиночки, некоторые из них уже участвовали в революционной борьбе на столичных предприятиях. Именно они и стали революционной бациллой в среде сормовских рабочих и первыми организаторами революционных с.-д. кружков.

В 1891 г. в Нижнем возникают кружки. Первый из них был интеллигентский, второй—рабочий. Вот как описывает возникновение этого первого рабочего кружка его участник М. Громов.

«...В Нижний приехал ссыльный, студент М. Григорьев. С первых же дней своего приезда Григорьев заводит связь с учащейся молодежью, и в то же время ему удается каким-то образом связаться с лейтчиком курбатовского завода Гуревичем, а через него и с другими рабочими. Таким путем Григорьеву удается организовать из рабочих кружок.

Состав этого кружка, насколько мне не изменяет память, был из следующих тт.: Пятибратов, Мухин, Парфенов, Кислов, Шишкин, потом ввели и меня.

Другой студент Кузнецов организует такой же кружок из рабочих Доброва-Набогльц: тт. Бронина А., Замошникова В., Козина Г., Колина, оказавшего впоследствии предателем. Из типографщиков вошли Белявский и Лукомский. Первой девушкой в наших кружках была портниха Сучкова А.

Затем наши кружки значительно (количественно) выросли. Все рабочие и интеллигенты изучали Маркса, Энгельса и Лассалья. На живых и бурных собраниях мы разбирались в противоречиях, которые возникали у нас в процессе чтения книг Лассалья. Лассалем были некоторые из нас увлечены. В общем же литературы на социальные темы было очень мало, а та, которая попадалась в наши руки, как, например, брошюра о бунте на фабрике Корзинкина, была написана малопонятным языком. Большинство же «крамольной» литературы, ходившей по рукам, было написано от руки. Даже такой большой труд, как «Что делать» Чернышевского, был пе-

реписан нижегородцами в трех экземплярах. Весной 1896 г. перед приездом в Нижний царя наша организация была разгромлена. Уцелели единицы».

Параллельно с марксистскими кружками существовали и народнического толка кружки, но они большого идеологического влияния не имели и быстро растворялись в марксистских кружках.

Таким образом, по свидетельству участников марксистских кружков первого периода, работа кружков ограничивалась пределами саморазвития.

Количественный рост членов кружков шел за счет главным образом рабочих небольших предприятий Нижнего и учащейся молодежи. Такой гигант, как Сормовский завод, на первых порах слабо вовлекался в нелегальные кружки и в лучшем случае имел в них малозаметное представительство. Только в 1896 г. нелегальные кружки Нижнего и Сормова, объединившись, праздновали маевку, на которой было около ста участников.

Это было первое серьезное совместное выступление разрозненных кружков, имевшее большое политическое значение для приобщения нижегородского рабочего движения к интернациональному рабочему движению. Кроме того совместное празднование 1 мая дало толчок объединению кружков и способствовало переходу от узкой кружковщины к массовой работе.

Однако дальнейшему развертыванию движения полиция нанесла тяжелый удар. Вскоре после маевки произошел разгром налаживавшейся организации.

Около 60 чел., т.-е. почти весь актив, были привлечены московской судебной палатой к ответственности, из них 35 чел. были высланы в отдаленные губернии, а 23 чел. приговорены к тюремному заключению. Этот полицейский разгром затормозил на три-четыре года создание нижегородской с.-д. организации. Второй этап с.-д. движения в Нижнем-Новгороде начинается с конца 1899 г., т.-е. с момента, когда условия жизни поставили перед российской с.-д. во весь рост вопрос о создании партии. Это был период неуклонного нарастания революционного под'ема. В Сормове в июле 1899 г. рабочие «неожиданно и стихийно взбунтовались», предъявив ряд требований заводской администра-

ции. Пятнадцатитысячный пролетарский муравейник пред'явил свои требования,— это было фактом величайшего политического значения. Сормовская забастовка оказалась поворотным моментом в развитии рабочего движения в Нижнем-Новгороде. Она побудила остатки с.-д. Нижнего ускорить образование единой руководящей губернской организации.

Этому организационному периоду предшествовало еще одно обстоятельство, сыгравшее, несомненно, огромную роль в истории нижегородской с.-д. организации. В 1900 г. Нижний-Новгород проездом посетил В. И. Ленин, который имел с руководителем неоформившейся организации беседы по принципиальным вопросам. Эта встреча, по словам А. и Е. Пискуновых, навсегда сделала их верными ленинцами. До этого среди нижегородской интеллигенции, т.-е. среди большинства руководителей, преобладало рабочедельческое настроение, но после посещения Ленина и после издания газеты «Искра» оно быстро исчезло.

Опыт организации первых кружков 1891—1896 гг. явился уроком при организации нового нижегородского комитета РСДРП. Изменились методы работы, ее масштабы, и даже объекты пропаганды и агитации намечены были другие. Например, издание нелегальной литературы было признано первоочередной задачей, а индивидуальная обработка становилась методом второй очереди.

Вместо экономической борьбы, доминировавшей в прошлом периоде, нижегородским комитетом была выдвинута как основная задача борьба политическая. Раньше руководили исключительно интеллигенты, в описываемый период комитет состоял уже не из одних только интеллигентов, но и из рабочих. Центром внимания партийного комитета стал 12—15-тысячный муравейник из сормовских рабочих.

Таким образом, из разрозненных марксистских кружков выросла к 1900—1901 гг. сплоченная, в полном смысле **м а с с о в а я** партийная организация с «искровским», т.-е. с ленинским уклоном.

Благодаря правильности своей политической линии и организационных форм нижегородская и сормовская организации стали одними из самых лучших и сильных в то время организаций в России.

Опыт их прошлой борьбы имел исключительное значение в деле борьбы с самодержавием и с оппортунизмом, в деле политического ленинского воспитания широких рабочих масс. Нижегородский пролетариат благодаря руководству своей партии не переживал таких болезненных явлений, как гапоновщина и зубатовщина. Меньшевизм и эсеровщина не имели в Нижнем такого влияния, как это было в ряде других районов России.

Усвоив марксистско-ленинскую программу революционной борьбы, нижегородская организация в 1901 г. легко победила экономизм и подняла политическое воспитание рабочих масс до такого высокого уровня, что уже в 1902 г. сормовские рабочие вполне сознательно в день 1 мая выступили на улицы Сормова, демонстрируя свои политические лозунги: «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода и восьмичасовой рабочий день!», «Да здравствует с.-д. партия!»

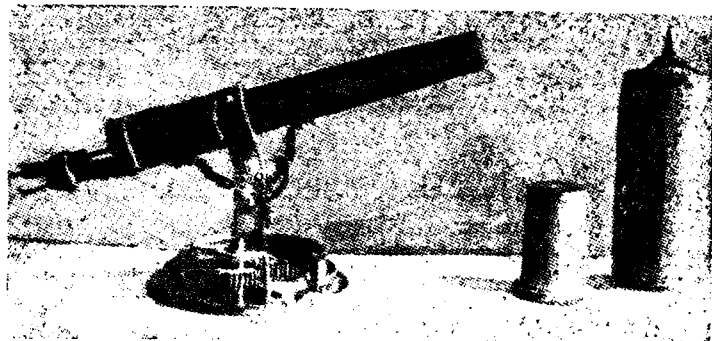
Это была первая политическая демонстрация в рабочем районе под руководством большевиков.

Демонстрация была разогнана. Но правительство не ограничилось этим разгоном и предало своему классовому суду полтора десятка рабочих, захваченных войсками, при чем такому суду, какой не применялся в России к политическим в течение двадцати лет.

В октябре 1902 г. особое присутствие московской судебной палаты при участии так называемых сословных представителей — нижегородского предводителя дворянства Александрова, городского головы Меморского, старшины (читай: кулака) Доскинской волости — и соответствующего состава судей учинило над арестованными суд. Обвиняемые рабочие проявили на суде высокую степень классовой сознательности и выдержки. Их речи стали известны не только среди сормовских рабочих, но и во всей пролетарской России. Приведем здесь краткие записи выступлений рабочих на суде.

«Признаете ли себя виновным? — обращается председатель суда к рабочему Заломову.

Заломов: Да, я признаю себя виновным в участии в демонстрации. Я сознательно участвовал. Позвольте мне расска-

1. Пушка, изобретенная рабочим Сормовского завода Париковым. 2. Ручная бомба. 3. Фугасная бомба. Бомбы отливались в чугунолитейном и обрабатывались в механическом и инструментальном цехах Сормовского завода

зать все по порядку, почему я пришел на демонстрацию... Я — сын бедного безземельного крестьянина, работавшего на заводе у Курбатова... (Председатель прерывает и требует говорить по существу). Я желаю объяснить все причины, по которым я участвовал... (Председатель суда опять прерывает т. Заломова замечанием, что это к делу не относится).

Заломов: Это относится к делу... Семья у нас была большая: кроме меня было семеро детей, был и дедушка. На него смотрели как на обузу, как на лишний рот; над ним смеялись, издевались.

Старший председатель: Подсудимый Заломов, не вдавайтесь в излишние подробности, говорите ближе к делу.

Заломов: Это все относится к делу. Мне было 7 лет, когда отец умер 38 лет, проработав 25 лет на заводе. После его смерти нам стало жить еще хуже; дедушка стал собирать милостыню. Хозяин завода назначил матери пенсию в 5 руб. в месяц. Механик Калашников хлопотал о прибавке. Правда, ей дали 15 руб. в месяц. Только три месяца она получала по 5 руб. Матери трудно было жить, но она не роптала, а говорила: «Другие хуже нас живут», сама же плакала. Бывало, сварят горшок кашицы, подаст на стол; мы все с'едим и опять не сыты, — она плакала. Чтобы заработать немного денег, она шила, но времени у нее было мало. У нас и одежды порядочной не было... Шила она нам платье из тряпок. По вечерам нам давали по куску хлеба, и тут мы спорили, кому досталось больше. Мать моя — женщина необразованная: она училась всего два месяца у дьячка, но она любила ученье. Она распорядилась: не собирать по миру поти-

хоньку и не просить хлеба кроме данного на обед. Несмотря на бедность она находила возможность учить нас: я кончил уездное училище, а сестренку отдали в гимназию. Когда мать, бывало, уходила по делам, мы оставались одни. Гуляли без обуви, босые, в одних рубашках. Вернувшись домой, мы просили у старшей сестры хлеба, она нам говорила: «Мама ушла, хлеба нет и денег нет», а есть хотелось, ели заплесневевшие корки, отковыривали присохшую к стенке горшка кашу. Бывало, кто-нибудь из родных даст пятак, купишь потихоньку калач и стараешься с'есть так, чтобы другой не видел. Я завидовал другим детям, но никто из нас, ни братья, ни сестры, никогда не воровали, не курили. Мать не позволяла нам этого, а она умела влиять на нас. Когда я кончил уездное училище, надо было работать, помогать семье. Матери в это время перестали платить пенсию. Зрение у нее было плохое: она много плакала.

Матери не хотелось отдавать меня на завод. Отец работал всю жизнь на заводе и умер от ядовитых газов, да от них же он пил запоем. Мать ходила, просила мне место, ей хотелось устроить меня куда-нибудь в конторщики, но без протекции удалось только поступить в слесарные ученики. Едва я пришел в мастерскую, как увидел, что контраст с прежним учением был страшный. Меня, пятнадцатилетнего мальчика, сразу запрягли в ночную и дневную работу, часто тяжелую, которую раньше исполняли взрослые. Заводская обстановка — грязь и теснота — произвели на меня удручающее впечатление. Заводская жизнь и условия труда меня сразу уничтожили. Сильно действовали на меня и оскорбления. Первое оскорбление я почувствовал, когда меня при входе на завод стали обыскивать, как вора. Мастер тоже грубо обращался со мной, обижал меня и часто ругал, не стесняясь выражениями.

Я уходил на завод рано утром и возвращался обратно ночью.

После ласкового обращения матери обращение мастеров было для меня особенно тяжелым. В 4 часа утра я вставал, не успев выспаться; на работу ходил сонный. Вся жизнь мне казалась пыткой: мне хотелось умереть (подсудимый волнуется,

заикается, но затем, быстро оправившись, продолжает).

Я мать любил, жалел ее. Она легче вздохнула, когда мы подросли. Но вот одного брата взяли в солдаты, теперь меня вы сошлете на каторгу... а у нее что останется?.. Впрочем, у нее остались слезы... она еще не все выплакала. Я четыре года работал на заводе у Курбатова. Меня товарищи скорее встретили с любопытством, чем со злобой, но вскоре я стал во враждебные отношения с ними, отказавшись поставить им «клепку», т.-е. угостить их по случаю поступления. Они обещали за это меня поколотить. Я был учеником на заводе; там держали учениками больше положенного срока, чтобы меньше платить. Мастера за неисполнение приказаний кормили меня «жареными тычками». Я не пил водки, не курил табака, не ругался скверными словами; не любили меня. Товарищи мои шестнадцати-семнадцатилетние ходили в публичные дома, имели любовниц; я не мог этого им попустить, говорил им, что это нехорошо. Я считал, что проституция происходит от скотского обращения с девушками, которых соблазняют, а потом бросают. Я говорил им: «Да ведь это бессердечно, бесчеловечно, не надо их унижать, жалеть их надо, а не презирать: они ведь тоже из простого народа, из крестьян».

Я никогда «клепки» не давал; за это меня донимали: бросали в лицо грязные, сальные тряпки, мазали сажей, обливали водой то за ворот, то за сапоги, жгли папиросой ладонь. Я не жаловался, считал это унижением для себя, молчал, затем — под верстак и беззвучно, стиснув зубы, что есть мочи, рыдал. Когда я подрос, ко мне не стали приставать. Узнав ближе жизнь, я вспомнил слова матери, что многие хуже нас живут. Среди своих товарищей я видел много таких. Я стал жалеть их. Они были нравственно искалечены благодаря обстановке и условиям жизни. Мне хотелось чем-нибудь помочь им... Я попросил прибавки жалованья. Мне не дали. Я взял расчет и перешел на завод к Доброву. Я долго ходил и просил места — целых два месяца. Товарищи смеялись и говорили: надо достать рекомендательное письмо к мастеру, т.-е. надо было положить 10 руб. в конверт и, подавая мастеру, сказать, что это—рекоменда-

ция от такого-то. Я не знал об этом, но если бы и знал, не сделал бы, не дал бы взятки. А взяточничество на заводах процветает. У мастеров есть даже особые поверенные из рабочих, которые принимают взятки и передают по назначению... Мастера дико обращаются с рабочими, бьют их. На меня это производило сильное впечатление. При мне раз мастер избил лейтейщика. Он не поддавался, мастер угрожал его уволить, если он подаст на него в суд. Сильно мастера обижали нас, издевались над рабочими, а один заставлял в ноги себе кланяться. В Перми, на заводе Хлебникова, где я одно время работал, мастер, ругаясь, говорил: «Я богом к вам поставлен».

Видел я тоже, как на сормовских заводах калечили людей. Механик заставлял рабочих рукой надевать ремень на шкив во время хода и подвергал нас опасности. При опасной работе, когда летели огненные стружки, нам не давали очков; рабочим вышибало глаза.

Все это вместе взятое произвело на меня сильное впечатление. Мне хотелось помочь рабочим, но я не знал, каким образом это сделать.

Узнав из листков, которые я нашел на заводе, о приближении демонстрации, я хотел своим участием обратить внимание правительства на жизнь рабочих. Плохо живется рабочим: расценки уменьшаются, заработков не хватает. Потребности рабочих развиваются. Рабочим нужно образование. Школ мало, да и средств не хватает. В Сормове есть библиотека, но книг меньше, чем читателей, да и книги рабочим не нравятся. Рабочие долго добивались устройства спектаклей, а когда разрешили, они обрадовались: они ведь ищут полезных развлечений, разумных удовольствий. Это неправда, что рабочим нужен только трактир да вино. Рабочие нуждаются в приличной обстановке и в удобной квартире, а квартиры в Сормове дороги, а продукты дороже, чем в городе. Потребность лучшей жизни и сознание собственного достоинства в рабочих развились сильно. Когда я узнал, что будет демонстрация, я понял, что она будет иметь влияние на быт рабочих, на условия их жизни. Я знал ту статью закона, по которой вы меня судите, я знал, что меня сошлют в каторгу, но я желал принести жерт-

ву, хотел всю душу отдать за рабочих, чтобы потом, после меня, им жилось по-лучше.

Итак, решив идти 1 мая на улицу, я приготовил три знамени и понес их на демонстрацию. Они оказались кстати: у демонстрантов не было приготовлено знамен. Они только кричали и пели. Я хотел мирной демонстрации. Увидев в толпе много пьяных, я не хотел выкидывать флага и пошел обратно. Увидев другую толпу, шедшую по Большой улице с пением, я присоединился к ней и вынул знамена. Знамя «Долой самодержавие, да здравствует политическая свобода!» я понес сам, а другие отдал неизвестным мне лицам. Из опыта жизни, из чтения книг о борьбе заграничных рабочих за свои права я убедился, что один рабочий или рабочие одного завода ничего не могут сделать для общей пользы; я понял, что необходимо широкое единение и общая борьба за улучшение своей жизни. С другой стороны, я знал, что если бы разрешили рабочим союзы, стачки и дали бы право участия в законодательстве, как было бы хорошо... Тогда бы многие нужды рабочих можно было бы устранить. Я нес флаг, и надписи я сделал. Я никого не заметил в толпе и никого не знал. Шел я затем, чтобы выразить свой протест против существующего порядка, и думал, что правительство обратит на это внимание и облегчит участь рабочих».

Алексей Быков признал себя виновным и показал следующее: «Да, я участвовал в демонстрации и пошел на нее сознательно. Побудило меня на это само правительство, которое никогда не заступает за рабочих и держит сторону заводчиков да капиталистов. Узнал я это по опыту своей жизни. Прожив год на заводе, я пошел просить прибавки. Мне отказали. Между тем жизнь дорожала, а расценки были низкие. Грубое обращение мастеров худо на меня действовало. Поступив на Сормовский завод, я увидел притеснение рабочих администрацией, уменьшение год от году расценок и видел тяжелые условия жизни рабочих: ни жилищ удобных, ни приличной одежды, ни развлечений, ни образования у них не было. Раз я попросил прибавки у мастера Мануйлова; за мной к нему с той же просьбой обратились другие. Он отказал и объявил, что

если кто не хочет работать по прежним расценкам, тот может взять расчет, а мне Мануйлов сказал, что меня он уволит за то, что я подстрекал других. Поступки мастера и заводской администрации меня озлобили. Найдя за несколько дней до 1 мая листок о предполагавшейся демонстрации, я решил пойти выразить протест, решил идти на улицу требовать лучшей жизни: я был обижен заводской администрацией. Я не кричал: «Долой самодержавие!»; «Тесно, дружно, товарищи, в ногу» — я пел, слова: «Да здравствует восьмичасовой рабочий день» — кричал. Знамени с надписью: «Долой самодержавие!» я не видал. Вот все, что я могу сказать».

Самылин, признавая себя виновным в участии в демонстрации, заявил следующее: «Работая на Сормовском заводе, я в 1896 г. узнал, что на заводе существует тайный кружок, желающий повысить уровень образования рабочих и научить их заявлять свои экономические требования. Я вошел в этот кружок. За это я был арестован, просидел в тюрьме пятнадцать месяцев и был выслан. Я был старший в семье. Все держалось на мне. Во время моего ареста семья бедствовала. Мать пигалась поденной работой, а братья и сестры ходили по миру. Сидя в тюрьме, я решил, что интересы фабрикантов защищаются свыше и что рабочие остаются беззащитными. Я понял, что если за то, что я искал образования, учения, меня посадили в тюрьму и отправили в ссылку, значит, мне негде искать защиты. Долго в ссылке я не мог найти работы. Был там небольшой завод, но на нем работали местные жители. Родственников у меня там не было — приходилось бедствовать. Вернувшись из ссылки, я поступил в маленькую мастерскую, кустарную, но едва я стал работать, за мной стала следить полиция: я был под надзором, а когда перешел в Сормово, наблюдения полиции участились. Достаточно было появления какой-нибудь прокламации, как ко мне являлись с обыском, искали и, находя запрещенные книги, спрашивали, зачем они мне... Раз на заводе хотели нам сбавить сразу большую плату — на десять процентов. Рабочие пошли просить к мастеру. Тут выделялся один рабочий. Мастер сказал ему: «Если ты будешь выделяться, я тебя выгоню с завода». Пришлось обратиться к

механику. На рабочего мастера покушался вот по какому случаю: мастеру подносились рабочими подарки в день ангела, этот рабочий отказался подписать рубль на подарок (семья у него была большая). За это на него и обрушился мастер. Донесли о взяточничестве мастера фабричному инспектору. За это мастера оштрафовали на 10 руб. и запретили сбор, а рабочего расценили... Нет, один рабочий не может бороться с администрацией... Администрация делает не такие вещи: чтобы сразу не раздражать рабочих всего завода, уменьшает расценки по отдельным мастерским. В прошлом году у нас был слух, что по субботам будем работать только до двух часов дня. Все ожидали, волновались, но надежда была обманута,—все успокоилось и осталось попрежнему.

Видя, что правительство относится к интересам рабочих спустя рукава, что внимание правительства можно обратить только путем сильных событий, выдающихся изряда вон, я, прочитав найденные прокламации, пошел на демонстрацию. Мне хотелось путем демонстрации обратить внимание правительства на экономическое положение рабочего класса. Кричал ли я слова: «Долой самодержавие!», не могу сказать, не помню. Революционные песни я пел. Красного знамени с надписью «Долой самодержавие!» я не видел».

После короткого совещания судей часть демонстрантов была приговорена на вечное поселение, другая — к ссылке на разные сроки. Суд над сормовскими рабочими произвел сильное впечатление на всех рабочих и имел большое революционизирующее влияние на пролетариат Сормовского завода. Рабочие других заводов, и особенно столичный пролетариат, приветствовали мужественное поведение рабочих на царском суде.

«Наши храбрые сормовские рабочие могут быть спокойны. Русский пролетариат повсюду будет солидарен с ними, повсюду русскими рабочими поддерживается и будет поддерживаться их громкий дружный крик: «Долой царя! Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!»—говорилось в прокламации, выпущенной по поводу суда Петербургским комитетом РСДРП.

Таким образом, первомайская демонстрация сормовичей вызвала в среде рабочих масс России восторг и усилила мощь рабочего класса. Потеря полутора десятков революционеров не настолько губительно отозвалась на работе нашей организации, как можно было думать первое время, так как с осени того же года организация пополнилась новыми членами.

С этого момента на сормовичей со стороны жандармского отделения было обращено особое внимание.

Жандармское управление решило в корне вырвать в Сормове «крамолу». В связи с этим решением в конце 1902 г. и в начале 1903 г. оно произвело до сорока обысков и арестов, полагая, что этим вырвет из организации весь актив. Аресты были произведены и в Нижнем. Но жандармы ошиблись: «крамола» проникла в самую глубь пролетарских масс.

К весне 1903 г. количество нелегальных кружков выросло вдвое. Несмотря на потерю сотни членов, сормовская организация под руководством нижегородского комитета начала готовиться к новой первомайской демонстрации.

1 мая 1903 г. была сделана попытка открытой демонстрации с теми же лозунгами, что и в прошлом году. Демонстрация не удалась, так как мерами, принятыми полицией и жандармерией, она была прекращена в самом начале. Произошли аресты «зачинщиков», которых снова ждали суд и тюрьма.

Летом 1904 г. предприниматели предъявили сормовским рабочим новые правила и пониженные расценки. Рабочие оказали противодействие. В августе 1904 г. под руководством партийной организации началась всеобщая забастовка. Опять войска, опять многочисленные аресты (около 300 чел.) зачинщиков.

И все же работа продолжалась, хотя организация значительно ослабела.

Русско-японскую войну нижегородские и сормовские большевики встретили во всеоружии. Десятки тысяч прокламаций и воззваний распространялись не только по рабочим районам, но и среди крестьянства Нижегородской губ. Не было ни одного уезда, откуда бы не присылались в жандармское управление сведения о нахождении то в одной волости, то в другой «преступной» литературы. Не было ни од-

ного значительного момента, на который не откликнулась бы партийная организация. Нижегородский комитет большевиков стоял во главе рабочего движения. Все усилия меньшевиков дезорганизовать работу нижегородского комитета не имели успеха.

Со времени 9 января работа партийных организаций значительно усилилась. После январского расстрела окончательно была потеряна вера в царя даже у тех рабочих, которые еще имели некоторые иллюзии и надежды на милость царя. Нижегородская большевистская организация перестроила свою работу в соответствии с теми задачами, которые выдвигала партия в условиях революции. Сормовская организация также повела рабочую массу на борьбу против самодержавия и за политическую свободу. К маю 1905 г. сормовцы завоевали такие свободы, какими в то время почти никто в России не пользовался. В течение двух месяцев сормовцы могли собираться, слушали выступления лучших представителей большевиков, их споры с меньшевиками и эсерами. Симпатии рабочих неизменно принадлежали большевикам.

Наша большевистская организация в этот период быстро росла. К июлю организация в Сормове состояла из 300 чел. — в 1-м районе — 11 кружков, во 2-м — 4, в 3-м — 6, в 4-м — 2 и в 5-м — 2. Всего насчитывалось 25 кружков.

В Нижнем имелось 17 кружков; состав их был не чисто пролетарским: один из часовщиков, три из булочников, пять из портных, один из маляров, один из наборщиков и фотографов, один из столяров, один из приказчиков, вернее торговых служащих; на заводе Курбатова — один, Добрава-Набголец — один, на мельнице Башкирова — два. Эсеры и меньшевики, взятые вместе, насчитывали много меньше.

Нижегородский комитет за этот первый этап революции проделал громадную работу по организации рабочих масс Нижнего и Сормова. Большевики стали пользоваться чрезвычайно большим авторитетом. Но пользоваться завоеванными свободами сормовским рабочим пришлось недолго.

Чем дальше от 17 октября, тем нагляднее вырисовывалась сущность свобод, данных манифестом царя. По России прокла-

тились еврейские погромы, закрывались рабочие организации и печать, происходили бессудные расстрелы, аресты и высылки. Нижегородский комитет большевиков начал усиленно готовиться к вооруженной борьбе.

Наступил декабрь. Самодержавие повсюду приступило к самым решительным действиям. В Нижнем и Сормове завоеванные свободы стали под открытым ударом. Тогда нижегородский комитет большевиков призвал рабочее население быть готовым к защите завоеваний революции.

В Сормове восстание возникло в непосредственной связи с московским вооруженным восстанием, но оно протекало слишком изолированно и мало организовано, хотя и подняло на борьбу большую массу. Уже за три-четыре дня до восстания на Сормовском заводе производились работы по самовооружению. Отливались сотни оболочек для бомб, болванки для пушек, выделывались железные и стальные пики и т. п. Наши рабочие боевые дружины усиленно обучались стрельбе и бомбометанию. Напряжения рабочих было огромное. Рвались в бой и только ждали

сигнала из Москвы. Связь с Москвой была установлена телефонная. Как только получили сообщение о восстании в Москве, нижегородский комитет выпустил следующее воззвание:

«Граждане!

Час настал! По всей России правительство арестовывает, расстреливает граждан. Оно отняло свободы, завоеванные народом. Правительство вызвало восстание народа. Объявлена всеобщая политическая забастовка.

Восставший народ требует:

Немедленного освобождения всех арестованных борцов.

Отмены военного положения и смертной казни.

Отмены исключительных законов.

Всенародного учредительного собрания.

Граждане, примыкайте к борьбе. Всенародной забастовкой покажите сочувствие борющимся и поддержите их.

В понедельник в 2 часа бросайте все работу.

Нижегородский объединенный комитет РСДРП».

Хотя воззвание было от имени нижегородского объединенного комитета, однако меньшевики в восстании не участвовали, они даже отказались от вооруженного сопротивления. Подпись же эта не была снята только из-за неполучения официального отказа от меньшевиков.

Сормовская организация, получив директивы нижегородского комитета, назначила день восстания на 12 декабря. В 10 час. утра 12 декабря мощный заводской гудок тревожно завыл. Завод встал. Свыше тысячи рабочих, вооруженных, главным образом, револьверами и пиками, имея впереди несколько десятков дружинников, вооруженных берданками, охотничьими ружьями и бомбами, двинулись по направлению столовой, где помещались все рабочие организации. Метров за двести до столовой навстречу колонне выехал конный отряд полиции, человек в тридцать. Не доехав шагов ста до колонны, командир отряда предложил рабочим немедленно разойтись.

Начальник боевой дружины т. Мочалов в свою очередь предложил начальнику городских убраться с улицы и не мешать рабочим демонстрировать и собираться. Начальник повторил свое требование. Рабочие зашумели. Отряд вооруженных рабочих прогнал городских, и демонстрация пошла к столовой. Здесь боевая дружина выстраивалась в боевой порядок. 40 чел., вооруженных ружьями, строились в ряды. Бомбисты размещались по укромным местам. Пятьсот вооруженных рабочих держались позади боевой дружины. Часть рабочих начала строить из принесенной проволоки заграждения.

Со стороны противника что-то кричали в нашу сторону. Удобная позиция, занятая им в ста метрах от нас, вооружение и военная стратегия — все это говорило не в нашу пользу.

В самом деле: 120 чел., вооруженных трехлинейными ружьями, под командой офицеров, и 40 чел. дружинников, вооруженных в лучшем случае берданками и дробовиками, плюс 500 чел., вооруженных самодельными пиками, револьверами Смит и Вессон,—силы далеко не равные. Бомбы, бывшие у дружинников, годились только на близком расстоянии и во время атаки.

Исправник Петров потребовал в течение пяти минут разойтись. Как же разойтись? Разойтись — значит изменить московским рабочим. Нет, расходиться нельзя!

Между рабочей дружиной и правительственным отрядом завязалась перестрелка. Часть рабочих не выдержала ружейного огня и свиста пуль и разбежалась в разные стороны, заполнив вблизи все переулки. Боевая дружина все еще отстреливалась, стоя перед врагом без всякого прикрытия. Полиция и казаки, спешившись и положив коней, улеглись за них и под эгидой прикрытием продолжали обстрел рабочих.

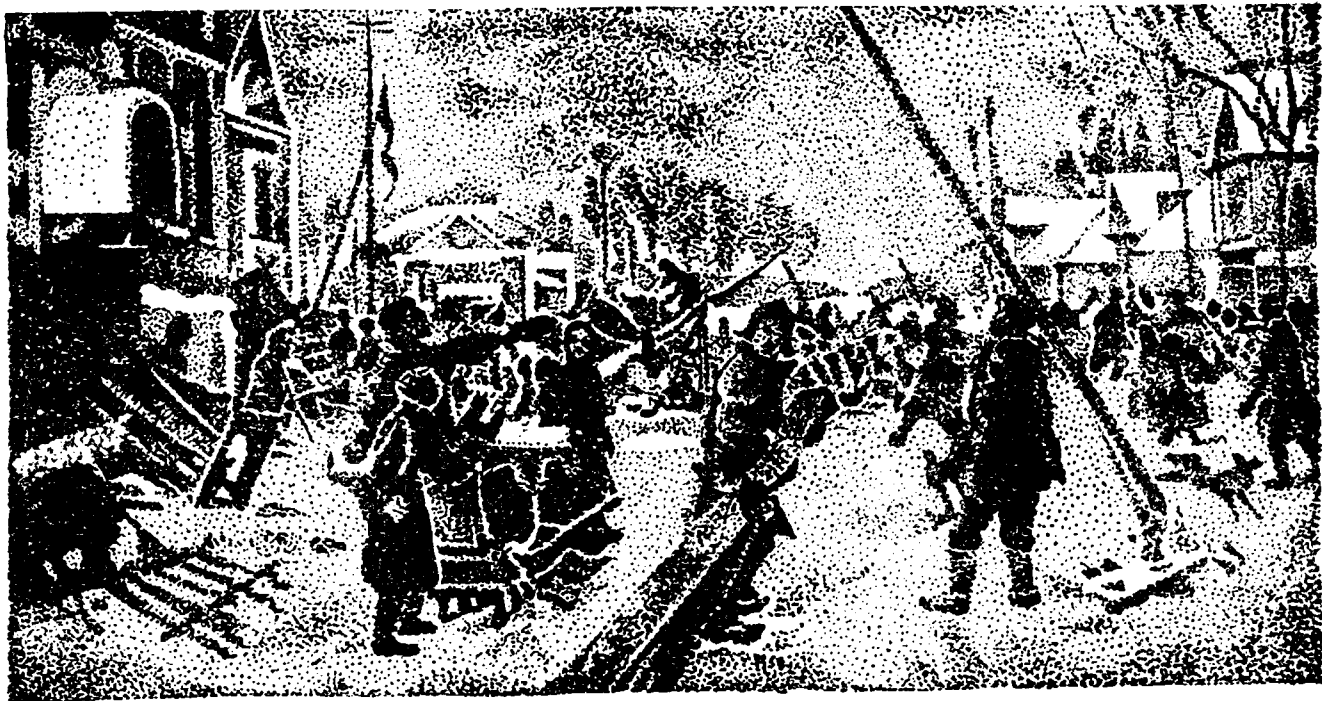
Боевой дружине пришлось сняться и уйти под прикрытия домов. Враг перешел в наступление. Полиция стала постепенно продвигаться вперед, занимая переулки, выбивая оттуда дружинников.

Полиция и казаки заняли конец главной улицы, через которую пройти было уже совсем невозможно. Рабочие не могли пробраться к своему штабу — столовой — и не сумели перестроиться в новых условиях.

На другой день, чуть свет, стрельба возобновилась. Казаки, полиция вынуждены были отступить.

— Баррикады! — пронеслось по Сормову...

Рабочие начали резать столбы, таскали все, что было можно притащить или что попадалось под руку: вывески, скамейки, доски... Прибывшие из города воинские части открыли сильный огонь. Все же улица около вокзала была забаррикадирована.

Баррикады в Сормове

На других улицах были также устроены баррикады, местами достаточно крепкие, засыпанные снегом и политые водою. В постройке баррикад принимало участие очень много рабочих. С особой гордостью и надеждой любовались сормовичи баррикадой, выстроенной боевой дружиной, пересекавшей главную улицу. Во многих местах рабочие по собственной инициативе возводили и укрепляли свои баррикады и сами устанавливали дежурства.

Ночью боевая дружина выделила партизанский отряд для нападения на канцелярию пристава. Нападение было произведено: в окно канцелярии была брошена бомба.

Утром 14 декабря в Сормово прибыла артиллерия. Часов в десять утра раздался первый артиллерийский выстрел, затем другой, третий. Что можно было противопоставить пушкам и винтовкам?

Небольшая самодельная пушка, с отверстием для снаряда в полтора дюйма, сделанная слесарем и накануне поставленная в здании школы, пыталась еще некоторое время отстреливаться.

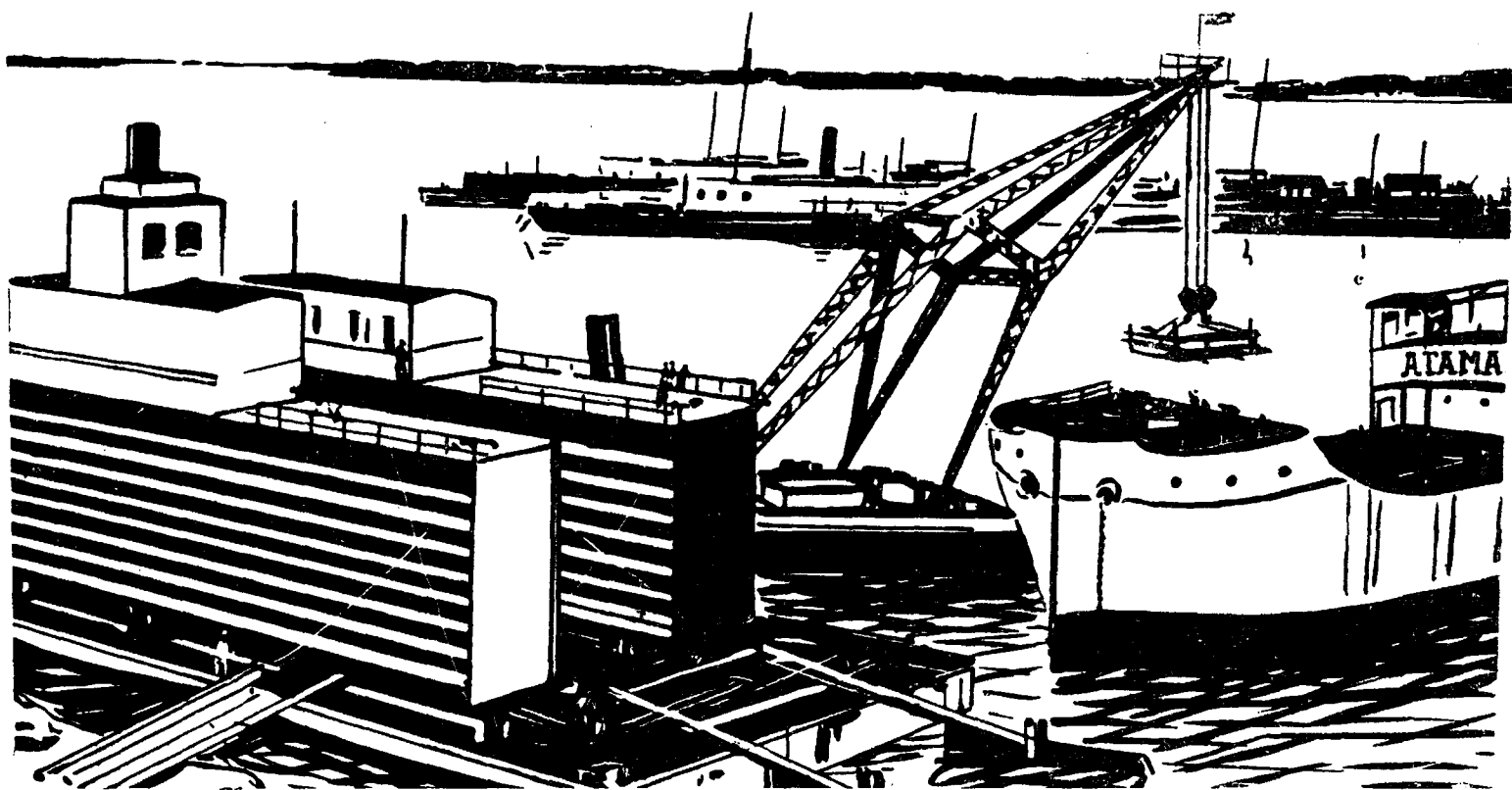
Имевшиеся в распоряжении восставших рабочих двести бомб применить как следует рабочие не умели. Фугас, заложенный рабочими посредине улицы, никакого вреда наступающим войскам не причинил. Вы-

стрелов с баррикад больше не последовало, и они были взяты теперь без боя.

Восстание в Сормове было подавлено. Наступала реакция. На улицах происходили дикие и зверские расправы с побежденными. В полицейских застенках учинялись пытки над арестованными рабочими. Рабочие организации были разбиты.

С победой царской опричины большевистская организация потеряла сотни лучших своих представителей. Вместе со своей партией рабочий класс переживал дни тяжелых испытаний.

Уроки революции 1905 г. и вооруженного восстания не были забыты сормовскими рабочими. Огромная политическая работа, проделанная большевиками среди пролетариев Сормова, дала большие результаты. В годы реакции (1906—1912 гг.), в годы под'ема и в годы империалистической войны большевистская партия имела в сормовских рабочих прочную опору. В классовых боях против самодержавия и против временного правительства сормовские рабочие использовали опыт, данный им революцией 1905 г., этой, как говорил Ленин, «генеральной репетицией» революции 1917 г. В наши дни сормовские пролетарии с той же решительностью, с какой они боролись раньше, борются теперь за строительство социализма.

Судоверфь в Красном Сормове

Рис. М. Добраковского

Классовая борьба

✠

В условиях крепостной фабрики

По данным архива Копнинской посессионной фабрики

История классовой борьбы в период крепостной фабрики разработана в нашей исторической литературе сравнительно слабо. Лишь в самое последнее время археографическая комиссия Академии наук развернула большую работу по изданию архивных материалов из истории крепостной мануфактуры. Эта новая обширная документация прольет свет на многие недостаточно разработанные страницы из истории крепостной фабрики, что особенно необходимо сейчас, когда согласно решению ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 г. развернулась широкая работа по истории фабрик и заводов.

Изучая пройденный боевой путь от возникновения фабрик и до сегодняшнего дня, коллектив, работающий над историей фабрик, не может обойти тот этап (это относится, разумеется, к старым предприятиям, существовавшим в крепостную эпоху), который относится к докапиталистической фабрике. Это тем более необходимо, что именно в этот период формировались рабочие кадры для капиталистической фабрики и что методы и формы крепостнической эксплуатации во многом перенесены были в условия капиталистической фабрики и обусловили в значительной мере развитие борьбы рабочего класса при капитализме. Крепостнические пережитки накладывали свой отпечаток на весь экономический и социальный строй отношений на предприятии даже много времени спустя после «реформы» 1861 г., формально раскрепостившей рабочих. Внеэкономическое принуждение, составлявшее основу эксплуатации крепостной фабрики, оставалось — как один из наиболее устойчивых пережитков — до ба в о ч н ы м фактором при выколачивании максимальной прибавочной стоимости на капиталистической фабрике. Без изучения процесса формирования рабочего класса, начиная еще с крепостной фабрики, и без восстановления картины эксплуатации и вытекающей отсюда классовой борьбы в условиях докапиталистической фабрики невозможно понять многое в условиях и особенностях развития фабрик в эпоху промышленного капитализма. Вот почему документы крепостной эпохи, характеризующие классовую борьбу на предприятии, представляют большой интерес при изучении истории фабрик и заводов.

Классовая борьба в эпоху крепостной фабрики дает много ярких, иногда драматических страниц. Одной из таких страниц является и пробивающаяся даже через формально-бюрократические отчеты официальных чиновников картина положения рабочих на Копнинской посессионной фабрике.

Купец или помещик, получивший на основе посессионного права фабрику и приписных к ней фабричных рабочих, не мог продавать посессионных фабричных отдельно от фабрики, имея право на основании особых правил регламентировать условия труда, заработную плату, рабочее время, даже семейный и домашний быт своих прикрепленных рабочих и т. д.

Посессионные рабочие находились в самых тяжелых условиях фактического крепостного рабства и пытались различными способами добиваться улучшения своего положения. Наиболее распространенным и первоначальным шагом была обычно посылка «ходоков» с жалобами и чело-

битными к губернским, а иногда и столичным властям и даже к самому царю. Обычно эти «ходатайства» кончались самым неожиданным для жаловавшихся рабочих образом: их жалобы рассматривались как выражение неповиновения властям, рабочие объявлялись бунтовщиками, на расправу с ними посылались войска, устраивавшие по приказу начальства иногда поголовную порку рабочих плетями или розгами. Именно такие жестокие экзекуции нередко поднимали со стихийной силой рабочих на «бунт», сопровождавшийся иногда убийством ненавистных эксплуататоров, разгромом фабрик, разрушением машин и поджогом имущества владельцев.

Публикуемые здесь документы, характеризующие положение рабочих Копнинской посессионной фабрики за 1857—58 гг., очень ярко и красноречиво, несмотря на общий сдержанный тон донесений официальных «обследователей», рисуют картину самого дикого произвола и тяжелой эксплуатации рабочих. Особенное недовольство и протест рабочих вызывало запрещение браков среди крепостных рабочих. Показания рабочих и работниц, как и акты обследователей, рисуют картину произвола и безудержной эксплуатации рабочих на Копнинской фабрике. Данные о заработной плате, детском труде, о величине рабочего дня, об общем материальном и правовом положении копнинских рабочих только подтверждают общую картину эксплуатации, какую рисуют данные по известным нам архивам других крепостных фабрик, например, Купавинской, Осокинской, Вигоневской, Гончаровской и ряда других.

Эти данные должны быть детально выяснены и собраны, чтобы восстановить условия и характер классовой борьбы на крепостной фабрике, представляющей немалый интерес при изучении истории фабрик и заводов. Все здесь публикуемые документы воспроизводятся с подлинников, хранящихся в Московском областном архивном бюро (фонд Московского губернского присутствия за 1858 г.), из дел посессионной фабрики Щекиной (том I за 1857 г.).

Г. К.

Указ Московского губернского правления от 4 июня 1857 г.

Указ его императорского величества, самодержца всероссийского, из Московского губернского правления, господину старшему чиновнику особых поручений московского гражданского губернатора графу Зотову. Губернское правление, выслушав отношение департамента мануфактур и внутренней торговли министерства финансов на имя г. начальника губернии от 13 июня сего года за № 3236, в коем изъяснено: крестьяне Ефим Алексеев Печеников и Иван Никифоров-Калинин, состоящие при посессионной писчебумажной фабрике, устроенной при селе Копнино, Московского уезда, и принадлежащей почетной гражданке Анне Федоровой Щекиной, с согласия всего мирского общества вошли в департамент мануфактур и внутренней торговли с прошением, в коем изъясняют, что на означенной писчебумажной

фабрике, к коей принадлежала обработка хлопчатой бумаги, значительно сокращено производство, изделия выделяются худого качества, фабричные люди получают незначительную заработную плату и что владелица принуждает их заниматься нефабричными работами и приобретать на собственные их средства потребные для выполнения оных инструменты и делает им различного рода притеснения, а потому просят, исследовав достоверность их жалоб, отобрать их от настоящей владелицы, почетной гражданки Щекиной, в казенное ведение. При чем, препровождая означенное прошение копнинских крестьян, департамент оный просит его сиятельство приказать сделать надлежащее по сему делу исследование. И о последующем уведомить с присовокуплением заключения его сиятельства и возвращения приложенного

прошения. Приказали: согласно с настоящим отношением департамента мануфактур и внутренней торговли, с отсылкою приложенного при оном прошения крестьян посессионной фабрики села Копнина, принадлежащей почетной гражданке Щекиной, предписать старшему чиновнику особых поручений начальника Московской губернии Зотову произвести на законном основаньи надлежащее исследование в

установленный законом срок по изложенным в прошении обстоятельствам о разных злоупотреблениях и притеснениях Щекиной, каковое исследование по окончании немедленно представить в губернское правление ¹.

Июня 4 дня 1857 года.

Ассессор (подпись).

За секретаря (подпись).

Показания крепостных Копнинской фабрики от 27 сентября 1858 г.

Павел Иванов Тархов, 32 лет, веры православной, на исповеди и у святого причастия ежегодно бываю, грамоте знаю, в штрафах, под судом и следствием никогда ни за что не был; женат, имею сына 6 лет и дочерей: одну 8 лет, а другую 1 года; на вышеозначенной Копнинской фабрике занимаю должность прядильщика; претерпевая время от времени большие притеснения от мужа нашей владетельницы, почетного гражданина Ильи Афанасьева Щекина, по управлению его фабрикою, я вместе с прочими крестьянами решился принести правительству жалобу на действия Щекина, которые состоят в том, что 1) писчебумажная фабрика совсем почти прекратилась, и занимается на ней фабричного народу весьма мало; 2) бумагопрядильное производство не в полном ходу, отчего и получаем самую малую плату за нашу работу, так что мужчина получает в сутки 14½ к., а женщина 10 к. сер.; в прежнес же время, когда бумагопрядильная фабрика была в полном действии и все инструменты в должном порядке, каждое семейство, смотря по количеству веретен, приобретало от 6 до 12 руб. сер. в месяц; 3) когда на фабрике нет работы, то Щекин посылает нас копать и возить землю на плотину, на потолки в фабричных корпусах и на вале, когда он весною от половодья повредится; когда сгнили быки у плотины, то я вместе с прочими занимался плотничной работой; кроме того копаем огороды, чистим сад и вообще все черные работы, несвойственные фабричным людям, исправляем собственными нашими инструментами; потому что без оных нельзя нам являться на работу и должен будет остаться без хлеба; в прежнее же время, при владетельнице коллежской асес-

сорше Баташевой, инструменты все были господские, и если мы тогда получали одинаковую с теперешнею плату за нашу работу, по 50 коп. асс. в сутки, то в то время продовольствие было дешевле, и, кончивши урочную работу на фабрике, мы занимались поденными работами, за которые получали особую плату, и потому нужды не терпели; в прежнее время на каждого фабричного, как только начинал он работать на фабрике, отпускалось по полусажени дров, а на малолетнего по четверти, а теперь Щекин отпускает дрова по своему произволу; за выгон скота на землю пушкинских крестьян плачу я вместе с прочими фабричными собственными деньгами, которые прежде вносились г. Баташевою, потому что выгонной земли при Копнинской фабрике не имеется; увечные, престарелые, сироты никакого пособия от Щекина не получают; лекарь для фабричных Сергей Иванов проживает в селе Пушкино и к нам на фабрику приезжает только два раза в неделю; нынешним годом разрешил Щекин вступить в брак двадцати фабричным, которые и повенчаны. Прежде ж получить от него разрешение на брак было весьма трудно, от чего многие девушки остались незамужними и родили детей незаконно; например, Лавра Чевардаева дочь Пелагея, Сергея Скотникова дочь Афимья и вдовы Анны Чевардаевой дочь Мавра, Никифора Тархова дочь Матрена; других не припомню; после пожара, бывшего в 1853 г., Щекин от себя никакого пособия погоревшим не делал, хотя мы сто о том и просили, и дал всем погоревшим взаимобразно от 10 до 50 руб.

¹ В подлиннике пометка: «Получено 6 июля 1857г.».

Список фабричных людей отбывших
 Село 1816 года июня 2 дня вренутья.

С. И. И. И. И. И.		отбывши 20 мая 1816 года июня 2 дня
Тимофей Воронин	17	внук семейства отбывши
Унелъ Семеевичъ	18	внук семейства отбывши
Олеговъ Ело не пръ	19	внук семейства отбывши
Васильевъ	20	внук семейства отбывши
Унелъ Петра дедъ	21	внук семейства отбывши
Васильевъ	22	внук семейства отбывши
Николаевъ	23	внук семейства отбывши
Константиновъ	24	внук семейства отбывши
Горько Степановъ	25	внук семейства отбывши
Евдокимовъ	26	внук семейства отбывши
Овасильевъ Иванъ	27	внук семейства отбывши
Игорь Павловичъ	28	внук семейства отбывши
Веня Ело и Григорьевъ	29	внук семейства отбывши
Унелъ Семеевичъ	30	внук семейства отбывши
Унелъ Степановъ	31	внук семейства отбывши
Михайловъ	32	внук семейства отбывши
Васильевъ	33	внук семейства отбывши
Унелъ Степановъ	34	внук семейства отбывши
Унелъ Степановъ	35	внук семейства отбывши
Унелъ Степановъ	36	внук семейства отбывши
Унелъ Степановъ	37	внук семейства отбывши
Унелъ Степановъ	38	внук семейства отбывши
Унелъ Степановъ	39	внук семейства отбывши
Унелъ Степановъ	40	внук семейства отбывши

Список фабричных Фряновской фабрики, отданных на вечную военную службу (1816 г.).

сер. на семейство по своему усмотрению; уплачивают эти деньги фабричные из задельной платы; на почетную гражданку Щекину лично мы недовольствий не имеем, все же притеснения терпим от мужа ее Ильи Афанасьева Щекина, который во всем самовластно распоряжается фабрикою и фабричным народом; все сие по-

Запрос в Московскую духовную консисторию о числе браков, имевших место на Копнинской фабрике, от 3 декабря 1858 г.²

Старшего чиновника особых поручений
 Начальника Московской губернии
 Графа Зотова
 № 156
 Декабря 3-го дня 1858 г.
 Москва
 Пресненск. части, на Новинском валу,
 в доме Протасьевой,
**В МОСКОВСКУЮ ДУХОВНУЮ
 КОНСИСТОРИЮ**

Московское губернское правление поручило мне произвести следствие по жалобе

казал по чистой совести и христианскому долгу, при чем дополняю, что вышешоказанная плата мужчине 14½ к., а женщине 10 к. получается только за черную работу; при г. Баташевой, когда по ветхости избы крестьянин ставил новую, то ему давалось вспомоществование, а теперь мы ничего не получаем и городскому сотскому платим жалование из собственных денег; при отправлении рекрутской очереди г. Баташева вносила собственные деньги, а теперь мы рекрутскую повинность отправляем натурою, отчего мы и стесняемся, потому что, если кто из фабричных явится к Щекину с какой-либо просьбой или жалобой, то он таковых считает за бунтовщиков и ставит их во время набора в рекруты. К сему показанию крестьянин Копнинской посессионной фабрики Павел Иванов Тархов руку приложил¹.

Анна Матвеева Чевсугдаева, 72 лет, веры православной, на исповеди и у св. причастия бываю ежегодно, грамоте не знаю, под судом ни за что не была; вдова, имею сына Николая 34 лет и дочерей: Марью 32 и Мавру 24 лет; на фабрике никогда не работала; дети же мои и внучка зарабатывают в сутки 1 р. 65 к., асс., чего на содержание мое недостаточно, и я таковым положением недовольна; в удостоверение чего ставлю три креста.

Агафья Яковлева Каинова, 51 года, веры православной, на исповеди и у святого причастия бываю ежегодно, грамоте не знаю, под судом и следствием никогда ни за что не была; девица; на фабрике занимаюсь резкою тряпки, за что получаю 4 коп. сер. в день, чего недостает на мое продовольствие; в удостоверение сего показания, по безграмотности, ставлю три креста.

крестьян посессионной Копнинской фабрики на владелицу их, почетную гражданку Щекину, в допущении ею разных злоупотреблений и беспорядков; в этой жа-

¹ Эти показания были подтверждены целым рядом крестьян.

² Из дел Московск. областн. архивн. бюро: «Следствие о разных будто бы злоупотреблениях и притеснениях, взводимых на почетную гражданку Щекину крестьянами посессионной Копнинской фабрики, произведенное старшим чиновником особых поручений графом Зотовым» (т. II, 20/XI 1858 г. стр. 21 и 22).

добе крестьяне между прочим объяснили, что будто бы Щекина не разрешает браков молодым мужикам и девицам, от чего совершается незаконное сожитие, а с этим и остаются на целую жизнь незамужними; вследствие чего имею честь покорнейше просить Духовную консисторию с ме-

трическими книгами состоящего в Московском уезде села Копнина, Ивантеево тож, сделать справку, сколько в предшествовавшие десять лет, т.-е. с 1848 по 1858 г., совершено между фабричными людьми браков, и меня уведомить.

Чинovníк особых поручений граф Зотов.

Справка о числе браков, имевших место среди крепостных Копнинской фабрики, от 20 декабря 1858 г.

СПРАВКА АРХИВА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ

В метрических книгах Московского уезда показано:

- В 1848 г. браков не было
- » 1849 » браков было тринадцать
- » 1850 » браков было тринадцать
- » 1851 » браков было десять
- » 1852 » браков было шесть

- » 1853 » браков был один
- » 1854 » браков было восемь
- » 1855 » браков было девять
- » 1856 » браков было пять
- » 1857 » браков было двадцать три

Декабря 11 дня 1858 г.

Член Комитета Варвагинский

Николай Кирживило

В должн. архивар. Фаворский.

Краткая выписка из следствия о разных злоупотреблениях, допущенных почетной гражданкой Щекиной на посессионной Копнинской фабрике

Они получают самую низкую плату за работу, а именно: мужчина в сутки 14½ к., а женщина 10 коп. сер. в сутки; когда на фабрике не бывает работы, то Щекин посылает их рыть и возить землю, плотничать, копать огороды, чистить сад, вообще на все черные, не свойственные фабричным

людям работы, которые они исправляют собственными инструментами, потому что без оных на работу являться нельзя и останется без хлеба; если они при прежней владелице Баташевой и получали по 50 к. асс. в сутки, то тогда продовольствие было дешевле, и они имели более свобод-

Расправа.

ного времени на поденную работу, за которую получали особую плату; дрова отпускаются Щекиным по произволу, за выгон скота платят они собственные деньги, которые вносились прежде г. Баташевою, потому что выгонной земли при фабрике не имеется; лекарь для фабричных Сергей Иванов проживает в селе Пушкино и на фабрику приезжает только два раза в неделю; нынешний 1857 год Щекин разрешил вступить в брак двадцати фабричным, прежде ж получить от него таковое было весьма трудно, от чего некоторые девки незаконно прижили детей; после бывшего в 1853 г. пожара Щекин никакого пособия погоревшим не сделал, а дал всем погоревшим взаимобразно от 10 до 50 р. сер. на семейство по своему усмотрению; при чем дополнили, что вышешоказанная плата 14½ к. мужчине, а женщине 10 к. получается только за черную работу; при прежней владелице, когда фабричный крестьянин вместо ветхой избы ставил новую, то ему дávalось вспомоществование, а теперь они ничего не получают и сотскому платят жалованье из собственных денег; при отправлении рекрутской очереди г. Баташева вносила собственные деньги, а теперь они рекрутскую повинность отправ-

ляют натурою, что их стесняет, потому что, если кто из фабричных явится к Щекину с какой-либо просьбой или жалобой, то он таковых считает за бунтовщиков и ставит их во время набора в рекруты. Из остальных 58 человек, представителей семейств 143, также пред'явили на Щекина свои неудовольствия в недостаточном отпуске дров и малой задельной платы, которой на содержание их недостаточно. Из их показаний видно, что а) некоторые женщины, работающие на писчебумажной фабрике, получают по 4 коп. сер. в день; б) малолетние до 10-летнего возраста получают от Щекина по 28½ к. в месяц; с 10 же лет, поступая на бумагопрядильную фабрику, получают по 6 коп. сер. в сутки и более; в) престарелым пособия не дается; г) работа начинается в 6 час. утра и продолжается до часу пополудни; остальное же время у них свободное; д) фабричные на бумагопрядильной фабрике, смотря по роду их занятий и возрасту, получают от 6 до 25¾ коп. в сутки, занимающие же постоянные должности получают определенное жалованье. 15 человек из последних отозвались, что претензий на Щекина не имеют.

Дополнительное следствие о положении крепостных Копнинской фабрики от 22 января 1859 г.

Исследование о содержании крестьян фабрики Щекиной следует дополнить следующими сведениями:

1. Могут ли фабричные работы всегда занимать половинное число крестьян. По показанию Щекина вырабатывается в год до 9.400 п. бумажной пряжи, а по отзыву крестьян выработано в 1856 г. только 7.543 п. 23 ф. и в 1857 г. только 6.195 п. 24 ф. Действия ватерного отделения останавливаются на 7 месяцев в год по недостатку воды, а вспомогательная паровая машина не действует, и мыльное отделение в действии только 7 месяцев. На писчебумажной фабрике производится только до 3.000 стоп в год. Сверх того по показанию крестьян ватерное отделение занимает почти одних малолетних детей.

2. Употребляются ли крестьяне на работы, несродные фабричному делу, и если употреб-

ляются, то много ли таких работ. Крестьяне показывают, что исправляют по принуждению земляные, дровяные и полевые работы с 5 час. утра до 4 час. пополудни с своими инструментами, а Щекин отзывается, что крестьяне сами ищут этих валовых работ, что их немного, они продолжают только до обеда; и инструменты выдаются крестьянам из конторы, кроме топоров и тачек.

3. Получают ли крестьяне достаточное содержание. Крестьяне показывают, что мужчины получают по 14½ коп. сер., а женщины по 10 коп. сер. в сутки, что той платы мало по настоящей дороговизне и что прежде отпускалось на каждого фабричного, как только он начал работать, по полусажени дров, а на малолетнего по четверти, а ныне дрова отпускаются по произволу. Щекин отзывается, что фабричным платится от 12½ до 30 коп. сер. в сутки, женщинам от 10

Заявление крестьян бывшего села Св. Николая
 № 1 Николая Смирнова, Дмитрия Бабурова, Алексея
 Ивановича Бабурова, рабын Бабуровых, Алексея
 Ивановича Бабурова, также и по речкам,
 Мещинский Бабуровский и Мещинский Бабуровский
 Мещинский Бабуровский Мещинский Бабуровский
 Мещинский Бабуровский Мещинский Бабуровский
 Мещинский Бабуровский Мещинский Бабуровский
 Мещинский Бабуровский Мещинский Бабуровский

ИМЕНА

Имена	Кол-во
Общая сумма	45 10 70
...	26
...	10
...	10
...	1
...	2 1/2
...	1
...	2 1/2
...	4
...	3 1/2
...	2 1/2
...	7 1/2
...	2 1/2
...	7 1/2
...	7 1/2

Ведомость вычетов с фабричных рабочих Фряновской фабрики за „неусердие“ и „ослушание“

до 14 1/2 с и детям от 6 до 10 и даже 14 1/2 коп., что крестьяне вообще нужды не терпят и что дрова отпускаются в весьма достаточном количестве, по 1 1/4 сажени на душу мужского пола.

4. Терпят ли крестьяне притеснения в увольнении по паспортам и разрешении браков и делается из оброчных денег должное употребление. Крестьяне показывают, что многие не получают паспортов потому, что от них требуется вперед 10 руб. сер. оброка, что больные, увечные, престарелые и погоревшие не получают надлежащего пособия и что вступление в брак затрудняется, от чего усиливается разврат. Щекин отзываясь, что в выдаче паспортов и разрешении браков никаких притеснений не бывает, но желающих итти на сторонние работы мало, оброк по 10 р. сер. за год весьма не отяготителен и вносится одними вперед, а другими после, что оброчные деньги употребляются для оказания пособия погоревшим, больным, престарелым и одиноким женщинам, что медик и лекарства имеются всегда при фабрике для крестьян, что после бывшего в 1853 г. пожара выдано крестьянам без возврата более 1.000 р. асс.

Наконец из следственного дела не видно, ведется ли в оброчных и прочих мирских суммах надлежащая отчетность.

Независимо от словесного разбирательства между Щекиным и крестьянами противоречие показаний их должно быть разъяснено открытием конторских книг и спросом соседних показаний.

Коллежский асессор (подпись) ¹.

¹ В подлиннике следующая пометка: «Исследование это гражданским губернатором поручается Рудневу, старшему чиновнику особых поручений, т. к. материал, доставленный Зотовым, оказался недостаточным».

Борьба за социализм в деревне

«Массы творят и пишут историю» — под таким лозунгом организует журнал «Борьба классов» широкое привлечение участников социалистического строительства, участников величайшей борьбы за социализм к активному сотрудничеству в журнале. Опыт журнала «Борьба классов» показывает, что массы охотно пишут сами историю, дают живые страницы борьбы, показывают подлинных борцов и героев нашей стройки и обогащают обобщенным опытом нашу практику. История вооружает живым и жизненным опытом, необходимым рабочим и колхозникам в их дальнейшем социалистическом наступлении.

Таким образом, осуществляется пожелание Ленина о том, «чтобы как можно большее число работников, действовавших в массе и с массой, в настоящей гуще живой жизни, занялось описанием своего опыта».

Описания самих участников борьбы и строительства становятся живым показом эпохи, насыщенной героикой и энтузиазмом. Ожесточенная борьба за сплошную коллективизацию бедняцко-средняцкой деревни и на ее основе за ликвидацию кулачества как класса, борьба за выполнение пятилетки в четыре года, за культурную революцию в деревне вовлекла миллионные массы колхозников и включила их в социалистическое строительство.

Колхозное движение имеет уже богатую и поучительную историю, которая может и должна быть описана самими героями и участниками борьбы за социализм в деревне.

По предложению журнала «Борьба классов» сектор труда Аграрного института взял на себя инициативу в деле при-

влечения колхозников к описанию классовой борьбы в деревне и созданию самими колхозниками истории колхозного движения.

Первый опыт кооперирования работы сектора труда Аграрного института и «Борьбы классов» должен явиться только началом большой совместной работы в этом направлении.

История колхоза «Свободный труд» (с. Палимовка, Бузулукского р., Средневожского края) написана его председателем и организатором т. А. Жарковым.

Примеру тов. Жаркова, статью которого мы помещаем в этом номере, должны последовать и другие колхозы. Опыт борьбы за колхозы бедняцко-средняцких масс крестьянства под руководством партии должен стать достижением широких масс.

Этот колхоз, как и многие другие, сложился в жесточайшей борьбе с кулачеством. Специфическая обстановка пригородного села создавала торгашеско-спекулянтские устремления не только у кулаков, но даже и у некоторой части середняков с. Палимовки, подпавших под кулацкое влияние. На протяжении всей революции в Палимовке шла ожесточенная борьба между бедняцко-батрацкими слоями, на стороне которых была значительная часть середняков, и кулаками. Беднота и батрачество победили и вовлекли середняка в активную борьбу за обобщественное крупное хозяйство. Два года существования колхоза радикально изменили лицо Палимовки. «Как будто и не прежнее наше село», говорят колхозники.

В настоящее время «Свободный труд» — один из передовых колхозов Средневожского края. Он в сроки и полностью выполнил и перевыполнил свои планы большевистского весеннего сева, хлебозагото-

вок и зяби. Колхоз обобществил крупный и мелкий скот, создал животноводческий городок.

В чем сила колхоза и секрет его успехов? Прежде всего в правильной, ленинской политике нашей партии, под руководством которой колхозные массы вовлечены в активную повседневную борьбу за социализм в деревне. Ячейка, актив, руководство колхоза провели огромную работу по вовлечению широких масс колхозников в непосредственное, активное и всестороннее участие в работе колхоза. Из очерка, написанного т. Жарковым, видно, какие огромные задачи стояли перед вновь созданным колхозом. Производство требовало целесообразной расстановки работников, умелого составления планов, умелой организации труда и т. д.

Колхоз начал перестройку работы и пришел к необходимости введения сдельщины. Сдельщина потребовала пересмотра системы организации труда, подготовки кадров, выработки норм, правильной расстановки и использования рабочей силы. Все эти задачи успешно осуществлялись колхозом благодаря широкому вовлечению в работу колхозных масс и созданию крепкого производственного актива. Колхоз успешно борется против обезлички, безответственности, рвачества и разгильдяйства.

Из числа работников, привлеченных к организации непрерывной работы в колхозе, выделяются из колхозной массы герои-производственники, ударники; развернуто социалистическое соревнование. Социалистическое соревнование и ударничество охватили всех колхозников не формально, а фактически,—в процессе борьбы за лучшие производственные показатели.

В борьбе за повышение производительности труда, за трудовую дисциплину, вырабатывая и выковывая ее социалистическими методами, колхоз также достиг значительных успехов.

Так в борьбе за социализм воспитывалась колхозная масса. Колхоз прочно привил ей новые мысли, привычки, понятия.

Такие понятия, как бригада, темпы, сдельщина, трудодень, социальное соревнование, ударничество и др., вошли в быт и сознание колхоза как производственные термины каждого дня. Актив, выросший на работе, потянулся к книжке и учебе. «Если раньше, когда мы вели хозяйство единолично, не требовалось крестьянину больших познаний, то теперь мы чувствуем большой недостаток знаний... Мы чувствуем сильную нужду в хорошей, полезной книге, которая учила бы, как нужно лучше строить колхозное дело» (письмо палимовских колхозников, «Штурм полей»).

Колхоз развернул большую работу. Созданы ШКМ, курсы бригадиров-колхозников. Вся учеба сейчас определяется интересами и задачами производства. Так растут новые люди, активные строители социалистического сельского хозяйства.

Во главе колхозной массы стоит рабочий-двадцатипятилетний Александр Жарков. Ему всего 24 года. Он «старый» комсомолец и молодой член партии. Колхозники зовут его «наш Саша». Вот как характеризуют своего талантливого организатора и председателя сами колхозники в книге «Штурм полей»: «С молодых лет Саша ринулся в море бушующей жизни. Обучался столярному ремеслу, был даже на подмостках театра, участвовал в гражданской войне, дрался с «чапанами»—кулацкими отрядами. К нему вполне применимы слова Безыменского из «Комсомолки»:

Мы Октября стальные дети.
Растем в тебе, чтоб вновь расти,
Чтоб в большевистском партбилете
Мандат на стройку дней найти.

Саша Жарков является одним из отряда двадцатипятилетних, пришедших по зову партии на стройку социалистической деревни» («Штурм полей», стр. 18).

Опыт работы колхоза «Свободный труд» должен быть передан другим колхозам. История лучших колхозов должна стать достоянием всей страны.

В. У.

История колхоза „Свободный труд“*

ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ ПАЛИМОВКИ

Село Палимовка находится в шести километрах от Бузулука. Близость рынка, плодородная земля, заливные луга и огороды способствовали быстрому росту и обогащению кулачества. Богатые и зажиточные крестьяне торговали молочными товарами, мясом, скотом, фуражом и т. д. Быстро обогащались Жучковы, Козловы, Навивкины. Афанасий Козлов имел кирпичный завод на сто рабочих. Карпов и Жидков открыли мельницы, на одной из них работало 200 чел.

Хозяйство кулака определялось 100—200 га посева, 40—50 головами рогатого скота, 200—300 овец, 30—40 лошадьми, при чем многие из них держали по 20 годовых батраков, которых жестоко эксплуатировали.

Кулак богател, разоряя деревню. Все больше становилось крестьян, сдававших свою землю за бесценок, беднота закабаляла себя за кусок хлеба и бедствовала в грязных, холодных землянках, голодая в беспросветной работе.

Война окончательно подорвала бедняцкие хозяйства. Железновы, Гнедищовы, Лашкаревы и многие другие, чтобы не умереть с голоду, шли батрачить к кулакам. «Кормильцы» не отказывались, почти даровая сила увеличивала их барыши.

Поп Пинет усердствовал. Ежедневно служил то благодарственные, то заупокойные о христолюбивом воинстве, забирая последние гроши у бедноты.

Для убитых горем солдатских жен и семей поп Пинет вкупе с кулаками выдумывал всякие «святые» басни: то икона обновится в церкви, то свечка ночью сама зажигается...

Тесная связь с церковью облегчала кулакам торговые спекуляции: хлеб скупался по дешевой цене и продавался весной по дорогой.

* Автор очерка г. А. Жарков — председатель колхоза «Свободный труд», Бузулукского района, Средневолжского края, рабочий-двадцатипятилетний, организатор, активнейший строитель и руководитель колхоза.

Расслоение деревни шло полным ходом. Росло недовольство, усиливалась ненависть к богачам. Эта ненависть все больше укреплялась приезжавшими с фронта солдатами. В 1916 г. деревня была, как на вулкане.

Умер под плетями вернувшийся в конце 1916 г. из армии Кочнов, засеченный за речи богохульные против царя земного и царя небесного. Плетками и гонениями хотело царское правительство заглушить недовольство в деревне.

Настал 1917 г. Пинеты, Карповы, Степановы вначале растерялись, но потом быстро усвоили обстановку, и снова зазвонили колокола о «победах», урожай попрежнему собирается в амбары Жучковых и Гнилomedовых, а беднота и батраки продолжают на них работать.

Деревня бурлила, рвалась на части, обсуждала, но над всем этим господствовала одна мысль: поле-то не пахано, работать некому... Кому же нужна война? Не нужна она!.. Кончатся скорее!.. Война для тех, кто наживается на ней...

Бедняцко-средняцкое большинство деревни пошло за Советами.

Гражданская война. Класс бился с классом. Для укрепления Советов нужен был хлеб. Деревня раскололась. Батрацко-бедняцкие комитеты забрали хлеб у кулаков для Красной армии и рабочих. Рабочий класс руководил борьбой за Советы. Рабочие приезжали в Палимовку для организации бедноты. На арене классовой борьбы выделились Денисовы Максим и Алексей, Семенов, Калужских—железные люди, умевшие находить спрятанный кулаками хлеб.

Во время боев Красной армии с колчаковцами Палимовка много раз переходила из рук в руки. Деревня все больше политически активизировалась. В 1918 г. наступало на Бузулук казачество. Рабочие дружины стали на защиту города. Палимовский кулак Гнилomedов выдал рабочую дружину, и казаки с тыла напали на рабо-

чих, заняли город. Казаки объявили мобилизацию, но батраки и беднота деревень Палимовки, Елшанки и Тупиковки оказали сопротивление и сорвали мобилизацию.

Кончилась гражданская война. Но в 1921 г. Поволжье охватил неурожай. Это страшное время связано с голодной смертью, тифом, болезнями.

Начиная с 1922 г. Палимовка стала экономически крепнуть. Вместе с общим ростом делал попытки развернуть свое хозяйство кулак.

Годы революции, конечно, ослабили кулацкий размах. Спекулировать приходилось скрыто, без прежнего показа и открытого обирания бедноты и батрачества, в условиях проводившейся партией политики ограничения капиталистических элементов, политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества.

Политика партии, направленная к созданию коллективных хозяйств, встречала в деревне все большую поддержку. Беднота и батрачество становились на путь коллективизации на основе объединения инвентаря, тягла и земли; значительная часть середняка поддерживала бедноту и батрачество, но были и такие середняки, которые подтягивались к кулаку.

Возможность разбогатеть на спекуляции, на торговле казалась им наиболее легкой и доступной. Но вместе с тем середняки присматривались к колхозам.

БОРЬБА ЗА КОЛХОЗ

Первые организаторы колхоза батраки Семенов и Астафьев решили создать колхоз, чтобы освободиться от давившей их нужды и кулацкой эксплуатации. Так в 1925 г. девять батрацко-бедняцких хозяйств выделяются из села на отдельный участок, который отняли у кулака Жучкова, использовавшего этот участок для выпаса своего скота. Борьба за участок шла жестокая, и нападки и угрозы на артельщиков (так звали их в Палимовке) сыпались со всех сторон. Вспоминая то время, секретарь ячейки Семенов говорит: «Стало быть, нужда нам так насолила, что мы ни на что невзирая, шли напролом, а сопротивление кулачества вызывало у нас острую ненависть».

Артель, созданная Семеновым в 1925 г., распалась после пожара, уничтожившего землянки, в которых жили колхозники, и

запас фуража; сгорел и один из колхозников. Кулак воспользовался несчастьем и начал агитацию: «Недолго хозяйствовали, остались без порток в коммунии».

Тяжело переживали свое поражение артельщики особенно потому, что развал артели отпугнул потянувшуюся к ней бедноту, которая с напряженным вниманием следила за борьбой.

Кулак почувствовал себя крепче. Но нужда не ждала. Беднота и батрачество искали выхода, и опять выделилась группа во главе с Соломоновым; эта группа перешла на участок за рекой Самарской, организовав артель из 11 дворов. Артель «Заря», созданная 11 хозяйствами, укрепилась, получила кредиты и стала развивать молочное стадо.

В 1928 г. батраки Лошкарев и Свиных организовали артель «Новая деревня».

Новой артели пришлось выдержать большую борьбу с сельсоветом, в который проник кулак. Сельсовет не давал согласия на регистрацию устава, основываясь на том, что у некоторых батраков, желавших вступить в артель, не было земельного надела. К весне 1929 г. «Новая деревня» все же получила землю. Борьба за создание артели охватывает все более широкие слои деревни: за беднотой и батрачеством тянется середняк. Артельная форма ведения хозяйства кажется единственно правильной, дающей выход из нужды.

Кулак соображает, что артель можно использовать в своих целях, что в артели можно укрыться от хлебозаготовок и налогов.

Возникает в Палимовке новая артель «Свободный труд», объединившая 220 дворов. За организацию этой артели высказывались и беднота и кулаки, последние, конечно, рассчитывали использовать артель в своих интересах.

Маневр кулака был раскрыт, и из артели были исключены все кулацкие хозяйства. Получив удар, кулак пошел против колхоза в открытую. Развернулась широкая агитация, особенно среди женщин. Кулак пытался сеять панику. По селу пошли кулацкие лозунги: «Сгоняют колхоз, чтобы отнять землю», «Землю будут передавать совхозам», «Подготавливают землю, чтобы посадить помещиков», или «Сожгут всех, как сгорела первая артель», «Колхоз приведет к полному разорению» и т. д.

Расчет оказался верным, агитация кулаков посеяла панику, и в течение трех дней осталось в колхозе только 25 дворов.

Беднота и батрачество на совещании решили для объединения сил против кулака слить три колхоза в один — «Свободный труд».

Кулак продолжал усиливать агитацию против колхоза, против всей политики партии. Он пошел в борьбу путем отказа от выполнения заданий по хлебозаготовкам.

В самом конце 1929 г. партия выдвинула задачу ликвидации кулачества как класса. «Повести решительное наступление на кулачество, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и заменить его производством производством колхозов и совхозов» — так поставил задачу т. Сталин в своей речи на конференции аграрников-марксистов.

Кулачество оказывало бешеное сопротивление. Оно прятало и зарывало хлеб в землю. Хлебом спекулировали, торгуя на рынке, хлеб гноили, но не сдавали государству.

На селе создавалась все более напряженная обстановка. Открытый фронт классовой борьбы требовал осторожности и бдительности.

В три недели была проведена организационная работа по слиянию колхозов.

Колхоз укреплялся и готовился к производственной работе.

В ночь на 12 января 1930 г. был зарезан сын кулака Денисовым активист колхоза — комсомолец. После этого было раскулачено 20 крупных кулацких хозяйств. Каждое из них имело до 100 га земли, 40 коров, 20—30 лошадей, сложные машины, а кулак Жучков кроме всего прочего имел трактор. Нажитое батрацким трудом имущество было передано в колхоз. Всего в 1930 г. было ликвидировано 62 кулацких хозяйства.

Расстановка классовых сил в Палимовке изменилась. Батрачество, беднота и середняки, объединенные в колхоз, являлись новой силой, бьющейся за социализм. В центре внимания колхоза стали вопросы организационно-хозяйственные. Колхоз должен был создать единое организованное хозяйство взамен вступивших в него индивидуальных дворов.

Колхоз не торопился с обобществлением домашнего скота. Основным вопросом кол-

хозного закрепления было подготовиться к началу посевной кампании. Поэтому, когда в районе начался отлив из колхозов, Палимовка не дрогнула, и вся основная масса осталась в колхозе. Правильной политикой, опираясь на бедноту и батрачество, колхоз добился политически устойчивого положения и стал расти и крепнуть.

ЗАКРЕПЛЕНИЕ КОЛХОЗА

Колхоз охватил все село: 400 дворов, 340 лошадей, 7.400 га земли, из которых посева—6.300 га. Это крупное хозяйство нужно было наладить, организовать, заставить бесперебойно двигаться вперед.

Принялись за создание бригады, за подготовку и подбор кадров. В правление колхоза вошли: Жарков, Свинухов, Семенов, Порохов, Мещанинов, Лошкарев, Емельянов, Калужских, Кондратенко Наташа. Правление распределило между собой обязанности и занялось организацией хозяйства.

Первым шагом правления было подыскание соответствующих помещений для обобществленного рабочего скота. Скот разместили в бывших кулацких дворах, по районам, так как колхозникам хотелось, чтобы своя лошадь находилась поближе к своему двору. Двойственная природа крестьянина проявилась в колхознике: каждому жаль было расстаться с собственностью.

Форма артели дала условия для урегулирования отношений с индивидуальным хозяйством колхозника. Полеводство было обобществлено, но при каждом дворе остался огород, корова, овцы, куры и т. д.

Перед колхозом стали во весь рост вопросы организации труда. Масса колхозников к некоторым мероприятиям колхоза относилась с колебаниями и сомнениями. Активу приходилось напрягать усилия, чтобы мобилизовать и повести за собой массы.

Создано было восемь районов-дворов. Эта система организации производства сложилась как первоначальная форма, когда, имея перед собой дворы и неоформленную территорию, нужно было приступить к единому коллективному хозяйству.

Кулаки, сохранившие свое влияние среди части середняков, пытались сеять панику. Пошли разговоры о том, что колхоз не справится с работой, что сев не удастся

провести. Тяжело приходилось организаторам колхоза в первый период его работы. Сегодня не вышла на работу одна группа, завтра не выходила другая; там вышло пять человек, в то время когда требуется пятьдесят. Иногда и само правление посылало по пятидесяти—шестидесяти человек, когда работу могли сделать пятнадцать, потому что не было уверенности, что пятнадцать из шестидесяти выйдут на работу. Пришлось весь актив и наиболее преданных колхозников расставить заведующими участками, экономиями, зав. хозяйством, полеводцами и т. д.

Борьба за колхоз требовала большой политической работы, повседневной агитации и пропаганды. Сил было мало. Актив боролся за укрепление колхоза, получая помощь районного комитета партии, но был политически слаб. В это время бузулукская партийная школа прислала к нам группу районных совпартшкольцев. Создалась кандидатская группа из семи человек; секретарем группы выделили т. Свинухова.

Работать стало значительно легче. Ячейка развернула работу. Сельсовет Палимовки принял активное участие в организации и работе колхоза и перестроился целиком в направлении помощи колхозу. Шла подготовка к весенней кампании, к первой весне в колхозе.

На производственном совещании обсуждались формы работы, вопросы организа-

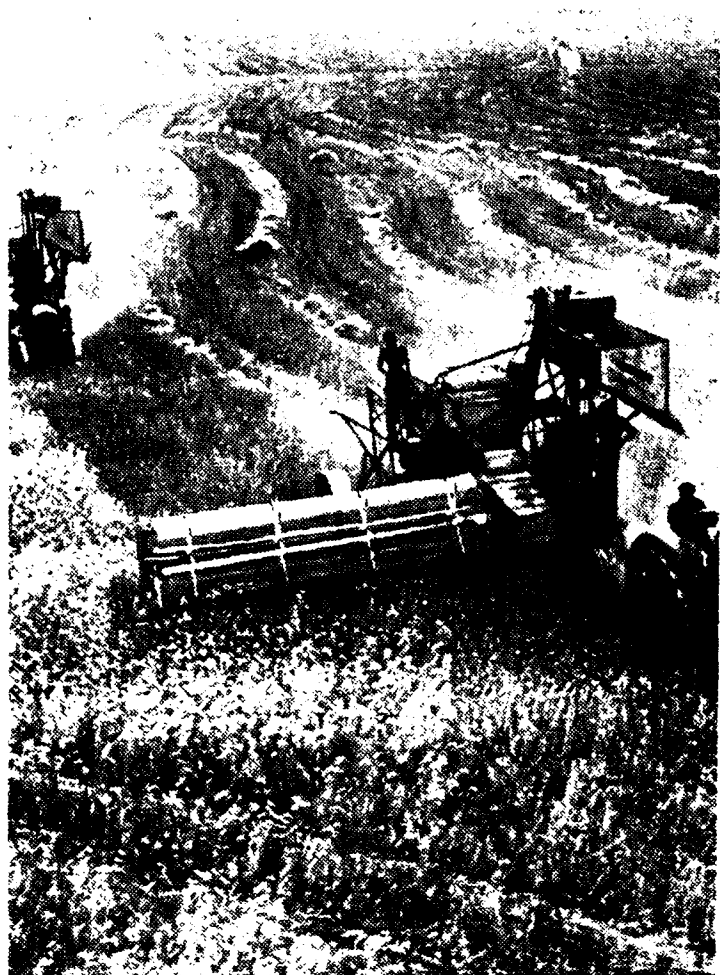
ции рабочей силы, но все это встречало большие затруднения в вопросе с лошадьми. Правление боролось за то, чтобы лошадь стала колхозным конем. Колхозник все боялся, что его лошадь куда-то уйдет и при выходе из колхоза он не скоро найдет ее. Мы налегли на разъяснительную работу. Кулак занялся вредительством: отремонтированные с.-х. машины и организованная колхозниками кузница оказались поломанными. Сгорели колхозная мельница и два общественных двора. Классовая борьба принимала новую форму. Распространялись слухи, что в соседних селах обобществляют женщин, что во многих колхозах церкви пускают под общежития, что разводят мужей и жен. На плечи мало подготовленного и неграмотного актива легла вся тяжесть организационной и разъяснительной работы. Активисты проводили по ночам собрания, а днем сортировали семена, готовились к севу. Работа шла в районах-дворках. Появился бригадир в колхозе, который занимался хозяйством, хранил инвентарь, сбрую, смотрел за лошадьми, следил за настроениями колхозников, созывал собрания, убеждал и т. д. Кадров, подготовленных к колхозной работе, не было. Если раньше в своем мелком хозяйстве крестьянин имел большой опыт и навык, то в колхозе на первых порах он почувствовал растерянность. Правлению и активу трудно было охватить стоявшие пе-

„Салтычиха“.
Картина П. В. Курдюшова
дает яркий эпизод самодурства и жестокости, которыми отличалась Дарья Салтыкова в своем подмосковном имении Троицком. Салтычиха подвергала своих крепостных невероятным пыткам

...рабочий класс Советского союза твердо и уверенно ведет вперед дело технического перевооружения своего союзника — трудового крестьянства"

Сталин

Комбайны на полях Элекского зерносовхоза

ред ними задачи. Производство казалось большим, запуганным и пугающим.

В начале посевной кампании правление обнаружило огромный беспорядок, невыход на работу, уход целых бригад с поля, кражу колхозного имущества, увод лошадей. Все это создавало обстановку, при которой весенняя кампания затянулась на месяц. Производственные показатели были низки.

Развернули борьбу за повышение производительности труда. Это была наиболее трудная и наиболее важная задача. При подходе к ее разрешению мы сразу же натолкнулись на целый ряд препятствий. Далеко не все вопросы повышения производительности труда были ясными с самого начала; совершенно отсутствовала отчетность; даже те бригады, которые работали в поле, не знали, сколько они сделали се-

годня, вчера, не знали своих производственных заданий.

Порядок в производство внес тракторный отряд, присланный МТС. Вся Палымовка приветствовала прибывшие ночью тракторы.

Много вопросов нужно было решать. Приезжали не раз районные и краевые агрономы. Каждый ехал со своим мнением: один предлагал трудовую условную оплату, другой — палочки, третий — часы. Получался непонятный разброд. Колхозник хотел знать, что он будет получать за труд. Поэтому рубль, хотя и условный, прочно утвердился в сознании каждого колхозника. Трудовой рубль лег в основу затраченного труда.

Работа колхозов упиралась в работу бригад. Трудовая дисциплина, умение маневрировать, гибко руководить расставленными силами — вот что необходимо было наладить в первую очередь. Бригады претерпели много изменений. Сначала собрали 19 бригад, по несколько в дворке. В процессе работы запутались в этих 19 бригадах, как в трех соснах. Приходилось находить новых бригадиров, сокращать бригады. Распыленность и раскиданность бригад по участкам была их слабым местом. Вот почему во время уборочной кампании 1930 г. и во время других работ нам приходилось уменьшать количество бригад. В уборочную кампанию у нас было 10 бригад.

В поле было много территориальных участков. Участковые путались в своих участках, каждый старался распоряжаться, все командовали. В результате спутались все командиры и засыпался главный командир-полевод. Перед посевной кампанией мы уничтожили территориальные бригады и сняли бригады с участка. В то же время мы не могли сразу переключиться после весеннего сева на другую работу. Мы не обеспечили возможности быстрого перемещения колхозника с одной работы на другую и ослабили этим трудовую дисциплину. Ослабление дисциплины вообще характерно при переключении с одной кампании на другую. Вырабатывается привычка отдохнуть после сделанного дела. Кроме того в период затруднений рвач и лодырь особенно осаждают правление и под руководством кулака мешают производственной работе колхоза.

1930 г. был характерен низкой трудовой дисциплиной, непониманием роли бригад и по-

деищиной. С трудом организовали производство. Вместо неорганизованных 250 работников мы создали восемь бригад во главе с бригадирами. Надо было устранить бющие по хозяйству обезличку и безответственность и добиться персонально отвечающих бригадиров на каждом участке. Мы поняли, что деищина — враг колхозного производства.

В октябре стал вопрос о деищине. Сначала пошли на аккордную оплату. Составлялись акты приема, начали воспитывать массу, заставляя ее вematриваться в качество своей работы.

Позже начали делить продовольственный фонд. Мы выдавали продовольствие не сразу на год, как это делалось в других колхозах, а перешли на месячную оплату. Но мы скоро увидели, что одним мы даем много, а другие не получают того, что нужно. Пришлось поставить вопрос прямо и резко. Кто не имеет определенного количества условных рублей, тот будет получать продовольствие за деньги. Это вызвало недовольство у части колхозников, появилось скрытое от колхоза отходничество. Колхозники работали два дня на колхозной работе, а четыре дня — в другом месте. Эти факты нарушали плановость в работе колхоза. Правление стало на путь

организованного отходничества путем заключения договора с Леспромхозом на осенне-зимние перевозки и для строительного сезона будущего года. Это мероприятие вызвало временное недовольство со стороны части колхозников.

Колхоз все прочнее становился на путь организации деищины и оплаты труда в трудоднях.

Зимой 1930-31 г. требования на рабочую силу не только не понизились, а даже значительно повысились. Натиск города, самые неожиданные требования с его стороны, с одной стороны, приучили нас быстро маневрировать, с другой — заставили задуматься серьезно над организацией нашего хозяйства и особенно над организацией труда. Посылка при посредстве дворок на работу в разные концы по 5, 10, 15 лошадей казалась правлению значае легчайшим способом организовать труд. Через 2—3 недели мы благодаря этой системе нагрузили бухгалтерию огромной массой бумаг. Нужно было построить такую систему управления, чтобы бригадиры не сидели в селе, а двигались, разговаривали с колхозниками, учитывали работу и полученные данные передавали в правление колхоза. В то же время близость города, удоб-

Колхоз „Новая жизнь“.
За получением обеда

ства ж.-д. передвижения заставили нас призадуматься над вопросом развития огородничества.

Требование растущего производства определило таким образом отраслевое направление организации труда. Выделились полеводство, огородничество, животноводство. План 1931 г. пересоставлялся три или четыре раза. К весенней посевной кампании мы подошли с нереальным годовым производственным планом. Но в процессе работы, обсуждая и обдумывая каждый шаг, мы создали реальный план 1931 г. Планирование рождалось в колхозе в процессе производства, под давлением необходимости планового хозяйства.

Отраслевая система производства оправдала себя. Колхозу удалось вовлечь в производственный процесс большую часть мужской силы. В начале весенней посевной кампании мы разбили человеческую силу по группам: животноводство, полеводство, огородничество, кузницы и мастерские. Повысилась ответственность заведующих отраслями за использование прикрепленных к ним людей. В самые серьезные моменты мы могли быстро переключить людей с одной работы на другую. Иногда в течение ночи мы переделывали весь план предстоящей работы в связи с дождями или с другими условиями. Использование рабочей силы было поставлено очень серьезно.

Это дало нам возможность стать одним из передовых колхозов района и добиться высоких показателей в нашей работе.

ВТОРАЯ БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ВЕСНА

1930 г. дал колхозному активу громадный опыт в борьбе за производство. 1931 г. являлся для Палимовки школой коллективного труда. Перед колхозом стояла задача посеять весной 1931 г. 6.300 га. Задача была трудная. Низкая производительность труда, плохая его организация, слабые производственная активность и заинтересованность колхозной массы затрудняли выполнение этого производственного задания. Нужно было воспитать колхозников и поднять их сознание на уровень требований производства. Актив развернул борьбу за нормы и за производительность труда. В этой борьбе роль ячейки и комсомола была исключительной.

Началась героическая борьба за большевистскую весну. Каждая бригада, каждый

колхозник чувствовал и готовился к приближению весны. Вначале подготовка к весенней посевной кампании носила непланный скачкообразный характер. В подготовке чувствовался разноряд. Однако постепенно актив выправился и быстро пошел вперед. К весне подготовились хорошо. Для каждого вставал вопрос о том, что урожаем нынешнего года будет решаться срок посева. Борьба за сокращение срока и за качество сева была основной задачей колхоза. За две недели до выезда в поле колхозники на колхозном собрании обсудили норму выработки этого года. Сдельщина еще не конкретизировалась в представлении колхозных масс, но понятие о сокращении срока—эта мысль была понятна для каждого. Палимовские колхозники пишут обращение ко всем колхозам Средневолжского края с призывом закончить сев в короткий срок.

Спешно готовились к выезду в поле. Спешно собирали в стенгазету материал. Организованный штаб в составе секретаря ячейки, председателя колхоза и секретаря комсомольского комитета вел разъяснительную массово-агитационную работу. Колхозники выехали в поле. В первый же день начались вызовы на социалистическое соревнование между бригадами. Два дня развернутого сева показали, что взятые нормы были выполнены пятью бригадами из выехавших в поле восьми. На второй день сева приехал тракторный отряд Ховалкина. Бригадир тракторного отряда сумел убедить колхозников-трактористов работать по-ударному.

Борьба за первенство, за переходное знамя была большим стимулом для дальнейших побед тракторного отряда. Тракторный отряд задал тон всей работе в поле. Организованность, дисциплина, сознательное стремление выполнить свои задания передались и колхозникам. На второй день работы нормы, данные правлением, были перевыполнены почти всеми бригадами.

Сев, намеченный по плану в 20 дней, во встречном обращении колхозников сокращенный до 15, был закончен в 13 дней. Ударничество и социалистическое соревнование приняли массовый характер. На каждом бригадном собрании, собиравшемся ежедневно после окончания работ, рождались новые ударники, бравшие все более и более высокие обязательства по вы-

полнению норм. Ударничество, охватывавшее 15 чел. перед началом посевной кампании, дошло до 120 чел. к концу седьмого дня сева. В это время настроение, которое было в поле, передалось и на село. Женщины, работающие на огородах, на ссыпке семян и на других работах, поднимали нормы и качество работы в своих бригадах. Сводки, которые шли с поля в виде плакатов, говорили об итогах борьбы в поле.

Партийная ячейка, руководя массами, стояла во главе развернувшейся кампании. Правление колхоза, опираясь на производственный энтузиазм, весной и в особенности во время летних работ развернуло борьбу за сдельщину. Если до этого отдельные колхозники под действием кулацкого влияния говорили, что сдельщина закабалает колхозника, то теперь настроение изменилось. Основное требование заключалось в том, чтобы все работы были нормированы. Сдельщина начала внедряться, сдельщину колхозники поняли. Это доказала и уборочная кампания, проходившая с большим напряжением. Недоставало тяговой силы, чувствовался большой недостаток в рабочих руках. Нужно было быстро снять в поле хлеб. Нужно было быстро его обмолотить, чтобы освободить поле тракторному отряду поднимать зябь для 1932 г. Во время уборочной кампании колхозники полностью закрепили свою производственную победу. Работа была построена на основе непрерывки. Молотилки работали день и ночь. Была организована трехсменная подвозка снопов к молотилкам. Вся работа шла в конвейерном порядке. Весь период молотбы, начиная с первого дня, колхоз днем и ночью кипел непрерывной бурливой жизнью. Были отдельные случаи, когда некоторые колхозники, в частности тракторная бригада, которая имела в своем составе около 160 чел., работала без смены 26 часов. Ударники Быковский, Овчинников Иван не спали 3—4 суток подряд. Нужно было не сдавать темпов! Настроение было у всех боевое. Бригады соревновались между собой. Комсомольская бригада на молотбе во главе с Ковалевым и Быковским, показала действительные чудеса в своей работе. Такой безукоризненной четкости, такого выполнения заданий не удалось достигнуть другим, даже ударным бригадам. С уборочной кампанией колхозники справились. По оконча-

нии уборочной кампании — 25 августа — хлебозаготовки были выполнены уже на 119 %.

После этого колхоз переключился на зябь. Вначале темпы работы были низкие. Некоторые бригады, работавшие на зяби, требовали тракторной пахоты, потому что в 1930 г. зяблевая вспашка была поднята в основном тракторами. В 1931 г. производственное задание было 4.920 га, из которых 65% ложилось на тяговую силу. Это пугало.

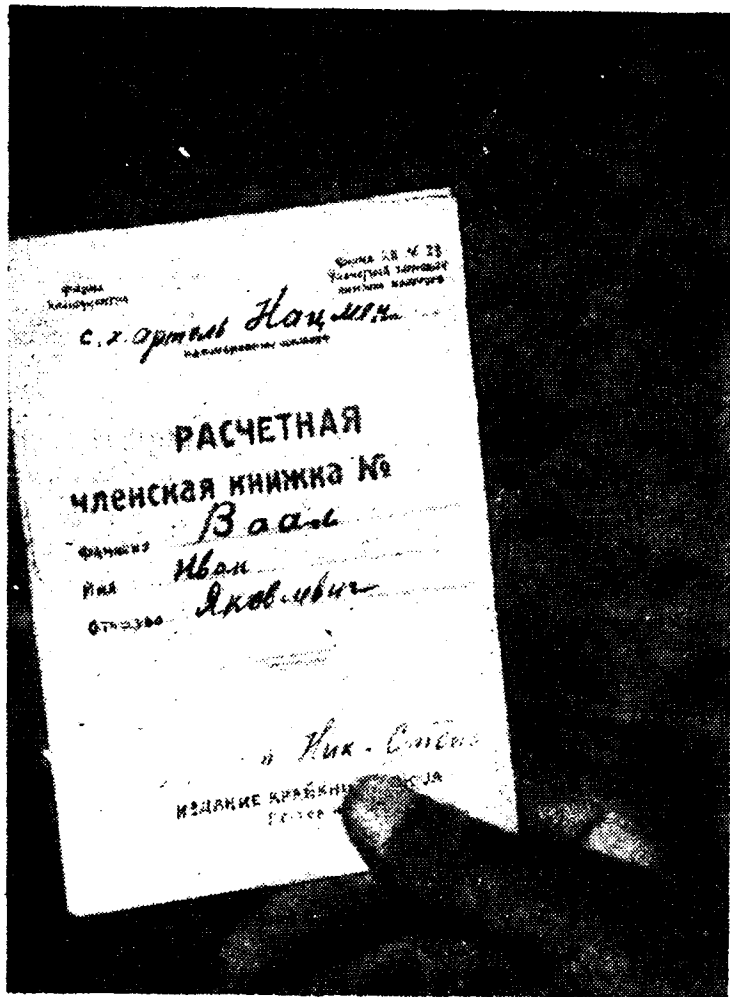
Бригада Быковского Константина создала перелом в работе. Колхозники поняли, что одними тракторами в этом году зябь поднять не удастся. МТС должна обслужить более слабые колхозы. И нормы выработки и темпы самой работы быстро изменились и пошли вверх. Переходное красное знамя получила бригада Быковского. Третьей бригаде, Белова Григория, которая не выполняла заданий и не боролась за повышение норм, было вручено рогожное знамя. Рогожная бригада стояла у линии железной дороги. Каждый проходивший поезд, каждый железнодорожник и пассажир «любовались» рогожным знаменем и высмеивали бригаду. Это подействовало на бригаду. Нормы пошли вверх. В правление колхоза пришли бледные, расстроенные колхозники третьей бригады и потребовали снятия позорного знамени. Протест против рогожного знамени был настолько велик, что когда снималось рогожное знамя, бригадир не выдержал и заплакал, а бригада объявила себя ударниками.

Борьба за зябь в это время приняла огромный размах. К 20 октября контрольные цифры были выполнены. Колхоз выставил встречный план и в порядке социалистической взаимопомощи поднял в окружающих колхозах до 500 га зяби.

ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОЛХОЗА

Производственный год в колхозе закончен. Все контрольные задания на 1931 г. выполнены в срок и полностью. Колхоз как-то сразу вырос и окреп. Сдельщина, проведенная на основе социалистических методов работы, вовлечение широких масс в борьбу за улучшение производства, за организационно-хозяйственное укрепление колхоза дали невиданные результаты в области роста производительности труда.

Колхозный трудовой день — стержень всей производственной жизни колхоза, его дальнейшего хозяйственного укрепления и роста на основе большевистского осуществления шести условий т. Сталина

Расчетная членская книжка члена с. х. артели «Нацмен» И. Я. Ваала

Колхоз — крупное и налаженное производство.

И слово «производство» с гордостью произносится каждым колхозником, особенно активистом. Достигнутые успехи послужили основанием к новым начинаниям. Колхозники обобществили весь скот. Создали молочную ферму в 400 коров, обобществили 300 телят и 1.000 овец. За год вырос животноводческий филиал колхоза. Изменилось лицо села. Вырос и продолжает увеличиваться кадр постоянных рабочих-колхозников, отживает сезонность. Колхоз кипит бурливой, новой для крестьянина жизнью.

Крупное производство с большими самостоятельными отраслями, борьба за темпы, социалистическое соревнование и ударничество переделывают колхозника. Новые мысли, привычки, интересы все больше и

больше внедряются в сознание каждого колхозника.

Колхозник повернулся лицом к производству, проявляет производственный энтузиазм и работает все лучше и лучше. Но еще сильны мелкобуржуазные настроения, еще имеют место рвачество, лодырничанье, пьянство, еще слишком мало сделано в области культурного роста колхозника. Перевоспитать колхозника — такова задача колхоза. В этом году учеба и подготовка кадров занимают значительно больше внимания ячейки, правления и актива. Нужно учить всех. Колхоз создает: школу-колхоз, где будет обучаться до 50% всех колхозников, ШКМ, курсы трактористов-машинистов, курсы бригадиров. Растут кадры, перделка человека подвигается вперед. Уже сейчас заметен сдвиг, показывающий рост колхозников. Борьба за новую культуру в деревне, за политический рост колхозника еще только началась. Но уже в этом году колхозники выписывают 450 экземпляров газет, посещают клуб, активно участвуют на собраниях. В недавно выпущенной книжке «Штурм полей» (авторы — палимовские колхозники) колхозники рассказывают о своих победах, о работе, об отношении к производству. Борьба за повышение производительности труда и качество работы должна стать задачей всех задач колхоза. В этом — суть улучшения материального уровня колхозников, в этом суть роста колхоза. Развертывание хозяйства и повышение производительности труда выведут деревню из нищенского уровня, созданного крепостническими и капиталистическими условиями развития деревни.

Два года борьбы за крупное общественное производство создали организаторов, дали героев колхозной стройки. Первая шеренга актива, вынесшего на своих плечах всю организационную работу и борьбу за колхоз (Т. Семенов, Мещанинов, Калужских, Кондратенко Наташа), пополнилась героями-ударниками, дававшими лучшие показатели в производстве (тт. Быковский, Ховалкин, Овчинников, Ковалев, Ефимов и др.). Вся масса колхозников включалась в борьбу за социалистическое строительство в деревне.

Вместе с массой колхозников на основе ее неустанного роста под руководством ленинской партии будет расти колхоз «Свободный труд». Колхоз шагает к социализму.

Азербайджанское крестьянство в борьбе против Мусаватского правительства

Публикуемые нами документы проливают свет на историю совершенно не освещенного и не изученного в нашей научной литературе участка гражданской войны — на историю борьбы азербайджанского крестьянства против Мусаватского правительства. Само собой разумеется, что печатаемые нами документы не могут дать сколько-нибудь исчерпывающего и полного освещения этой борьбы. Однако при всей своей недостаточности они все же представляют несомненный исторический интерес, ибо касаются вопросов союза пролетариата с крестьянством в национально и колониально угнетенной стране.

Для того, чтобы понять историческое значение борьбы азербайджанского крестьянства против Мусаватского правительства, необходимо поближе присмотреться к той своеобразной и в то же время исторически-типичной классовой обстановке, в которой развертывалась гражданская война в Азербайджане.

Историческая типичность этой обстановки заключалась в том, что перед азербайджанским пролетариатом стояли те же исторические задачи, что и перед пролетариатом всей страны — задачи социалистической революции, в которой пролетариат мог победить, лишь борясь за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, лишь установив союз с крестьянством и попутно разрешив в своей социалистической революции задачи буржуазно-демократического переворота: уничтожение помещичьего землевладения и национального и колониального гнета.

Своеобразие же классовой обстановки в Азербайджане заключалось в чрезвычайной усложненности классовых отно-

шений — отношениями национальными, в тех совершенно специфических исторических условиях, которые порождались тем, что Азербайджан был колонией и национально-угнетенной страной.

Этот колониальный характер Азербайджана следующим образом охарактеризован т. Сталиным в заключительном слове по его докладу на X съезде партии: «Баку вырос не из недр Азербайджана, — говорил т. Сталин, — а надстроен сверху, усилиями Нобеля, Ротшильда, Вишау и др. Что касается самого Азербайджана, то он является страной самых отсталых феодально-патриархальных отношений». Крупнейший пролетарский центр был окружен феодальной деревней. Победа бакинского пролетариата в революции могла быть достигнута лишь в случае установления тесного союза его с крестьянством этой отсталой деревни, крестьянством, задыхавшимся под тройным гнетом — феодальным, колониальным и национальным.

Основным моментом, затруднявшим, с одной стороны, консолидацию сил бакинского пролетариата и упрочение большевистского влияния на бакинских рабочих, а с другой стороны, установление союза бакинского пролетариата и азербайджанского крестьянства, была национальная вражда, сеявшаяся царизмом и национальной буржуазией и представлявшая в Азербайджане одну из основных форм проникновения буржуазного влияния на рабочий класс. Значение межнациональной борьбы заключалось прежде всего в том, что она затрудняла объединение бакинского пролетариата на пути последовательной классовой борьбы и в то же время давала национальной буржуазии возможность препятствовать установлению союза бакинского

пролетариата с азербайджанским крестьянством, ибо национальная буржуазия неизменно пыталась натравить крестьянские массы на пролетарский Баку, пользуясь тем, что 50% бакинского пролетариата состояли из русских и армянских рабочих. Благодаря этой межнациональной вражде, раздувавшейся царизмом, рабочее движение Баку в решающие моменты революции 1905 г. было затоплено в крови межнациональной резни. Благодаря ей же замедлился переход власти к Советам в Октябрьской революции; в значительной степени благодаря ей погибла Бакинская коммуна 1918 г., которую свергли бакинские меньшевики и эсеры, представлявшие собою агентов русской великодержавной буржуазии и опиравшиеся на помощь английских интервентов.

Та же межнациональная вражда замедлила успехи бакинского пролетариата в период Бакинской коммуны в деле подтягивания тех могущественных резервов пролетарской революции, которое представляло собою крестьянство Азербайджана. Руководители Бакинской коммуны великолепно понимали значение этих резервов и с глубоким волнением и надеждой следили за развертыванием классовой борьбы в азербайджанской деревне, делая все, что от них зависело, чтобы разжечь эту борьбу и подчинить ее пролетарскому руководству. В январе 1918 г. по Азербайджану прокатывается волна крестьянских восстаний. Во всех селениях земли и леса объявлялись собственностью крестьян, производились запашки там, где земли не были запаханы крестьянами ранее.

Бакинские большевики ведут энергичную работу среди крестьян на протяжении всей весны 1918 г. Созывается ряд крестьянских съездов, цель которых заключается в установлении прочного союза бакинского пролетариата с азербайджанским крестьянством. «Бакинский пролетариат протянул... руку классовой солидарности своему меньшему брату — крестьянству, — писал «Бакинский рабочий» по поводу одного из таких съездов. — Голос был услышан, рука принята, и сейчас это крестьянское совещание, помимо того, что открывает новую эру в жизни закавказского крестьянства, оно является символом интернационального единения рабочих и крестьян Закавказья для борьбы с общим врагом — капиталом, который все теснее смыкает кольцо вокруг

революционной цитадели — Баку» («Бакинский рабочий», 26/V 1918 г.).

Большевики делали все от них зависевшее для того, чтобы завоевать доверие крестьянства и установить неразрывный союз пролетариата и крестьянства. После съезда крестьянских депутатов бакинского уезда Бакинский совет был преобразован в Совет рабочих и крестьянских депутатов. «Сегодня в первый раз на нашем заседании присутствуют делегаты от крестьян, — говорил в своей речи на заседании Совета т. Джанародзе. — День этот будет знаменательным днем союза рабочих и крестьян. Союз этот будет ненарушим, будет продолжаться и крепнуть в бакинском районе и во всем Закавказье. Сегодняшнее наше общее заседание закрепит наш союз, и на Кавказе мы будем наконец иметь единый Совет рабочих, крестьянских, солдатских и матросских депутатов. Пусть же наш союз этот, невзирая на провокаторскую работу врагов революции, крепнет, и в этом будет залог победы трудящегося народа как на Кавказе, так и в России (Аплодисменты). Исполком Бакинского съезда немедленно приступит к образованию крестьянских советов в Бакинском уезде. Одновременно происходят съезды и в других местах» («Бакинский рабочий», 31/V 1918 г.).

Совершенно бесспорно, что бакинскому пролетариату на протяжении тех месяцев, когда ему впервые принадлежала власть, удалось многого добиться в деле установления союза с крестьянством. Та борьба крестьянства, которую отражают публикуемые нами документы, является в значительной мере плодом этой работы бакинского пролетариата. Однако успехи бакинского пролетариата оказались недостаточными для того, чтобы в момент решающих испытаний, в 1918 г., в дни Бакинской коммуны, когда меньшевики и эсеры отдали Баку в руки английских интервентов и когда на Баку наступали армии турецких интервентов, призванные азербайджанской буржуазией и помещиками, чтобы в это момент крестьянство Азербайджана активно поддержало революционную борьбу бакинского пролетариата, истекавшего кровью в борьбе против контрреволюционных интервенции обеих враждовавших между собой империалистических клик.

Наступавшие турецко-азербайджанские войска, подобно карательным отрядам, жестоко расправлялись с крестьянами завое-

вываемых ими деревень и восстанавливали помещиков во всех их правах.

25 сентября 1918 г. Баку пал. В город вошли турецко-азербайджанские войска, посвятившие все свои силы в первую очередь расправе с революционным бакинским пролетариатом. И в эти же дни, когда в Баку шла страшная резня, в далеких песках Закаспия английские генералы, совместно с эсерами и меньшевиками, расстреляли вождей бакинских рабочих — 26 бакинских комиссаров. В Азербайджане было создано правительство азербайджанской буржуазии и помещиков, называемое по имени возглавлявшей его партии «Мусават» — Мусаватским правительством. Мусаватисты держались у власти только благодаря помощи иностранных интервентов — сначала турецких, а потом английских. Вся их деятельность была направлена на борьбу против Советской России и против неуклонно развивавшегося рабочего и крестьянского движения. В этой борьбе наряду с методами прямого насилия они использовали националистическую демагогию, стараясь восстановить «мусульманских» рабочих и крестьян против русских рабочих и внушить «мусульманским» трудящимся, что они должны поддерживать своих «братьев по вере и нации» — азербайджанских капиталистов и помещиков.

Чтобы облегчить эту демагогию, мусаватисты неизменно прибегали к архи-«демократической», чуть ли не «социалистической» маскировке. Одним из важнейших средств в этой маскировке были щедро раздававшиеся ими обещания провести «аграрную реформу». Чуть ли не ежедневно в газетах появлялись статьи и заметки по поводу этой неизменно «предполагавшейся» аграрной реформы. На деле же Мусаватское правительство не сделало ни шагу к проведению «аграрной реформы» и всю свою практическую деятельность в части, касавшейся аграрных обещаний, свело к неуклонной защите помещичьих интересов и к свирепой борьбе в каких бы то ни было попыток крестьян захватить помещичьи земли. Первым же мероприятием азербайджанского правительства после его сформирования было постановление о том, чтобы «учиненные до сего времени захваты земель устранить». «Наша религия и коран не допускают никаких насилий над личностью

и присвоения чужого имущества во имя каких бы то ни было политических идей», — писал министр земледелия Х. Б. Султанов и, очевидно исходя из этих требований «святой религии», организовывал рассылку по деревням карательных отрядов, заливавших кровью восставшие деревни.

Тотчас же после первоначального усмирения восставших деревень, весной 1919 года, Мусаватское правительство приступило к возмещению всех убытков, понесенных помещиками во время восстаний, заставляя крестьян полностью их оплачивать (см. документы). Карательные экспедиции действовали с такой решительностью, и помещики почувствовали себя настолько прочно, что начали уже сами захватывать крестьянские земли. Крестьянство, на время смятое волною расправ, очень быстро встрепенулось вновь, и в деревне Азербайджана снова обострилась ожесточенная классовая борьба, свидетельством которой являются публикуемые нами документы. Эта борьба крестьянства ведется под влиянием бакинского рабочего движения, что опять-таки подтверждают помещаемые ниже документы. Однако установлению прочного союза рабочего класса и крестьянства мешает влияние, которое еще имеют на некоторую часть бакинских рабочих меньшевики, эсеры и мусаватисты. Но вместе с окончательной победой большевиков и окончательным установлением интернационального единства бакинского пролетариата создается основа для осуществления союза рабочих и крестьян. Выражением действительного создания этого союза был крестьянский съезд Казахского уезда, состоявшийся 25 сентября 1920 г. Впервые после гибели Бакинской коммуны был созван крестьянский съезд и на этом съезде выступали представители бакинской рабочей конференции, которая постановила «приветствовать эту новую попытку трудящихся Азербайджана добиться раскрепощения от гнета помещиков и капиталистов».

Союз рабочих и крестьян Азербайджана был создан прочно; этим самым была создана одна из важнейших основ для победы пролетарской революции и социалистического строительства в Азербайджане.

Е. Д.

БИБЛИОГРАФИЯ

Троцкистский контрабандный товар под маской освещения люксембургизма

Письмо тов. Сталина в журнал «Пролетарская революция» имеет огромное политическое значение для всего мирового коммунистического движения. Главная задача, стоящая теперь перед мировым коммунистическим движением — завоевание большинства рабочего класса, борьба за пролетарскую революцию, борьба за революционный выход из кризиса, — требует беспощадной борьбы с троцкизмом как передовым отрядом мировой контрреволюционной буржуазии, борьбы с социал-фашизмом, решительной борьбы с правой опасностью, со всякими проявлениями оппортунизма. Контрреволюционный троцкизм сейчас не может выступать под своим собственным знаменем, ибо «испоганенное, загрязненное, разорванное в клочья рабочими массами нашей страны, опозоренное знамя Троцкого, не может никого на свою сторону привлечь и завоевать», а поэтому «открытые и скрытые троцкисты подхватывают новое знамя — знамя люксембургизма, знамя Розы Люксембург, замученной немецкими социал-демократами, чтобы злоупотреблять им в своих троцкистских целях» (из речи Кагановича).

Ярким примером протаскивания троцкизма под видом освещения люксембургизма являются статьи и книги троцкиста Альтера, напечатанные в течение 1927 — 1931 гг. Альтер рассматривает люксембургизм как «форму западноевропейского большевизма».

«Взятая в общем виде теория революции Розы Люксембург отражает процесс большевизации западно-европейского пролетариата со всеми его противоречиями, в основном разрешенными лишь в огне ноябрьской революции 1918 г.¹

¹ «Под знаменем марксизма» № 7—8 за 1928 г. стр. 172.

Создание левого крыла в германской с.-д. и в других партиях II интернационала рассматривается Альтером, как процесс создания большевистской партии.

«Элементы большевизма в разных странах мы находим, еще до войны, когда и начинается предистория Коминтерна. Левый радикализм, как и некоторые другие довоенные течения, можно до известной степени рассматривать, как недоразвитый и неполный, обремененный еще рядом серьезных ошибок и с.-д. традиций, большевизм, или вернее, как предтечу большевизма»².

Таким образом по Альтеру выходит, что левый радикализм равен большевизму. Этим самым в угоду контрреволюционному троцкизму смазывается коренное отличие левого радикализма от большевизма, как единственной последовательно-революционной марксистской партии, выросшей и окрепшей в борьбе с реформизмом и центризмом как в своих собственных рядах, так и на международной арене, и значение большевизма как единой монолитной идейной базы Коминтерна. Все большевики знают, что Коминтерн, возникший на базе ленинизма, в своей борьбе за большевизацию западно-европейских компартий должен был провести и проводит сейчас борьбу против люксембургизма как формы проявления социал-демократических традиций, принесших много вреда коммунистическому движению и революционной борьбе пролетариата. А троцкист Альтер, фальсифицируя историю, пишет, что уже в декабре 1918 г. люксембургизм окончательно превратилось в большевизм.

«В декабре 1918 г. люксембургизм превратилось в большевизм, слилось с

² Альтер — «Демократия против революции», стр. 216.

и м, на основе признания неурезанных принципов большевистской программы, тактики и организации»¹.

Вся «теорийка» превращения люксембургизма в большевизм нужна троцкисту Альтеру для подкрепления той же контрреволюционной теории Троцкого о том, что его направление будто бы было родственно большевизму и органически влилось в коммунизм, как самостоятельный ручеек, и что весь троцкизм есть только сплошная выдумка.

Не случайно поэтому троцкист Альтер так старается доказать, что ошибки Розы Люксембург, которые, как известно, по ряду основных вопросов родственны троцкизму (вопрос о роли партии, о расколе с-д., вопрос о стихийности и сознательности, аграрно-крестьянский вопрос, оценка революции 1905 г. и т. д.), что будто бы эти ошибки не имеют ничего общего с меньшевизмом. Это есть не что иное, как перепев тезиса Троцкого о том, что он меньшевиком никогда не был.

Троцкист Альтер прекрасно знает, что оценка революции 1905 г. у Троцкого и Розы Люксембург исходит из антибольшевистской, по существу меньшевистской, теории перманентной революции, ничего общего не имеющей со взглядами Маркса и Ленина на перманентную революцию; именно поэтому он, протаскивая свой троцкистский товар в нашу литературу, пишет:

«В основных, кардинальнейших вопросах революции 1905 г. о гегемонии пролетариата и об отношении к буржуазии, а также в вопросе о соблюдении принципа перманентности в руководстве революции — Роза была большевичкой»².

Это значит, что меньшевистская теория «перманентной революции», которая служила Троцкому оружием борьбы против большевизма, оказывается, была большевистской теорией. Как известно, именно это старается доказать Троцкий своими писаниями о перевооружении большевизма посредством принятия Лениным теории перманентной революции.

Все писания Альтера о люксембургизме насквозь проникнуты троцкистским

стремлением смазать ошибки Р. Л. и сблизить люксембургизм с большевизмом. Эта же линия продолжается Альтером и в его последней статье в «Под знаменем марксизма» № 4—5 за 1931 г. — «Борьба за наследство». И в этой статье Альтер проводит ту же линию, то же стремление протащить свою троцкистскую контрабанду.

«Историческая роль Розы Люксембург в Германии состоит именно в том, что она создала там и возглавила антименьшевистское движение»³.

Вместо того, чтобы показать, как Роза, борясь против меньшевизма, против II интернационала, не освободилась от полуменьшевистских взглядов по целому ряду вопросов пролетарской революции, вместо того, чтобы показать, как меньшевистский груз во взглядах Розы тянет ее назад, не давая ей возможности встать на путь последовательной борьбы за пролетарскую диктатуру, вместо этого Альтер изображает Розу последовательной большевичкой. Всем известны ошибки Розы в вопросах польского рабочего движения. Вместо выяснения этих ошибок троцкист Альтер пишет:

«Польская работа Р. Л. еще меньше, чем немецкая, могла заслужить ей звание меньшевика. С большевистской непримиримостью и последовательностью она боролась с польским оппортунизмом»⁴.

Всем же большевикам известно, что польская работа Р. Л., наряду с ее борьбой против оппортунизма, связана с антибольшевистской линией в национальном, крестьянском и организационном вопросах.

И в этой статье мы имеем полное замазывание ошибок люксембургизма, подчеркивание Альтером «особых» извиняющих обстоятельств этих ошибок и того, что они, эти ошибки, ничего общего не имеют с меньшевизмом. Даже антимарксистская, антиленинская ревизионистская теория империализма Розы Люксембург, прямо направленная против учения Маркса и Ленина и приводившая ее, как известно, к механическому представлению о развитии капитализма, — теория, по которой крах капитализма вытекает не из борьбы про-

¹ Альтер, «Роза Люксембург в борьбе с реформизмом», стр. 81.

² «Под знаменем марксизма» № 7—8 за 1928 г., стр. 185.

³ «Под знаменем марксизма» № 4—5 за 1931 г., стр. 213.

⁴ «Под знаменем марксизма» № 4—5 за 1931 г., стр. 219.

летариата и его союзников против буржуазии, а совершенно автоматически из взаимоотношений капиталистического способа производства с некапиталистической средой—эта теория выступает у Альтера как революционная теория, направленная против оппортунизма.

Общая установка в работах Альтера, посвященных люксембургизму, сводится к тому, что левый радикализм через спартакизм с внутренней закономерностью врастает в большевизм. Альтер считает, что всякое другое понимание люксембургизма «ограничивает международное значение довоенного большевизма»¹. Под предлогом борьбы с ограничением значения довоенного большевизма Альтер протаскивает троцкистско-брандлеровскую теорию о двух корнях международного большевизма, о том, что люксембургизм, как и троцкизм, это—часть довоенного международного большевизма. Большевики же знают, что международный большевизм вырос в борьбе со всякого рода оппортунизмом, с центризмом, с троцкизмом, разоблачив и изгнав троцкистов из рядов Коминтерна, а также с полуменьшевистскими центристскими ошибками Розы Люксембург, которые используются в настоящее время ренегатами, врагами Коминтерна — брандлеровцами, троцкистами.

В своей последней статье Альтер не решается говорить о том, что в вопросах революции 1905 г. Роза была большевичкой. Приходится несколько более замаскировано протаскивать свою контрабанду. Он говорит о том, что:

«Роза не поняла все же до конца большевистского анализа революции 1905 г., в частности демократической диктатуры пролетариата и крестьянства»².

Роза только лишь до конца не поняла большевистского анализа революции 1905 года! Но ведь она и Парвус «сочинили утопическую и полуменьшевистскую схему перманентной революции... противопоставили ее большевистской схеме, революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства», которая в дальнейшем «была подхвачена Троцким (отчасти

Мартовым) и превращена в орудие борьбы против ленинизма» (Сталин).

Это место из письма т. Сталина прямо срывает маску не только у троцкистского контрабандиста Слуцкого, но и у его родного брата — Альтера, который пишет, что через восприятие опыта революции 1905 г. «Роза Люксембург приобщилась к большевизму, что в самой блестящей защите и пропаганде русской революции 1905 г.» и заключается большевистское наследство Розы Люксембург.

Наша партия и Коминтерн хорошо знают, как надо ценить историческую роль Розы Люксембург, большевики хорошо помнят слова Ленина о том, что Роза Люксембург была орлом пролетарской революции. Историческая правда, интересы международной пролетарской революции, т.-е. большевистская партийность исторической науки, не могут, однако, позволить говорить о «большевистском наследстве» Розы Люксембург. Вскрывая антибольшевистские ошибки этой великой революционерки, мы служим тому делу, за которое была убита буржуазией и социал-демократами Роза Люксембург, т.-е. делу германской и мировой пролетарской революции.

Троцкистский историк Альтер под флагом «объективизма» пишет:

«Нельзя судить механически о событиях прошлого, подходя к ним с меркой постановления последнего партсъезда или последнего конгресса Коминтерна»³.

Такое отношение к решениям партсъезда и конгрессов Коминтерна представляет собой прямой троцкистский выпад против нашей партии, против Коммунистического интернационала, против большевизма. Троцкист Альтер является апологетом люксембургизма в троцкистских целях. Альтер распространяет клеветнические нападки на Ленина, обвиняя его в том, что он перед войной будто бы недооценивал опасности центризма и не вскрыл сущности каутскианства.

В своей статье «Роза Люксембург и пролетарская революция» Альтер солидаризуется с брандлеровцем Фрелихом в том, что Ленин недооценивал опасности оппортунизма. Альтер пишет:

¹ «Под знаменем марксизма» № 4—5 за 1931 г., стр. 218.

² «Под знаменем марксизма» № 4—5 за 1931 г.

³ «Под знаменем марксизма» № 7—8 за 1928 г., стр. 172.

«Фрелих утверждает, что и Ленин накануне войны недооценивал оппортунизма II интернационала и переоценивал революционность масс. Это верно... Начав обстрел Каутского раньше Ленина, Роза после 4-го августа долго еще не решается порвать с ним организационно. Если Ленин, вооруженный правильной теорией, смог в один день сделать крутой поворот и сразу исправить свои преувеличенные надежды на немецкий центр, то Роза должна была еще пережить целый период...»¹.

Та же троцкистская клевета распространяется Альтером и в книге «Демократия против революции». Троцкистская теория перевооружения большевизма здесь дана с нескрываемым цинизмом. В этой книге мы встречаем такие положения, что «выступления Каутского воспринимались односторонне, как выражение ортодоксального марксизма»², что Ленин, больше чем следовало, надеялся на выпрямление линии Каутского.

«Но в то же время Ленин (может быть дольше, чем это следовало) надеялся еще, что в решительный момент истории и Каутский и многие другие вожди социал-демократии выправят свою линию. Имели ли надежды эти достаточные основания? Не просчитался ли Ленин?»³.

Гнусную троцкистскую клевету Альтер доводит до обвинения Ленина, в том, что он примиренчески относился к Каутскому в то время, как Роза Люксембург наиболее решительно выступала против Каутского⁴.

Нельзя не возмущаться тем, что этот чистейший троцкистский говар распространялся некоторыми из наших журналов и издательств, проявивших гнилой либерализм за счет кровных интересов большевизма.

Характерно, что троцкистская апологетика люксембургизма и клевета на Ленина переплетаются у Альтера с защитой довоенного Каутского и кауткианства. Если люксембургизм есть «форма западно-европейского большевизма», то оказывается, что центризм — это «урезанный

и смягченный, обезвреженный, подпавший под влияние оппортунистических течений и тенденций, марксизм»⁵. Таким образом по Альтеру центризм — это хотя и смягченный, но все же марксизм.

Троцкистское лицо Альтера таким образом выступает во всей своей наглядности. Троцкистская апологетика люксембургизма, клевета на Ленина и большевиков, что они не боролись до войны с центризмом, троцкистская контрреволюционная теория перевооружения большевизма и одновременная защита довоенного Каутского и центризма, — это лучше всего вскрывает меньшевистскую сущность троцкизма — этого передового авангарда международной контрреволюционной буржуазии.

Классовые враги используют сейчас полуменьшевистские ошибки Розы для борьбы с коммунизмом. Идеализация люксембургизма используется так называемой «социалистической рабочей партией» в Германии, Тальгеймером, Троцким и проч. ренегатами, как оружие против ленинизма, против германской коммунистической партии. Вполне правильно поэтому «Роте фане» замечает, что письмо т. Сталина является «чрезвычайно актуальным оружием в борьбе против всяких попыток задержать приток рабочих масс в коммунистическую партию, в борьбе германской компартии за завоевание большинства рабочего класса».

Если ренегаты всех мастей, брандлеры и контрреволюционный троцкизм поднимают на щит Слуцких, Альтеров и Волосевичей, то это еще лишним раз подтверждает всю своевременность и важность письма т. Сталина о борьбе с троцкистской контрабандой и с гнилым либерализмом.

Надо поднять вопросы истории нашей партии и истории Коминтерна на необходимую высоту и превратить ее в подлинную большевистскую науку.

Бригада историков Историко-философского института:

*Файнштейн,
Городецкий,
Вайнштейн,
Якубовская*

¹ «Под знаменем марксизма» № 7—8 за 1928 г., стр. 182—183.

² Альтер, «Демократия против революции», стр. 38.

³ Там же, стр. 40.

⁴ Там же, стр. 40.

⁵ Альтер «Демократия против революции», стр. 8.

Рецензируемая книга представляет собой весьма беглый и популярный очерк, посвященный проблеме отношения к войне и «защите отечества» в истории рабочего движения Франции, начиная с 1870 г. и до наших дней. Вопрос о войне и защите отечества — центральный вопрос книги; вокруг него главным образом развертывают авторы освещение истории социалистической партии и позиции ее вождей, истории различных течений французского социализма и истории компартии Франции. Чрезвычайное политическое значение темы и то обстоятельство, что очерк предназначен главным образом для воспитания в духе большевизма французской рабочей молодежи, обязывали авторов к сугубой внимательности и выдержанности в освещении вопросов, поднятых книгой. К сожалению, это необходимое условие для издания всякой книги, выходящей из-под пера «воинствующих коммунистов», какими считают себя авторы (предисловие, стр. 4), далеко не везде соблюдено. Коммунистам, берущимся за освещение этой темы, необходимо было исходить из ленинского наследия. Сделать это авторам было тем легче, что они, судя по некоторым их цитатам из русских книг, владеют русским языком. Между тем Ленин в этой книге не занял сколько-нибудь серьезного места. Его оценки и его анализ французского рабочего движения не сделаны отправной точкой освещения, а непосредственные ссылки на ленинские тексты сделаны лишь мимоходом (стр. 9, 28, 35 и 66).

Все это привело, во-первых, к ряду путанных, политически ошибочных характеристик, и, во-вторых, к поверхности и расплывчатости анализа истории французского социализма.

Об этом приходится тем более сожалеть, что книга все же сильна революционной ненавистью к предателям-социалистам, сильна фактическим материалом, освещающим цинично-шовинистическую позицию «социалистов», особенно в эпоху войны.

Однако в книге нет главного: в ней нет ленинской оценки событий.

Поэтому, как только мы обращаемся к даваемым авторами оценкам событий и лиц, перо авторов сдает, и они в ряде случаев дают неверные, неленинские установки. Обратимся к примерам.

Первый пример. Авторы впадают в ошибку в анализе позиции Эрве и в общей оценке эрвеизма. Они пишут: «Как реакция против растущего оппортунизма партии, анархосиндикализм, так сказать исповедывавшийся всей ВКТ (Всеобщая конфедерация труда), проявлялся во все более явных формах. Одним из его видов был протест против патриотизма, его индивидуалистический антимилитаризм: неподчинение, дезертирство, военная забастовка. Это течение скоро проникло в партию под наименованием эрвеизма и завоевало твердую позицию, вынудив партию «изучить вопрос о войне» (стр. 23). Это неправильное освещение эрвеизма приводит к тому, что авторы становятся прямо на позиции защиты эрвеизма: касаясь резолюции Эрве по вопросу о войне, обсуждавшемуся на конгрессах в Лиможе в 1906 г. и в Нанси в 1907 г. (т.-е. накануне штутгартского международного конгресса), авторы без обиняков заявляют:

«Резолюция Эрве гласит: «... на всякое объявление войны, с какой бы стороны оно ни последовало (надо ответить), военной стачкой и восстанием...» «...Эрве занимал отчетливую революционную пораженческую позицию... Точно так же Эрве защищал правильную точку зрения, когда его спрашивали, какие он предлагает меры для разрешения конфликтов данной эпохи» (стр. 24).

Между тем всем известно (не может это оставаться неизвестным и авторам), что Ленин как раз в этот период (20 октября 1907 г.) оценивал позицию Эрве следующим образом:

«Пресловутый Эрве, много нашумевший во Франции и в Европе, защищал по этому вопросу полупанархическую точку зрения, наивно предлагая «отве-

тить на всякую войну стачкой и восстанием»¹.

Авторы с сожалением говорят о том, что Эрве на кануне войны отказался от «революционных» позиций, не понимая, что резолюцию штутгартского конгресса по вопросу антимиитаризма, которая соединяла «строгость ортодоксально-го... анализа... с рекомендацией самых решительных и революционных мер борьбы... нельзя вмести́ть в узенькие рамки наивного эрвеизма»².

Но для Ленина понятно, почему Эрве с позиций полуанархизма перешел в период войны на позиции социал-патриотизма и стал вести шовинистическую линию вместе с Гэдом, Плехановым и др.³.

Иначе ставят вопрос рецензируемые нами авторы, которые пишут, что на конгресс накануне войны «прибыл также Эрве, но это было другое издание Эрве... Он уже не говорил о «родине-мачехе», о военной забастовке, о восстании (стр. 39), и еще раз подчеркивают таким образом, что до этого времени, в своем «первом издании», Эрве якобы занимал революционную позицию.

Сами авторы чувствуют, что с освещением эрвеизма у них дело обстоит совсем неладно и потому спешат оправдаться: «Но, возможно, кто-нибудь подумает.— пишут они,—что мы хотим поставить Эрве на пьедестал. Ничего подобного» (стр. 25).

Излишне доказывать, что правильное освещение проблемы эрвеизма имеет для французской компартии исключительное значение; тем более недопустимы ошибки по этому вопросу, имеющие место в рецензируемой книге.

Второй пример. Позиции Гэда авторы почему-то уделили всего две странички, при чем привели это соображение в «деликатных» тонах. Между тем для темы «Предательство социалистов в 1914 г.» проанализировать позицию Гэда совершенно необходимо. Однако в книге все внимание сосредотачивается на Жоресе, а Гэд оставляется совершенно в тени. Авторы полагают, что «повидимому, невни-

мание Гэда к борьбе против войны проистекало у него из недостаточного учета неизбежности войны» (стр. 29). Но так ли это? Это неверно. Авторы обязаны были показать французским рабочим, как умирало «направление Гэда в образцово безжизненном, бездарном, не способном занять самостоятельную позицию ни по одному важному вопросу гэдистском журнале «Социализм»⁴, и показать, что поведение Гэда, как говорил Ленин, «несомненная измена»⁵ и т. д. Вместо этого авторы ограничиваются «психологически» замечаниями, дающими политически неверную, неленинскую оценку гэдизма.

Здесь, как и в других ответственных разделах книги, характеристики, дававшиеся французскому социализму Лениным, из которых нужно исходить, не даны, обойдены. Мы не будем приводить всех примеров; указанных уже нами достаточно, чтобы убедиться, что при рассмотрении избранной темы авторы допускают ошибки по ряду вопросов.

Начав с освещения вопроса о войне и о защите отечества в период 1870—71 гг., авторы подходят к анализу позиций французских социалистов по этим вопросам в период мировой войны. Во второй части книги дается нечто вроде беглой и весьма поверхностной истории раскола социалистической и возникновения коммунистической партии.

Книга имеет целый ряд неленинских, противоречащих ленинизму, положений в части оценки гедизма, жоресизма, т. е. в вопросах, имеющих огромное, непосредственное политическое значение для французской компартии и Коминтерна.

Выводы книги, посвященные вопросу об отношении к войне компартии, представляют собой далеко не точный пересказ соответствующих решений, при чем вполне понятное и правильное для коммунистов братских компартий стремление обосновать необходимость защиты СССР облекается иногда в формулы довольно путанные, вроде того, например, что «социализм не национальное явление, он главным образом (?) явление международное» (стр. 84). Или же в стремлении популяризировать изложение постановка

¹ Ленин, собр. соч. изд. 1-е, т. VIII, 502.

² Ленин, собр. соч., изд. 1-е, т. VIII, 503.

³ Ленин, «Крах II интернационала», «Красная новь», 1924 г., стр. 6.

⁴ Ленин, «Крах II интернационала», «Красная новь», 1924 г., стр. 84.

⁵ Там же, стр. 21.

вопроса до крайности упрощается. Например, авторы пишут: «Не признавая национальной обороны при капиталистическом режиме, коммунисты в войне между империалистическими державами не защищают ни буржуазии своей страны, ни буржуазии других стран» (стр. 82). (Что это за пассивная позиция?—П. Ф.). Или в другом месте: «Со времени мировой войны 1914—1918 гг. (только?—П. Ф.) мы видим беспрепятственное движение среди угнетенных народностей колоний и национальных меньшинств и постоянные войны их против империалистов за свою независимость и автономию» (стр. 86).

Как пособие для изучения социалистической партии книга не годится. Не пригодна она также и как пособие для изучения истории зарождения французской коммунистической партии. Слишком много в ней ошибок, слишком поверхностно освещение темы.

Историю предательства социалистов наша молодежь должна изучать по Ленину. В таком виде книга никак не может быть рекомендована для нашего читателя—авторы извращают ленинское отношение к войне.

П. Филеев

Среди иностранных журналов

1) «Revue de Paris», 1, 15 septembre et 15 octobre.

2) «Revue de deux Mondes», 15 septembre.

3) «Revue Politique et Parlementaire», 10 juillet 1931.

В нашей прессе нередко остаются мало освещенными те политические кампании, которые ведутся против нас на страницах «толстых» иностранных журналов.

Экскурсии по таким журналам необходимо было бы предпринимать регулярно. Это необходимо по многим причинам. Надо следить за маневрами врагов, надо знать, что они думают, а самое главное, что они собираются делать против нас. Стоит раскрыть любую книжку и любую страницу «толстого» ежемесячника или двухнедельника и вы под разной формой находите статьи, дышащие злобой и ненавистью против СССР, в которых наряду с фантастическими небывшими учитываются наши колоссальные успехи. Они-то и приводят авторов в панический страх. Панический страх и зоологическая ненависть к СССР, открытый или скрытый призыв к уничтожению советской власти, коммунизма—вот общий колорит таких писаний. С этого рода «литературным отдыхом» почтенных академиков, сенаторов, политиков, дипломатов и прочих «знаменитостей» мы намерены время от времени знакомить читателей «Борьбы классов».

На сей раз сосредоточим свое внимание на упомянутых в заголовке французских журналах.

Для этих журналов сделалось почти традицией помещать большие статьи, посвященные непосредственно СССР или же другим вопросам, но в конечном счете все-таки направленные против СССР. Все эти статьи последнего времени, а такие имеются в каждом номере на протяжении многих лет, можно было бы назвать, одним именем: «Капиталисты всех стран, объединяйтесь для удушения Страны советов!».

Вся публицистика этого рода имеет определенную задачу: сорвать начавшиеся франко-советские переговоры. Сенатор из департамента Нижнего

Рейна Экар в выразительно озаглавленной статье «Советская угроза» уверяет читателей «Revue Politique et Parlementaire» на целых 29 стр., что капиталисты всех стран, особенно германские и английские, совершают измену своему классу, закупая у СССР товары и снабжая его валютой, идущей на выполнение пятилетки. Развернув перед читателем картину колоссального роста нашей промышленности и сельского хозяйства и подробно рассказав о так называемом «демпинге», сенатор заявляет. «Если когда-либо немецкое слово «колоссальный» можно было применить к производимым кем-либо работам, это как раз и есть тот план, который большевики создали в октябре 1928 г., план, простирающийся на 26 советских республик, на территорию, в несколько раз большую Европы, на население, которое сейчас равняется более чем 150 млн. чел. и которое увеличивается ежегодно на 3 миллиона чел.». Сенатор, однако, считает, что основная угроза, которую несет пятилетка, заключается не столько в ее экономических последствиях и в советском «демпинге». Он выдвигает на первый план другую угрозу.

«В основе всей советской политики лежат мотивы военного и революционного порядка»,— заявляет наш автор. Что же касается пятилетки, то «главный ее предмет—это военная промышленность. Господствующей идеей большевиков после русской революции была подготовка революционной войны и достаточно сильной армии для одержания победы».

Подробно описав организацию Красной армии, ее численность, вооружение и т. п., заявив, что комсомол представляет собою также чисто военную организацию, автор приходит к следующему «выводу».

Есть только одно средство избавиться от СССР: международная интервенция. Это и проповедует сенатор: «Чтобы бороться успешно против русской опасности, необходимо поставить вопрос на международную почву,—говорит он.—Необходимо

международное соглашение всех стран, подвергающихся этой угрозе».

«Франция как раз та страна,—говорит он дальше,—которая больше других способна реализовать это международное объединение, которое нанесло бы диктаторам Москвы смертельный удар и освободило бы мир от кошмара большевизма».

Призывая правительство не вступать на скользкий путь переговоров с СССР и не «жертвовать цивилизацией и родиной», сенатор-интервент кончает свою статью следующей проповедью: «Франция, которая так часто в истории брала инициативу и руководство в предприятиях крупного размаха, справится с выпавшей на ее долю задачей, и, верная своим историческим традициям, верная своему идеалу человеческой свободы, она употребит все возможности, всю совокупность материальных и интеллектуальных сил для триумфа цивилизации над варварством».

Сенатор-интервент не одинок. В «Revue de deux Mondes» от 15 сентября напечатана такая же проникнутая ненавистью к СССР статья под громким названием «Смертный грех Европы». Автор этой статьи граф Коковцев, министр финансов и премьер-министр Николая II, скрываясь теперь под тремя звездочками, пишет на ту же тему и предостерегает французское правительство от заключения торгового договора с СССР. Мы здесь отметим только то новое, что вносит в антисоветскую «сокровищницу» бывший граф по сравнению с предыдущим автором.

«Смертный» грех Европы состоит в том, что почти все страны признали большевиков, покупают их товары и дают им возможность укрепиться. Зараза коснулась даже Лиги наций, которая кокетничает с Советами, когда те издеваются над ней.

Европа забыла мудрые слова одного монарха, сказанные про французских революционеров в 1794 г.: «Разбойники не хотят ни друзей, ни союзников, им нужны соучастники и жертвы». Наоборот, Европа позволяет большевикам использовать себя. Статья предостерегает правительство против франко-советского торгового договора, который не увеличит французского экспорта в СССР, так как последний стремится побольше продать и поменьше купить, но приведет к ужасным политическим последствиям. Полученные деньги большевики употребят на выполнение пятилетки. Советы с быстротой, какая только им доступна, развивают военную промышленность, пользуясь при этом помощью германских техников. «Коммунистическая Россия превращается в крепость мировой революции, в вооруженную цитадель».

Такова установка статьи по вопросу о советско-французских отношениях. Автор испытывает смертельный страх, считая, что этот договор может ослабить военные договоры Франции с ее вассалами, а в результате и усилить тенденции к ревизии договоров. За франко-советским договором ему чудится обывшимся изречение Брокдорф-Ранцау (бывш. германский посол в СССР): «Только в Москве может быть исправлено зло, причиненное в Версале».

Откровенные рассуждения озлобленного белоэмигранта не лишены интереса, так как они отра-

жают настроения и чаяния весьма многочисленных и влиятельных французских кругов¹.

«Всякие переговоры, которые могут уменьшить в чем бы то ни было наши обязательства по отношению к Польше, будут не только бесчестьем, но преступным сумасшествием,—говорит он.—День, когда станет известным, что германо-русская коалиция может действовать против Польши, не вызывая нашего протеста и действия, будет началом неиспровержения Европы, и наша страна, как и вся Малая Антанта, являющаяся ее союзницей, почувствует гибельные последствия. Те, кто думает служить миру беспрестанными уступками, являются его худшими противниками: они ободряют Германию и готовят конфликты. Единственная политика, которая способна поддержать мир, состоит в объединении всех наций, которые являются естественными хранителями договоров». Так как СССР всегда выступал против грабительских договоров, то это объединение должно быть направлено против него. «Смертный» грех Европы заключается в ее непоследовательности, которая чудовищна. Послушайте сами: «Провозгласить, что Советы представляют доктрину смерти, и им помогать, объявить их общими врагами всего Запада и им помогать—это политика, лишенная разума и не оправдываемая материальными интересами». Достойная политика по отношению к стране строящегося социализма—это политика, основанная на том, чтобы «...раз навсегда понять, что не надо снабжать оружием наших врагов и позволять им организовываться для того, чтобы они нас уничтожили».

Советы должны быть уничтожены. Но всемогущий французский милитаризм не отваживается, повидимому, на такое предприятие без союзников. Силы последних подсчитывает другой аноним в «Revue de Paris» от 1 сентября. В этом журнале помещена характерная по своей циничной откровенности статья под заголовком «Наши союзники на Востоке». Основное содержание статьи представляет собою подсчет тех сил, которые французский империализм сможет мобилизовать против СССР и против нарастающей германской революции.

«Важно дать себе,—говорит статья,—отчет в том, что представляют собой сопротивления, скажем лучше, силы защиты некоторых стран, тесно связанных не только вековыми чувствами, но и конкретными политическими отношениями с Францией».

Так как «наши союзники на Востоке», по определению автора,—это враги СССР, то небезынтересно будет и нам сосчитать их силы, следя за анонимом: «Польша всегда была оплотом цивилизации Запада против полчищ азиатов (sic!) «Польша всегда была нацией солдат», а по выражению социал-фашиста Бонкура, она и сейчас исполняет роль часового, защищающего Запад от большевистского варварства».

Автор констатирует, что авиационная промышленность Польши «покрывает сейчас почти полностью требования авиации как военной, так и гражданской» и что «в мирное время снабжение польской армии целиком обеспечено национальным производством. Все три элемента: руковод-

¹ Коковцев занимает очень видное место и положение во французском финансовом мире.

ство, солдаты и снабжение на высоте задач... Польша сделалась одним из самых важных элементов европейской устойчивости. Для Франции она самый ценный, сильный и твердый союзник». Кто является противником этой устойчивости?— Готовящий революционную войну Советский союз и не признающая установленных в Версале договоров Германия: против них и стоят стражи порядка на Востоке.

1) Польша с 235.000 солдат и 17.000 офицеров, и могущая выставить в военное время армию в 6.000.000 чел.;

2) Румыния с армией в 200.000, а в военное время, по исчислению автора, в 3.700.000 солдат;

3) Чехо-Словакия с армией в 120.000, а в военное время в 2.730.000 солдат. Наконец, прибавим от себя, так как почему-то автор этого не сделал:

4) Югославия с армией в 150.000 в мирное время и 2.730.000 солдат в военное время.

Итого — 15.165.000 солдат.

«Наши союзники на Востоке» имеют в своем распоряжении помимо собственной военной промышленности величайшие военные заводы в Европе: Шнейдер-Крезо и Шкода.

Французский империализм, борющийся за сохранение версальской системы, обеспечивающей ему гегемонию в Европе, подсчитывает свои силы, мобилизует их и воспитывает в одном направлении — против СССР.

Какие еще нужны доказательства тому, что мировой империализм подготавливает войну против СССР и что французскому отряду принадлежит сейчас ведущая роль в этой подготовке? «Наши союзники на Востоке» — это враги СССР на Западе. Это должен знать каждый трудящийся.

Однако французский империализм ищет еще новых союзников. Накануне визита французских министров в Берлин в «Revue de Paris» от 15 сентября была помещена статья салонного «пацифиста» г. д'Ормессона.

Перечисляя весь комплекс взаимных претензий Франции и Германии, д'Ормессон приходит к выводу, что соглашение возможно и что французские капиталы «спасут» Германию, но для этого нужно одно условие: «спокойствие». Вот что нужно французскому империализму. А под этой формулой скрывается увековечение французской гегемонии, свобода действий «наших союзников на Востоке» и использование самой Германии против СССР.

«А вместо всего этого,— сетует д'Ормессон,— Германия укрепляет связи с другими странами».

Франция уже дала больше, чем от нее можно требовать, а теперь она требует только одного: «спокойствия».

«Францию раздражает то, что Германия не может успокоиться. Мы говорили полным голосом нашим соседям в момент эвакуации Рейна: «сидите спокойно», ибо это единственное испытание наших отношений, которое только начинается». Что делает Германия? Она сейчас начинает бешено вопить.

— Я двигаюсь потому, что мне больно,— говорит Германия.

— Вам больно? Это еще больший резон для того, чтобы быть спокойной,— говорим мы и т. д.

«Что нас больше всего беспокоит, это то, что в момент экономического и финансового кризиса Германия предпринимает официально неистовые кампании против установленного порядка, позволяет своим военным организациям угрожать соседям на Западе и Востоке (читай «нашим союзникам на Востоке»), бросает под ноги Бриану, человеку крайне миролюбивому, смертоносный экономический «аншлюс» и т. д.»

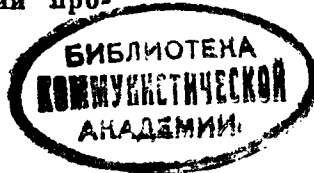
Однако французский милитаризм в своем испытанном миролюбии может все простить за две вещи: 1) за «спокойствие» в политике и за отказ от вооружений. Германия не должна расстраивать планы французского империализма на конференции по разоружению. Германия не должна «раскрывать рта» (буквальное выражение) до тех пор, пока французский империализм не устроит свои дела, а это означает, что она не должна поддерживать советский проект разоружения; 2) за присоединение Германии к державам, подготавливающим войну против СССР.

Так говорит спокойный и уравновешенный «пацифист» д'Ормессон, а его устами — сам Бриан. Но эти «спокойные» речи опаснее речей «неистовствующих» сенаторов.

О чем бы ни совещались империалисты—СССР в центре внимания всяких переговоров.

Буржуазная печать, верный слуга и помощник воинственной французской буржуазии, подготавливает войну против СССР. Звериной ненавистью к Стране советов дышит каждая строчка их писаний. Будем следить внимательно за намерениями и действиями врага и будем готовы к отпору!

Ф. Нотович

Редакционная коллегия: Б. Волин (зам. отв. редактора), Л. Мехлис, А. Панкратова, И. Токин (отв. секретарь), М. Покровский (отв. редактор).

Материал сдан в набор 14/II-32 г. Подписан к печати 7/III-32 г. Изд. № 183. Формат 1/16—72×105 см, 3 бумажн. листа, 145920 знаков в одном бум. листе.

Уполномоченный Главлита № В—17880

Зак. № 238

Тираж 14 150

Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48.